

История проституции у всех народов мира с самой отдаленной древности до наших дней, том 6/6

П. Л. Жакоб

HISTOIRE DE LA PROSTITUTION

CHEZ TOUS LES PEUPLES DU MONDE

DEPUIS

L'ANTIQUITÉ LA PLUS RECLÉE JUSQU'A NOS JOURS

PAR

PIERRE DUFOUR

TOME SIXIÈME

PARIS—1853

The Project Gutenberg eBook of Histoire de la prostitution chez tous les peuples du monde depuis l'antiquité la plus reculée jusqu'à nos jours, tome 6/6

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в Соединенных Штатах и большинстве других стран мира без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Histoire de la prostitution chez tous les peuples du monde depuis l'antiquité la plus reculée jusqu'à nos jours, tome 6/6

Автор: П. Л. Жакоб

Дата выхода: 23 апреля 2014 [eBook #45458]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Французский

Аккредитация: Подготовлено Лораном Вогелем, Бибимбопом, Ги де Монпелье и группой распределенной онлайн-корректур по адресу <http://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Print проекта Google Print).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK HISTOIRE DE LA PROSTITUTION CHEZ TOUS LES PEUPLES DU MONDE DEPUIS L'ANTIQUITÉ LA PLUS RECUÉE JUSQU'À NOS JOURS, TOME 6/6 ***

Примечание к транскрипции:

Ошибки, явно допущенные типографом, исправлены. [Более подробное примечание](#) приведено в конце книги.

Данный текст содержит некоторые греческие слова и выражения, такие как φαῦδαίνα. Если они отображаются неправильно, проверьте набор символов, используемый для отображения. В качестве альтернативы проведите мышью по тексту, и на экране появится транслитерация латинскими буквами.

Оглавление можно найти [здесь](#).

ИСТОРИЯ ПРОСТИТУЦИИ У ВСЕХ НАРОДОВ МИРА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН И ДО НАШИХ ДНЕЙ, АВТОР: ПЬЕР ДЮФУР,

Член нескольких французских и иностранных академий и научных обществ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

20 прекрасных гравюр на стали, выполненных самыми выдающимися художниками.

ТОМ ШЕСТОЙ

Автор и издатель этого произведения оставляют за собой право переводить его или добиваться его перевода на любой язык. Они будут преследовать в судебном порядке в соответствии с законами, указами и международными договорами любую подделку или перевод, сделанный с нарушением их прав.

ПАРИЖ, 1854 ГОД.

СЕРЭ, ИЗДАТЕЛЬ, УЛИЦА СЕН-АНДРЕ-ДЕ-АРТ, 52;

И МАТИНОН, УЛИЦА ГРЕНЕЛЬ-СЕН-ОНОРЕ, 14.

ТИПОГРАФИЯ PLON FRERES,

RUE DE VAUGIRARD, 36, A PARIS.

ИСТОРИЯ ПРОСТИТУЦИИ

У ВСЕХ НАРОДОВ МИРА ОТ САМОЙ ОТДАЛЕННОЙ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ, АВТОР:
ПЬЕР ДЮФУР,

Член нескольких французских и иностранных академий и научных обществ.

ТОМ ШЕСТОЙ.

ПАРИЖ-1853

SERÉ, ÉDITEUR, 52, RUE SAINT-ANDRÉ-DES-ARTS,

И

P. MARTINON, RUE DE GRENELLE-SAINT-HONORÉ, 14.

ФРАНЦИЯ.

ИСТОРИЯ

САЙТА

ПРОСТИТУЦИИ.

ГЛАВА XXXV.

Резюме - Проституция в моде - История костюма с точки зрения морали - Любовь к роскоши ведет к разврату - Сумбурные указы королей - Простота национального костюма французов - Зарождение разнузданности в одежде - Монахи Сен-Реми де Реймс.-Крестовые походы принесли во Францию восточные моды. -Культ моды, по мнению Робера Гагина. -Человек стремится походить на дьявола.-Рога и хвосты при Карле VI - Преувеличения *формы одежды* - Определение честной одежды, по мнению Кристины де Пизан - Мода Изабеллы Баварской - Робы *à la grand'gore* - Предрассудки против женщин, которые моются - *Мюгеты* - *Стретчинг*.Бани и парилки.- Мужская мода в пятнадцатом веке.-*Maçoîtres*.-*Braguettes*.-*Les basquines et les vertugales*.-Их происхождение и использование.-Женские *труссы*.-Нагота горла.-Черные атласные кровати.-Раффины блуда.-Прогресс общественных приличий.

С незапамятных времен между французской моралью и модой существовали тесные связи, поразительные аналогии, необыкновенное сходство, настолько, что можно, почти наверняка, судить об одном по другому: когда нравы чисты, строги, хорошо отрегулированы, мода проста, прилична, честна; напротив, если мода экстравагантна, распущена, непристойна, нравы должны быть необузданными, развращенными, скандальными. Одежда в каждый период нашей национальной истории является, так сказать, верным зеркалом частных привычек. Достаточно, например, увидеть точное изображение мужских и женских костюмов в XVI веке, чтобы с уверенностью признать, что этот век из всех предшествующих был самым склонным, самым благоприятным, самым снисходительным к Проституции.

Было бы легко составить историю костюма во Франции, с точки зрения морали, с самых ранних времен. Здесь мы должны ограничиться эпизодическим поиском характерных черт того, что можно назвать проституцией в одежде обоих полов. Мы хотим лишь коснуться этой обширной и любопытной темы; но в этом кратком очерке мы скажем достаточно, чтобы доказать, что мода всегда была среди наших предков отражением нравов. мода - это, как правило, не более чем форма и выражение роскоши, которая оказывает столь пагубное влияние на общественную мораль и открывает двери, так сказать, для любой ошибки, любого беспорядка, любого порока. Любовь к роскоши ведет к разврату и советует заниматься проституцией; она является приманкой для дурных страстей. В целом народе возникает пылкое и беспорядочное подражание злу, когда единственной целью всех человеческих мыслей и действий становится не что иное, как неумеренное удовлетворение чувств и тщеславия; тогда мода одновременно становится парадом гордыни, подстрекательством к невоздержанности.

Неоднократно государи пытались поставить предел излишествам роскоши; они регулировали законами о роскоши одежду или *ливрею* каждого сословия граждан; но их заботило только качество и стоимость материальных предметов, которые они должны были разрешить или запретить: их предписания носили, таким образом, чисто экономический и политический характер. Иногда они хотели, чтобы каждый был одет в соответствии со своим статусом, и чтобы "по одежде", как гласит ордонанс Карла VII, можно было распознать "статус людей, будь то принцы, знатные люди, мещане, купцы или торговцы"; "Иногда они хотели, чтобы их подданные не разорялись "в слишком пышных и роскошных одеждах, не соответствующих их состоянию", как говорится в ордонансе Карла VIII, который также напоминает нам, что "подобные злоупотребления неуютны Богу, нашему Творцу"; "В другое время они хотели, чтобы страна перестала обеднеть из-за покупки некоторых иностранных тканей, которые, как говорится в ордонансе Карла IX, приводили вывозу части валюты королевства; но, похоже, они не очень заботились о поддержании приличия костюма с помощью установленных правил и суровых наказаний. Рекомендовать, требовать и навязывать скромность в одежде - дело церковных властей; только они могут осудить, запретить и предать анафеме моды, не согласующиеся с той скромностью, которую христианская религия предписывает всем своим детям. То тут, то там мы встречаем полицейские приказы и парламентские постановления, запрещающие ношение *распущенной одежды*, но это название не использовалось для обозначения нескромной одежды, которой оба пола предавались с утонченной галантностью и чувственностью. Религиозный закон, и прежде всего моральный, с момента введения христианства в Галлии был единственным средством пресечения модных излишеств и контроля за костюмом с точки зрения морали.

В первые годы монархии мужчины и женщины носили длинные, свободно облегающие одежды, которые скрывали каждое движение тела и не оставляли ни одной его части

неприкрытой. Французы переняли римский костюм, тогу, хламиду и тунику, сохранив при этом брайи или носки варварских народов. Женская одежда, еще более простая, чем мужская, состояла из шерстяной туники с широкими складками, расходящимися на пятках, и плаща, перекинутого через плечо. Они также носили длинную вуаль, которую обматывали с головы до ног и закрепляли над ушами металлической застежкой. В те времена женщина, какого бы ранга она ни была, появлялась на публике только под вуалью и старалась не показывать под бельем никаких форм, которые могли бы указать на ее пол. Любовь к украшениям, эта отличительная черта нации, отражалась лишь в нагромождении массивных браслетов, колец, ожерелий и всевозможных драгоценностей. Женщина, больше всего обвешанная золотом, была лучше всех украшена, и понятно, что эта потребность блистать за большие деньги должна была иногда вызывать колебания в добродетели. Но вскоре представительницы слабого пола стали более ревностно относиться к своим правам и преимуществам; женщины носили туники, лиф которых обтягивал талию и опирался на горло; затем туники стали вырезаться вокруг шеи и до плеч; позже, чтобы придать грацию походке, женщины затягивали платья ниже талии, чтобы обозначить бедра, ляжки и поясицу, которые раньше скрывались под толстыми складками юбки. Однако до двенадцатого века, похоже, ни одна женщина с *хорошим характером* не осмеливалась предстать перед мужчинами в одежде, открывающей грудь, плечи и руки.

Возможно, именно мужчины начали нарушать приличия национального костюма, который Карл Великий постарался вернуть к древней франкской простоте. На синоде, состоявшемся в Реймсе в 972 году, Рауль, аббат Сен-Реми, жаловался, что его монахи, сжимающие туники на бедрах и выпячивающие ягодицы, больше похожи на куртизанок, чем на монахов сзади (*Arctatis clunibus*, говорит Ришер в третьей книге своей "Хроники", *et protensis natibus, potius meretriculis quam monachis tergo assimilentur*). У этих же монахов была непристойная обувь (*iniqua*) непомерной ширины, сделанная из такой легкой ткани, что она ничего не скрывала (*ex staminis subtilitate etiam pudenda intuentibus non protegunt*). К этому времени уже вошли в обиход туфли с *кольтами*, когтями или клювами, которые более четырех столетий преследовались анафемами пап и ругательствами проповедников. Казуисты Средневековья всегда считали эту обувь самой отвратительной эмблемой блуда. На первый взгляд трудно понять, что может быть скандального в этих туфлях, заканчивающихся львиным когтем, орлиным клювом, корабельным крылом или любым другим металлическим придатком. Отлучение от церкви, наложенное на этот вид обуви, предшествовало дерзкому изобретению некоторых распутников, которые носили обувь в форме фаллоса: эти фаллоидные туфли были также приняты женщинами, которые, возможно, не знали, что мода заставляет их носить на конце туфель. Пулен, который, как говорили, был *проклят Богом* (см. Glossaire Дюканжа, слово Poulainia), был также запрещен королевскими указами (см. письма Карла V от 17 октября 1367 года, касающиеся одежды женщин Монпелье). Однако знатные дамы и вельможи продолжали носить жеребят, которые, несомненно, были честнее тех, что вызывали негодование церкви и которые, по выражению Гийома де Нангиса, казалось, хотели заменить человеческие конечности; именно по этой причине Карл V вместе с авиньонским папой Урбаном V запретил использование этой уродливой обуви. (*Quia res erat valde turpis et quasi contra creationem naturalium membrorum circa pedes, quin imo abusus naturæ videbatur*. Continuator Nangii, ann. 1365). Мода противостояла королевским эдиктам, поскольку при Людовике XI при дворе по-прежнему носили жеребят *длиной в четверть акра* (т.е. четверть акра); так рассказывает Монстреле, или, по крайней мере, его продолжатель. Однако эти жеребятчи *клювы*, которые тогда назывались *becs de canne* (*тростниковые клювы*), уже не принимали непристойных форм, а лишь поднимались в виде полуспирали, как китайская и турецкая обувь.

Изменение национального костюма во Франции, очевидно, должно быть связано с крестовыми походами: мода Востока была принесена крестоносцами вместе с шелковыми тканями этой страны, и молодые французские дворяне стали, так сказать, женоподобными, переняв привычки азиатской роскоши. Молодое французское дворянство стало, так сказать, *женоподобным, переняв привычки азиатской роскоши*: вместо грубых шерстяных простыней, камельков из козьей шерсти и *бюро*, которых так долго хватало нашим предкам, остались только простыни, *отделанные золотом*, алые простыни, *богатый сиглатон* и *самит* (по выражению "Шансон д'Антиош"), драгоценные меха, вышивка и бахрома. Мы уже видели, как эта новая роскошь пагубно влияла на нравы. Можно с уверенностью сказать, что, особенно начиная с этого периода, женщины позволяли себе всевозможные непристойности. Только начиная с XII века они отказываются от простоты и целомудрия в одежде, чтобы с увлечением следовать культу моды, которая с тех пор стала французским божеством. Вот как историк Робер Гаген ополчается против этого профанного культа, который, казалось бы, придумал демон похоти: "Эта нация, - говорит он о французах, - ежедневно предаваясь гордыне и разврату, не делает ничего, кроме глупостей: то одежда, которую она принимает, слишком свободна, то слишком тесна; в одно время она слишком длинна, в другое - слишком коротка. Всегда жаждущая новизны, она не может сохранять одну и ту же форму одежды в течение десяти лет". (*Compendium Roberti Gaguini*, lib. VIII, anno 1346.)

Похоже, что на протяжении всего Средневековья между создателями и дизайнерами моды существовало своего рода негласное пари - *деформировать* человеческое тело с помощью нелепой или чудовищной одежды (именно это хронист *Гауфред Возиенсис* называет *deformitas vestium*) и добавить к Божьему созданию несколько черт, заимствованных у дьявола, созданных воображением художников и иллюстраторов. Так, мы видим, что жеребята имитируют сросшиеся ноги, приписываемые Сатане и его inferнальному семейству. Отсюда, несомненно, и гнев церковников против дерзкой претензии на физическое сходство со злым духом. Несомненно, из того же источника мода XIV века взяла свои хвосты и рога. Эти *удивительно высокие и широкие* рога, украшавшие женские головные уборы с обеих сторон во времена Карла VI, стали настолько большими, что двери в залы были уже недостаточно велики, чтобы женщина в рогах могла пройти спереди, не нагибаясь. Придворный проповедник выступил против рогов, как его предшественники выступали против жеребят: "После его кафедры, - рассказывает Жювеналь де Урсен в своей "Хронике", - дамы подняли свои рога и стали вести себя как улитки, которые, услышав шум, отходят в сторону и довольно крепко сжимают свои рога". Хвосты, с которыми проповедники также вели войну, были более или менее развиты в нижней части платья и на конце шаперона. Хвосты платьев, которые Оливье Майяр в нескольких своих проповедях назвал *дьявольскими изобретениями*, тем не менее, оставались в обиходе при дворе, под защитой этикета. Что касается хвостов шаперонов, которые ниспадали по спине мужчин и женщин до земли, то их сначала сворачивали через плечо, затем вокруг шеи, а потом и вовсе снимали.

Возможно, именно сатанинская гордыня сделала модными когти, хвосты и рога: возможно, именно развращенный вкус советовал мужчинам и женщинам уменьшить или увеличить пропорции определенных частей тела в одежде. Правда, истоки этих обманов в костюме можно проследить в желании исправить недостатки и несовершенства природы. Естественно, с помощью гламура ухоженности люди искали способы скрыть пороки формы: слишком худые женщины хотели казаться толстыми, слишком толстые - скрыть излишнюю упитанность. "Поэтому мы должны решить, - пишет Мари де Ромье в своей *"Инструкции молодым девушкам"*, опубликованной в 1573 году, - что необходимо по мере возможности исправлять недостатки и несовершенства природы". Однако следует признать, что

большинство этих преувеличений *привычной формы* было сделано с целью удовлетворения инстинктов и прихотей либертинизма; ведь они всегда фокусировались, по преимуществу, на тех частях тела, которые играют главную роль в развратных фантазиях. Так, у женщин именно поясница, бедра, талия, бедра и горло всегда были предметом искусства *портних* и дизайнеров белья; у мужчин же это самые бесчестные части тела, которые портновская индустрия стремилась выделить и выставить напоказ с бесстыдным цинизмом.

Это непристойное жеманство в одежде обоих полов никогда не было так заметно, как во времена Карла VI, и мы вынуждены приписать кокетству королевы Изабеи излишества моды ее времени, где проституция нравов так смело отражалась в костюме двора. Кристина де Пизан, *благовоспитанная* и целомудренная Кристина, которая в то время сочиняла свой "*Trésor de la cité des dames*", несомненно, не пользовалась большим доверием в этом развращенном обществе, которое мало заботилось о том, чтобы узнать от нее, "как сословные женщины должны быть упорядочены в своих привычках". Кристина недвусмысленно советовала им не быть "возмутительными ни в своих нарядах, ни в одежде, ни в манерах". Одна из причин, по которой она выступала против этой неумеренной роскоши моды, заключалась в том, "что она дает, - говорила она, - неупорядоченными и возмутительными нарядами повод другим грешить, либо в ропоте, либо в неупорядоченной похоти". Похоть - это, по сути, одна из тех злых страстей, на которые наиболее злонамеренно направлена мода, и Кристина де Пизан очень мудро заметила, что *самый опасный недостаток*, "который может возникнуть у женщины из-за беспорядочной одежды и бесчестных манер, - это забава глупых мужчин, которые могут подумать, что она носит это, чтобы быть желанной и желаемой глупой любовью". Вот какие добродетельные наставления она давала дамам и девицам, которые вряд ли извлекали из них пользу: "Поэтому каждая женщина, желающая сохранить свое доброе имя, обязана быть честной и без маскарада в своем платье и наряде, не слишком строгой, не слишком большой *colletz*, не другими бесчестными способами, не *grand'trouveresse de choses nouvelles, par especial, non honnestes*. И, конечно же, манеры и осанка играют важную роль. Ибо нет ничего более непривлекательного для женщины, чем поношенные манеры и плохая осанка; и нет ничего более приятного, чем хорошая осанка и хорошее поведение".

Но, несмотря на этот мудрый и благородный совет, современницы Кристины де Пизан не довольствовались *хенинами* или высокими чепцами с ушками и рожками, платьями со шлейфом, *сюртуками* или узкими лифами, туфлями с колтами и всей атрибутикой своих *поместий и бомбанов*; они старались показать, что они *в полном порядке*. Придворный поэт Карла VI, Юсташ Дешам, в своей поэме под названием *Mirouer de mariage* призывал молодых дам, ищущих мужа, принять *новые кузнечные* платья с широкими расклешенными воротниками, чтобы сделать их грудь и горло "более очевидными".

Но, хотя в прошлом худоба встречалась среди женщин реже, чем сегодня, все же были худые женщины, которые считали бы себя опозоренными, если бы не вернули себе пухлость, которой им не доставало, с помощью искусственных средств. Правда, это было в период становления *фальшивых призывов*, которые с тех пор остаются неотъемлемой частью науки ухода за собой. Поэт Эсташ Дешам в своей поэме, посвященной *Mirouer de mariage*, старается не забывать о них: он даже берет на себя труд указать способ их изготовления с помощью "двух мешков, на мужскую фигуру", которые более или менее отвечают требованиям современного хорошо набитого корсета.

И это еще не все: модница должна была сделать свои бедра выступающими и придать задним формам столько полноты и рельефности, сколько позволяла природа. Менее

фальшивый метод заключался в затягивании талии поясом, чтобы поясница казалась шире и развитее под бюстом, который утончался плоским, липким лифом.

Эташ Дешам описывает этот процесс так, словно он изучал поэзию в *портновской* мастерской. Согласно его описанию, платье модницы должно было быть "узким по бокам", очень полным в области поясницы, пышным сзади и уже снабженным аксессуаром, который мы называем *бюстом*; менее объемным ниже колена и ниспадающим "до дна чана" над ногами.

Миниатюры в манускриптах того времени дают нам представление о том, как такие платья делали женщин странными, скованными и нескладными.

В этой системе одежды грудь была полностью открыта, *pectus discopertum usque ad ventrem*, говорит Оливье Майяр в одной из своих проповедей. Этот тип платья, открытого спереди до самого живота, был изобретен королевой Изабеллой, и народ, возмущенный этой *вопиющей* роскошью, прозвал их "*платьями gore*" (свиноматки); женщин, которые их носили, они называли "*gorières*" и считали публичными девушками тех, кто не позаботился закрыть отверстие лифа *знаком* или металлической булавкой.

С конца XIV века в женской моде всегда присутствовало более или менее заметное стремление показать то, что они притворялись, что хотят скрыть.

Если разнузданность нравов того времени привела к нескромности костюма, если любовь к роскоши была главным возбудителем проституции, то следует сказать, что рыцарство оказало благотворное влияние, научив чистоте женщин, которые до этого были очень грязными и небрежно относились к своей персоне. Народная пословица, приведенная и прокомментированная Бероальдом де Вервилем в его "*Moyen de parvenir*", является достаточным доказательством того, что честные женщины смели гордиться тем, что никогда не позволяли себе тайных омовений. Согласно этой непристойной пословице, только куртизанки делали нечто большее, чем просто мыли лицо и руки. Очевидно, что именно зависть и желание угодить приучили дам и молодых леди поддерживать себя *в чистоте*, благоухать и использовать хорошие ароматы для борьбы с тошнотворными испарениями человеческой немощи. Однако, судя по всему, некоторые аспекты ухоженности изначально отвергались национальными предрассудками и долгое время были запрещены к использованию; но хотя женщины окружали эти деликатесы местной чистоты глубочайшей тайной, они не боялись признаться в использовании косметики и ароматов, за что и получили прозвище "*мурет*". Только в XVI веке чистота тела стала неотъемлемым условием женской красоты. Мари де Ромье в своей "*Инструкции молодым девушкам*" не постеснялась предложить им "держаться в чистоте, когда это нужно только для удовлетворения себя или мужа". По этому поводу она высказывается как женщина, осознавшая, что вода течет не только для стыда ее пола: "Encores, - говорит она, - не должны ли мы поступать так, как некоторые, которых я знаю, которые не заботятся о том, чтобы содержать себя в чистоте, за исключением того, что кажется неприкрытым, сохраняя себя опрятными и грязными, не считая того, что находится под бельем. Но я хочу, чтобы прекрасная Дамуазель очень часто мылась водой, в которой кипятили хорошие ароматы, потому что нет ничего столь несомненного, что красота молодой дамы расцветает больше от чистоты, с которой она держит себя в порядке и опрятности". В "*Рассуждениях о мужском и женском полах*" Грациана дю Пона, сеньора де Друсака, опубликованных в 1530 году, мы видим, что, несмотря на естественные законы чистоты, женщины использовали ароматы, а не чистую воду; таким образом они только усиливали неприятный запах, который пытались

замаскировать. Лорд Друсак рассказывает, что некоторые женщины, особенно толстые, носили надушенные губки

между бедрами и подмышками,
чтобы не пахнуть овечьей шерстью,
фагенами и прочими пресловутыми ароматами...

Достаточно прочитав эти "*Споры*", чтобы понять, каково было большинству женщин, и особенно хороших женщин, быть нечистыми, несмотря на их любопытное увлечение духами, которые они ни в коем случае не считали позором. Господин Друсак сообщает, что среди их *великих умений*, они часто носили калесоны или *тиребреи*, когда танцевали ломбардские или *гальярдские* танцы, и эти калесоны, изобретенные "для того, чтобы шланг не перекашивался", обычно были полны грязи и пахли сильнее, чем *абстиненция*. Не было ли это чудесным консервантом их добродетели?

До XVII века ванны с холодной или теплой речной водой почти не использовались; их принимали только в богатых домах, по прибытии из путешествия или за ужином. В "*Скандальной хронике Людовика XI*" мы видим, что когда король отправлялся обедать и гостить к добрым буржуа Парижа, его всегда ждала горячая ванна. Но ничто не было менее распространено, чем этот вид роскошной бани. Люди обходились паровыми ваннами и ходили в парные. Эти общественные заведения появились в Париже примерно в двенадцатом веке и были очень популярны до конца шестнадцатого столетия, когда по каким-то причинам от них внезапно отказались. Впрочем, других бань не было, и они никому не были нужны. Это было подражание восточным привычкам, которые крестовые походы принесли во Францию. Но женщины, по крайней мере те, кто дорожил своей репутацией, в бани не ходили: там можно было встретить только горничных, *сплетниц* и женщин с дурной репутацией. "Aussy, - говорила Кристина де Пизан, - бани, эстуарии и сплетни слишком сильно преследуют женщин, и такие компании, без необходимости или веской причины, являются лишь лишними расходами, не приносящими никакой пользы, и по этой причине от всех этих и подобных им вещей женщина, если она мудра, имеет честь и не желает богохульства, должна себя оберегать". Из множества свидетельств, все они сходятся в том, что женщина, посещавшая бани, возвращалась физически чистой только за счет своей нравственной чистоты. Именно поэтому бани практически приравнивались к местам проституции.

Поэтому мужчины могли похвастаться тем, что они более щепетильны в вопросах чистоты, чем женщины; они также были менее склонны к *ароматам* и *макияжу*, чем женщины. Однако, когда дело доходило до моды и ухоженности, они ориентировались на свой пол, который всегда был вершителем судеб на этих *светских мероприятиях*. Во все времена, когда роскошь одежды страдала от разврата нравов, мужчинам, как и женщинам, нравилось, по выражению Дюлора, "уродовать наготу" и переделывать, так сказать, творение Создателя под влиянием непристойной или распутной идеи. Так, когда женщины занялись искусственным подчеркиванием форм своей груди, бедер, поясицы и даже живота, мужчины, по словам Монстреле, "стали одеваться короче, чем когда-либо, так что можно было видеть их задницы и гениталии, как полагается одеваться обезьянам, что было очень прискорбно и нескромно. Они также носили большие махоистры на своих дублетах, чтобы показать, что они широки в плечах. Эти *махоистры* представляли собой нечто вроде выпуклости, которая увеличивала размер плеч и обличовывала предплечье. Самый нежный *ландыш* таким образом становился похожим на Геркулеса. Мужское тщеславие на этом не остановилось. "При Карле VII, - пишет Людовик Лаланн в *энциклопедическом словаре*

Франции (статья о костюмах), - распространилась мода на искусственные плечи или выпуклости, называемые *mahoitres*, с которых свисали большие, растрепанные рукава, и *на ширинку* или ножны, стягивавшие промежность бриджей и украшенные бахромой и ворсинками лент".

Историки моды крайне сдержанно отзываются об этой части бриджей, вернее, об этом причудливом придатке, который в XV-XVI веках назывался *брагетом* или *брайетом* и который трудно было бы считать исторической модой, если бы он не встречался на старинных картинах и гравюрах. Изначально это был кожаный чехол или ножны, полностью отделенные от бриджей, к которым они крепились с помощью узлов или игл. Понятно, что эту необычную местную одежду поначалу принимали только люди, но она оказалась удобной, и как только глаза привыкли к ней, она последовательно получила права буржуазии и дворянства. Вскоре все мужчины, от королей до носильщиков, носили молнию и щеголяли ею в глаза дам, которые уже не обижались. Происхождение мушки, несомненно, связано с историей оборонительного оружия, и на эту тему в "*Пантагрюэле*" (Liv. III) есть глава под названием: *Comment la braguette est la première pièce de harnoys entre gens de guerre*. Когда воины были вооружены с головы до ног и покрыты клинками или железной сеткой, их естественные части защищал металлический ящик, выложенный губкой; этот ящик был заменен стальной сеткой, а затем кожаным кошельком. Кожа вскоре уступила место шерстяным и шелковым тканям, как только мушка стала частью гражданской одежды, и, чтобы привлечь к ней еще больше внимания всех, кто уже не думал скандальничать из-за нее, ее украсили лентами, позолотой и даже драгоценными камнями. Отрывок из "*Гаргантюа*", в котором Рабле в мельчайших подробностях описывает костюм своего героя, дает точное представление о том, какой эффект должна была произвести одна из этих чудовищных молний. Не стоит забывать, что Гаргантюа был огромным великаном, который *взирал на* парижан с вершины башен Нотр-Дам: "Pour sa braguette, feurent levées sixteen aulnes un quartier d'icelluy mesme drap (estamet blanc) et feut la forme d'icelle comme d'un arc-boutant, bien estachée joyeusement à deux belles boucles d'or, que prennentoient deux crochets d'esmail, en un chascun desquels est enchassée une grosse esmeraugde, de la grosseur de une pomme d'orange". Потому что (как говорят Орфей, *libro de Lapidibus*, и Плиний, *libro ultimo*), она не обладает прямыми и удобными достоинствами естественной конечности. Отверстие ширинки было длиной с трость, растрепанное, как и туфли, с синим дамасским напуском, как и прежде. Но когда вы увидели красивую канитель и приятные переплетения золотых изделий, отделанных прекрасными диамантами, рубинами, бирюзой, изумрудами и персидскими униями (жемчугом), вы бы сравнили ее с прекрасным рогом, такие вы видите в антиквариате и такие Рея дала двум нимфам Адрастее и Иде, сестрам Юпитера: всегда галантная, сочная, благоразумная, всегда зеленая, всегда цветущая, всегда плодоносящая, полная настроений, полная цветов, полная фруктов, полная всяких вкусов. Je advoque Dieu, s'il ne la faisoit bon veoir!". Рабле так часто обращается к молниям в своем веселом романе, что можно представить, какую важную роль они играли в мире. Рабле даже рассказывает о книге, которую он написал о *достоинствах молний*!

Эти ужасные застёжки для ширин держались и демонстрировались на публике вплоть до правления Генриха III, когда у портных хватило скромности сделать их частью *швейцарской* или *мартингальной* обувной экономики; их название осталось только для менее заметной и более скромной подвижной части, которая составляла часть одежды и которая всегда застегивалась иглами. Более того, в течение XVI века мужская одежда, не став снова длинной и свободной, приобрела приличие, которого у нее никогда не было, хотя старики и распутники сохранили старую ширинку, "эту тщетную и бесполезную модель члена, которую мы не можем только с честью назвать, и которую мы все время показываем и демонстрируем

на публике (*Essais de Michel de Montaigne*, liv. I, ch. 22)". Одежда с подкладками была модной, но мы не думаем, что в этой мании набивать все вокруг хлопком и набивать бюст, живот, бедра и поясницу китовыми костями и подушечками было что-то нечестное. Однако мы читали, что итальянские нравы, царившие в то время при французском дворе, были единственной причиной этой показной демонстрации округлых и вызывающих форм, которым молодые развратники завидовали в женщинах. Последние, по крайней мере, были верны традициям своего пола, максимально обнажая горло и соперничая друг с другом за атрибуты Венеры Каллипиги. Были изобретены *вертухаи* и *баскины*, которые стали всеобщим достоянием. Комментатор "*Camur*" (Ratisbonne ed., 1726, t. II, p. 388) говорит, что эти вертухаи были придуманы куртизанками, "чтобы скрыть свою беременность". Кроме того, когда честные женщины стали стремиться реабилитировать вертухаев, перенимая их, один кордельер, проповедовавший в то время в Париже, сказал в своей проповеди, что дамы оставили добродетель, но чесотка осталась с ними (см. "*Апологию к Геродоту*" Г. Этьенна, т. I, с. 310, изд. ле Дюша). Эта мода была в моде уже в 1550 году: один нравоучительный и лицеприятный поэт опубликовал около того времени сатиру "*Blason des basquines et vertugales*" с прекрасным протестом некоторых дам, когда им сказали, что они больше не должны их носить. Пьеса была достаточно популярна, чтобы пробудить сатирическую жилку подражателей: один сочинил и опубликовал "*Жалобу месяе К...*" против изобретателей вертугалей, другой - "*Ответ вертугалю К...*" в форме инвективы. Эти большие выпуклости, которые женщины носили поверх платья, вокруг поясницы, приобрели очень грубое метафорическое название, которое использовалось в повседневном языке в течение более сорока лет. Когда дама хотела выйти в свет, она говорила своим камеристкам: "Принесите мне мою задницу! И камеристки, ища его, говорили друг другу: "Задницу мадам не найти! Le cul de madame est perdu!" (См. *Dial. du nouveau langage françois italianisé*, by H. Estienne, Antwerp ed., 1579, p. 202). Мы также читаем в "*Camure*", написанной в 1593 году: "Pareillement fut aux femmes enjoint de porter de gros culs et d'enger (это слово явно изменено: его можно заменить на *enginer*, в смысле *besogner*) en toute seureté sous iceux, sans craindre le babil des sages femmes."

Мерзкое слово, которым величайшие дамы без колебаний обозначали своих *basquines* и *vertugales*, было создано народом, которому было очень трудно привыкнуть к такой моде. Злые языки обрушивались на виртугалок, осмелившихся показаться на улицах и набережных, с грубыми и оскорбительными насмешками. Один сказал:

. . . O la gente musquine!
Какая у нее красивая баскина!
Ее добродетель хорошо одета.
Чтобы скоро обрюхатить!

Другой сказал:

. О, какое удовольствие!
Кто может на досуге
Эту грудастую, такую красивую,
У которой такой приятный трогн!

Анонимный автор "*Blason des vertugales*" ведет войну с ними с христианской точки зрения, изображая их как *позорные разводы*, которые служат лишь для того, чтобы породить скандал и проклясть людей. Он даже стремится доказать, что любая женщина, которая позорит себя

этой беспутной модой, - *шлюха*, или подхалимка, или *злая мадам*, или прелюбодейная жена. Автор "*Жалоб*" относится к этому вопросу менее сурово: Он жалуется лишь на то, что вертугал больше подвергает женскую добродетель нападкам и опасностям, от которых ее, по крайней мере, защищали *узкие юбки*; он в самых свободных выражениях рассказывает о покладистой роли, которую играл вертугал, когда галант хотел добиться своего; он утверждает, что Люцифер или его слуга *Фрикассе*, без сомнения, изобрел моду, столь благоприятную для разврата, чтобы доставить себе удовольствие ущемлять скромность женщин, которые падают на спину:

С тех пор как они были изобретены,
Бесстыдных женщин видели
И, если они падают,
Их видят вплоть до самого отверстия.

В своем "*Ответе месье К...*" Ла Вертугал не щадит злодея, который ее поносил: она с невероятной свободой рассказывает ему о своих поступках и с гордостью рассказывает о своих достоинствах:

Faictе je suys pour grandes dames
Добродетельна душой и телом,
Фейкте дже сюи для дамуазель.
Qui ont vers leurs marys bons zelles.
Я говорю, что хорошая женщина,
чтобы лучше говорить
И больше радовать своего мужчину,
Я должна поехать в Рим,
А не обычная женщина.
Которая меняется, как луна...
Мне рады при дворе,
если денег не хватает.
Там все приветствуют меня,
Там мне очень рады!

Автор "*Ответа*" не признает, что вертухаи можно носить плохо, и эту моду, которую он приписывает *мудрецу*, он смело оправдывает против упрека, что она подходит только для женщин с беспорядочным образом жизни. Затем он возвращается к источнику этой клеветы и рассказывает, что вертугал, украденный сутенером, попал в плохое место в Шам-Гайяре и был подарен девушке, которая осмелилась надеть его, чтобы пойти на мессу и *сыграть фанфары* посреди улицы. Но девушка, не зная, как носить этот новый наряд, не успела выйти на улицу, как упала назад и пролежала в неловком положении полтора часа,

А потом показала свои *gringuenauldes*,
более жесткие, чем багеноты.
Которые свисали с ее отвратительной задницы.

Говорили, что они были изобретены только для того, чтобы циркулировать воздух под платьями и поддерживать прохладную температуру, которая была столь же полезна для чистоты тела, сколь и способна подавлять пыл чувств. Об этом назначении вертухаев почти не упоминается в этих стихах из "*Жалоб*":

Mauldits soient ces beaux inventeurs,
Эти coyons, эти passmenteurs
De vertugalles et basquines,
Которые носят мушки
Чтобы придать воздух своей передней части!

Вертугали по-прежнему использовались для сокрытия беременности в течение пяти-шести месяцев и для того, чтобы беременные женщины выглядели стройными и изящными. Судя по отрывку из *"Диалогов французского итальянского языка"*, эта мода, необычайно подчеркивающая округлость живота и поясицы, изначально не была направлена на создание ложной фигуры у женщин, лишенных таковой, поскольку в середине XVI века худые женщины пользовались большим уважением, чем толстые. "Венецианские дамы, - говорит француз, фигурирующий в *"Диалогах"*, - стремятся во что бы то ни стало быть не только в хорошей форме, но и толстыми (и мне говорили, что для этого они используют много индийских орехов, наряду с другими видами мяса)". Тем не менее, чтобы выразить, что не все в достоинствах женщины - хлопок и набивка, ее восхваляли таким итальянизмом: *C'est une bonne robbe!* Но кавалеры хвастались, что любят плоть, а не жир, что хорошо выражено в этом исповедании веры развратного латиниста: *Carnarius sum, pinguarius non sum*. Вертугали были отменены во время правления Людовика XIII, но они появлялись вновь, через большие промежутки времени, с менее фантастическими пропорциями, под названиями *vertugadin, paniers, lustucru, tournure* и так далее. Более того, эти *vertugales* вернули с собой старый обычай, который был не менее важен для чистоты, чем для скромности: женщины вернулись к *ношению штанов*, чтобы защитить себя от холода и пыли, а также от позора при падении. Более того, "эти панталоны, - говорит *итальянизированный француз* в *"Диалогах"* Анри Этьенна, - также защищают их от некоторых беспутных молодых людей, поскольку, просунув руку под панталоны, они не могут коснуться плоти".

Мы считаем, что мода на женские панталоны была в основном французской, потому что эта мода, введенная при дворе в конце XIV века, была рекомендована из соображений пользы и приличия. А вот мода на открытые, низко вырезанные, растрепанные платья, которая так смело царила на протяжении всего XVI века, была натурализована во Франции вместе с итальянскими нравами во времена правления Франциска Ier. В то время женщин, носивших платья, открывающие грудь, называли *dames à la grand'gorge*; народ лишь смутно помнил *платья à la grand'gore*, которые так скандализировали его, когда Изабелла Баварская ввела их в моду. Очевидно, что примером нового злоупотребления горловой наготой стала Италия. Насмешка, напечатанная в 1612 году, под названием *"Придворная манера и своеобразие икелл"*, позволяет нам поддержать это обвинение в адрес *Шаузе*. Так называли итальянизированную Францию. Шаус, - говорит автор *"Придворной моды"*, - также придумал представлять тетон подпрыгивающим и поднимаемым машинами снаружи, для всеобщего обозрения, чтобы доставить удовольствие альтерезу, и, в соответствии с этим, они говорят:

Jeanne, qui fait de son teton parure,
Fait veoir à tous que Jeanne veut pasture".

Поэты и романисты того времени рассказывают об этом невероятном растопыривании, которому способствовало использование корсетов, вооруженных стальными лифами, китовыми костями и проволокой для арканов. В *"Новых рассуждениях о моде"*, превосходной

сатире в стихах, опубликованной в 1613 году, анонимный автор, изобразив без излишнего отвращения

Из большой груди прыгающий тетин,

рассказывает, что в то время как *жены буржуазии* все еще использовали *разрезанные швы и дорогую работу*, чтобы прикрыть горло, вместо того чтобы застегивать *верхнюю часть платья*, как в прошлом, качественные дамы ...

. . . По крайней мере, в большинстве своем, не заботятся о том.

прикрывать горло;

Они предпочитают, чтобы их грудь была открыта

и больше половины соска не прикрыто;

Они предпочли бы иметь белую грудь,

чтобы показать обнаженную откровенность альбастрина,

Из которой они черпают больше похотливых ударов.

В сто и сто тысяч раз, чем глазами.

Можно сказать, что ни в одну эпоху женщины высокого положения не прилагали столько усилий и приготовлений к тому, чтобы, как говорили, сделать красивое горло и *хорошо* выглядеть; самая худая находила способ, затянув талию, показать симулякр тучности, покоящийся на подушечках с начинкой; самая толстая не пыталась скрыть огромность своей *табулатуры*, по двусмысленному выражению, заимствованному из нотной грамоты того времени. Сами старухи не считали себя свободными от этого непристойного надругательства над наготой горла. В сатире "Развод" изображена королева Маргарита в возрасте пятидесяти или пятидесяти пяти лет, идущая три раза в неделю принимать святое причастие, "ее лицо заштукатурено и покрыто красным, с большим непокрытым горлом, которое больше похоже на задницу, чем на грудь". (См. *Div. satyr.* после *Journal de l'Estoile*, ed. 1744, t. IV, p. 511). Однако Брантом в своих "*Галантных дамах*", которые он читал в рукописи королеве Маргарите, не опасается неприятных для этой принцессы аллюзий, когда прямо говорит о неких женщинах, "изобилующих проглоченными тетассами, висящими больше, чем корова, сосущая своего теленка". Брантом шутливо добавляет, что если бы какой-нибудь ювелир взял модель этих *больших тетасов* и сделал из них две золотые чаши, то эти чаши напоминали бы "настоящие корыта, которые мы видим деревянными, круглыми, которыми мы кормим свиней".

Не только исповедники и проповедники осуждали такую наготу, но и философы и моралисты, которые советовали женщинам не терять своих природных достоинств, не оставляя ничего желанного для глаз. "Сытость порождает десгуст", - говорил Монтень (*Essais*, liv. II, ch. XV); "это пенистая страсть, ошеломленная, утомленная и спящая". Затем, словно не видя предметов, которые мода нагло выставляет на всеобщее обозрение, Монтень вообразил, что дамы при дворе Генриха III по-прежнему одеты так же просто, так же прилично, как римские матроны: "Почему, - говорил он в своей наивной озабоченности, - они завуалировали до пят эти прелести, которые каждая женщина хочет показать, которые каждый мужчина хочет увидеть? Почему они закрывают столькими препятствиями те места, где в основном скрываются наши и их желания?" Монтень, не обративший внимания на это вечное чудовище обнаженной груди среди своих современников, тем не менее заметил чудовищные пропорции их добродетельных женщин, которые исходили из совершенно иной системы кокетства; Монтень спрашивает их со злобной доброжелательностью: "И что толку в

этих больших бастionaх, которыми наши женщины вооружают свои бока, кроме как соблазнять наш аппетит трудностями и привлекать нас к себе расстоянием?" Возникает соблазн предположить, что в те времена скромность заключалась не столько в том, чтобы скрывать определенные части тела, сколько в том, чтобы не преувеличивать его формы под вуалями, которые еще больше выделяли его. Проституция, конечно, внесла свою лепту во все эти модные курьезы, и, как имел смелость доказать Брантом в анекдотах, которые можно найти в главе под названием *De la veue en amour*, глаза всегда были развратителями души и пособниками воображения. Однако привычка, несомненно, уменьшила непристойность наготы, которая не оскорбляла взоры самых серьезных людей, когда она сопровождала, как необходимый аксессуар, большой придворный туалет. Например, в замке Шенонсо мы видели, как Екатерина де Медичи давала пир, на котором присутствовали ее полуобнаженные дочери. Мемуары того времени предоставят нам множество подобных фактов: нет ничего более распространенного, чем видеть в балетах, на маскарадах и банкетах женщин, изображающих нимф и богинь, их волосы распускаются по плечам, грудь обнажена до пояса, ноги и бедра голые, остальное тело обрисовано под эластичной или прозрачной тканью. Это следует из множества подобных примеров, которые можно проследить вплоть до древних торжественных входов королей и королев (ведь в те времена народ не возмущался, видя на эшафотах, воздвигнутых на улицах и перекрестках Парижа, некие мистерии или аллегорические табло, представленные полностью обнаженными мужчинами и женщинами); В результате, можно сказать, что нагота не считалась оскорблением скромности, когда она была освобождена от всех бесчестных идей и плотских вожделений. Габриэль д'Эстре несколько раз рисовали с натуры постоянные художники короля, Раймонд Дюбрей и Мартин Фреминье, в простом стиле купальщицы, выходящей из ванны или входящей в нее; Что снимает подозрение в распущенности или даже сладострастии с этих наивных картин, так это то, что любовница Генриха IV, изображая себя в обнаженном виде, не забывала помещать на задний план нянь и колыбельные песни своих детей.

В те времена обнажение горла было лишь необходимым украшением церемониального костюма, и никому, за исключением церковников и протестантов, не приходило в голову его формализовать. Большинство прекрасных трехкарандашных портретов, написанных Дюмустье и его подражателями в конце XVI века, свидетельствуют о распространенности этой моды, которая к тому времени достигла своего предела; ведь платья, крайней мере, парадные, были открыты, обнажая половину груди, а иногда и больше, плечи и верхнюю часть рук до подмышек, а также спину ниже лопаток. Придворный этикет разрешал это забвение всякой скромности, которое общественная мораль и религия осуждали одновременно, не добившись реформы, которая, казалось бы, должна была представлять большой интерес для нравственности. Женщины, пришедшие на проповедь, чтобы услышать речь против распущенности в одежде, не боялись обнажать грудь перед проповедником. Они приписывали постоянную войну церкви с этими призраками сатаны и суею мира ригоризму гугенотов; на самом деле именно Женева начала преследовать бесчестные моды своими анафемами. Уже в 1551 году один из друзей Кальвина опубликовал, хотя и не назвав себя, *христианское наставление, касающееся пышности и выпендрежа деспотичных мужчин и беспутных женщин, любопытства к их нарядам и одежде*. Несколько лет спустя это наставление было переработано для специального использования кальвинистами под названием *Traité de l'estat honneste des chrestiens en leur accoustrement* (Geneva, Jean de Laon, 1580, in-8°), а для использования католиками - Жеромом де Шастильоном под названием *Bref et utile discours sur l'immodestie et superfluité des habits* (Lyon, Séb. Gryphius, 1577, in-4°). Католические казуисты предпочитали порицать роскошь с точки зрения гордыни; гетеродоксы, выступая против *распущенности* одежды, больше

заботились о целомудрии и приличиях. Поэтому мы должны признать доброго и строгого протестанта Франсуа Этьенна, который в 1581 году напечатал в Париже небольшой трактат о роскошной морали под названием *Remonstrance charitable aux dames et damoiselles de France, sur leurs ornements dissolus, чтобы побудить их оставить языческую одежду и принять одежду скромной и христианской женщины*. Но католические богословы увлеклись игрой и не оставили протестантам ничего, как осудить эти ужасающие наготы, о которых не забыл отец Жак Оливье в своей *"Алфавите несовершенства и злобы женщин"* (Париж, 1623, in-12), на презрение благочестивых людей. Этот крестовый поход церковных писателей против наготы продолжался непрерывно в течение всего семнадцатого века, и одним из самых спорных его результатов стало заключение части груди и плеч в лиф платья. Не стоит забывать, что непримиримые враги нескромной моды достигли тонкой точки в своих спорах. Первым лед растопил Польман, представив на свет *"Шанкр или кувр-сеин женский"* (Дуай, 1635, in-8°); вслед за ним еще более пристально взглянул на проблему Пьер Жюверне в своем *"Discours particulier sur les femmes desbraillées de ce temps"* (Париж, Лемур, 1637, in-8°). Эта речь имела успех, хотя невозможно сказать, какому кругу читателей она была обязана этим успехом; но в 1640 году появилось четвертое издание с новым названием: *"Discours particulier contre les filles et les femmes découvrant leur sein et portant des moustaches"*. На эту тему было сказано еще не все: анонимный автор, под маской которого скрывался аббат Жак Буало, доктор Сорбонны и брат великого сатирика, в конце концов опубликовал шедевр жанра: *"О злоупотреблении обнаженными ущельями"* (Брюссель, 1675, in-12). Второе издание (Париж, 1677, in-12) было дополнено постановлением генерального викария Тулузы против обнажения рук, плеч и горла. В своей *"Analecta-Biblion"* маркиз дю Рур дал любопытный анализ этого знаменитого трактата, в котором автор в 113 параграфах рассматривает вред и вину обнажения плеч и горла: "Разве женщины не знают, - говорится в анализе маркиза дю Рура, - что вид красивой груди не менее опасен для нас, чем вид василиска? - Если женщины и девушки помнят слова святителя Иоанна Златоуста, они будут прикрывать себя - неужели они хотят только угодить распутникам? Но они станут их жертвами. Хотят ли они угодить честным людям? Но тогда пусть прикрываются. - Женщины - это храмы, ключи от которых хранятся чистоте. - Непоследовательно говорить, что их речь целомудренна, а наряды - нет. - Обнаженная грудь и плечи говорят громче слов. - Бог сравнивает развращенный народ с женщиной, которая поднимает свое лоно, чтобы придать ему больше благодати. - Так прикрывайтесь, но полностью, и не прикрывайте это, чтобы обнажить то".

Эта сорбоннская полемика в конце концов привлекла внимание римского двора и заставила папу Иннокентия XI издать буллу об отлучении от церкви против злоупотребления горловой наготой; но к тому времени церковь уже не была, как в XVI веке, вовлечена в решение вопросов жизни и смерти. Поэтому понятно, что развратные моды этого развратного века, о которых так много писали протестанты, почти избежали порицания католических богословов, которые не опускались до этих мелочей мирской жизни, а укреплялись в мутных сферах догмы; но в то время были моралисты, которые ставили себя защитниками общественной честности и не проявляли милосердия к этим постыдным *излишества*м в костюме. Почтенный Жан де Кёр, директор Амьенского колледжа, этот необычный прототип Мишеля де Монтеня, часто возвращался к непристойностям одежды своих современников в объемистом сборнике своих *"Нравственных и разнообразных историй"* (2-е издание, Париж, Г. де ла Нуэ, 1584, in-8°, 1 396 страниц). Иногда он восклицает: "Маскировка столь велика и излишня, что в наши дни мы принимаем женщину за мужчину, а мужчину за женщину, без всякой разницы в одежде!" Он также критикует зеркала, которые *куртизанки и маскарадные девицы* носили на поясе и которые он называет *mirouers de macule pendans sur le ventre*: "Et pleust à la bonté de Dieu qu'il fust permis à toutes personnes d'appeler celles qui les portent,

paillardes et putains, pour les corriger!... Прочтем все божественные, человеческие и светские истории, и не найдем, чтобы нескромные и деспотичные женщины когда-либо носили их на людях до сегодняшнего дня, когда дьявол изгнан из Франции!

Честный Жан де Кёр часто возвращался к узурпации сексуального костюма, к маскировке полов с помощью одежды; он возмущался, например, тем, что "девушки и женщины носят платья и плащи для мужчин, что является очень неприличной одеждой для указанных девушек и женщин, запрещенной Богом во Второзаконии, где сказано: *Non induetur mulier veste virili, nec vir utetur veste femineâ; abominabilis enim apud Deum est*". Но придворные Генриха III, следуя примеру короля и его приспешников, пошли в этом постыдном маскараде еще дальше, чем женщины: они старались ничего не утаить от характеристик или атрибутов своего пола. Подробнее об этом мы поговорим в главе, которую мы вынуждены посвятить отвратительной компании *гермафродитов*.

Брантом, который не был моралистом, хотя и был аббатом, как Жан де Кёр, также рассказывает о некоторых излишествах моды своего времени; но он цитирует их и любит развивать их со снисходительностью, свидетельствующей о распущенности его нравов. Он сообщает, не умиляясь и не возмущаясь, самые странные свидетельства развращенности придворных. Мы не будем, например, пытаться дать сносный перевод того, что он говорит о *подушках* и их использовании в любви; мы также не будем пытаться объяснить, даже как можно осторожнее, его скандальные теории о штанах, которые носят женщины, и его странные откровения о тайнах галантного туалета. Мы хотели бы, однако, упомянуть, как один из стигматов проституции этого века, о невероятных украшениях, которые развратные женщины изобретали, чтобы чествовать своих любовников, но читатель захочет заглянуть в "*Dames galantes*" Брантома, в главу о *вуалировании в любви*, чтобы узнать подробности этой тайной моды, которую придворные дамы не гнушались заимствовать у профессиональных куртизанок. Брантом слышал о *красивой и честной даме*, которая не стыдилась такой заботы и хвасталась, что так она более *приятна* для своего мужа. Трагическая смерть мадам де ла Бурдезьер выявила непристойность такого рода и вызвала скандал, который прогремел на всю Францию. Все современные мемуары фиксируют этот факт, который можно считать характерной чертой нравов этой развращенной эпохи. Пьер де л'Эстуаль поспешил записать его в своем дневнике. Мы также находим его в "Замечаниях", которые редактор "*Журнала Анри III*" (издание 1744 года) напечатал после "*Любви великого Алкандра*", сообщив нам, что эти "Замечания" "исходят от человека, который точно знал двор короля Анри IV". Франсуаза Бабу де ла Бурдезьер, тетя Габриэль д'Эстре, жила в гражданском браке с бароном Ивом д'Алгре, который погиб вместе с ней в 1592 году, убитый народом, в Иссеуре, где он был губернатором от имени Анри IV.

Брантом также рассказывает нам об одном из самых изобретательных утонченных видов проституции при дворе Валуа. "Один великий принц, о котором я рассказывал, - говорит он во второй части своих "*Галантных дам*", - заставлял своих куртизанок или дам спать в натянутых простынях из черной тафты.....". Брантом мог бы добавить, что это изобретение, приписываемое прекрасной Империи и часто применяемое на практике великими итальянскими куртизанками, было введено во Франции под покровительством королевы Маргариты, первой жены Генриха IV. Автор "*Сатирического развода*" рассказывает в этом факте, написанном от имени короля, что эта нескромная прелюбодейка, "продолжая упорствовать в своем сладострастии и желая упражнять его с большим наслаждением и вне грубости ткани", приняла своего любовника, господина Шампольона, "в постели, освещенной различными факелами, между двумя пеленами из черной тафты, в сопровождении стольких других маленьких сладострастий, что я не берусь сказать". Кровати

XVI века иногда были шириной семь или восемь футов, потому что в определенных обстоятельствах этикет, вежливость или дружба требовали, чтобы джентльмен предложил кому-то место в своей постели, чтобы оказать ему честь или продемонстрировать братское доверие. Это был старый рыцарский обычай: совместное ложе приравнивалось ко всем клятвам древнего братства по оружию. В ночь перед битвой при Монконтуре в отчете, который цитирует Майер, говорится, что "месье де Гиз уступил свою постель месье ле Принцу (де Конде), и они спали вместе". Автор "*Философской галереи Седьмого века*" (Париж, 1783, in-8°, 3 v.) добавляет: "Обычай предлагать свою постель вышел из моды только во времена Людовика XIV. Людовик XIII пришел разделить постель коннетабля де Люина: коннетабль спал посередине, король - справа от него, герцогиня - слева". Этот необычный обычай, который, похоже, сохранился в среде мелкой буржуазии вплоть до революции и который доказывает только простоту нравов наших предков, возможно, не всегда был столь респектабельным. Трудно, например, не почувствовать сомнение и подозрение, когда развратная традиция Людовика XIV напоминает нам, что очаровательная вдова Скаррона, ставшая впоследствии суровой и безупречной мадам де Ментенон, часто делила ложе своей подруги, прекрасной Нинон де Ленкрос. Как бы то ни было, став фавориткой короля и почти королевой Франции, она сама со вздохом вспоминала интимные и бурные беседы в *желтой комнате* в районе Сен-Поль.

В период всеобщей деморализации, царившей во Франции при Генрихе III, все служило или могло служить поводом или поводом для скандала. Самая дерзкая проституция ворвалась в общественную и частную жизнь. Король, сам подававший пример порока и выставлявший напоказ свою постыдную развращенность, издавал бесполезные эдикты против роскоши одежды; своднические предписания его предшественников "так плохо практиковались и соблюдались, что никогда на памяти живых, - говорил он в своем эдикте от 24 марта 1583 года, - не было такого разнузданного и разнузданного *desbordement esdits habits et autres ornements*, как в настоящее время". Но побудительным мотивом этих последовательных указов была не столько непристойность одежды, сколько неумеренное использование шелковых тканей, золотых и серебряных вышивок, драгоценностей и всех изделий иностранного искусства; Главной заботой дворян, которые были особенно заинтересованы в этих указах, было не столько исчезновение нескромной моды, сколько принуждение богатых людей, не являющихся дворянами, к тираническому регулированию цен, материала и формы их одежды. Анри III, представляя свой великий эдикт 1583 года, заявил, что его подданные *разоряются* и беднеют "из-за распущенности и излишества в одежде, и, что самое страшное, чем мы очень недовольны, Бог сильно оскорблен, а скромность почти полностью уничтожена"; но он и не подумал включить в число статей эдикта ни одного репрессивного положения против нескромности костюма. Он со скрупулезной тщательностью запретил на всех видах одежды "полосы вышивки, шитья или тиснения, пасмы, бахрому, уборы, торсионы или канители, края или ленты из любого шелка, чесучу и задние точки"; с той же строгостью он перечислил заметные различия, которые состояние людей должно допускать в богатстве их нарядов; Он запрещает женщинам, *носящим полотняные салфетки*, носить более одной золотой цепочки на шее и более одного *ряда* пуговиц, утюгов, иголок или узлов на теле и разрезах платья; но он не стремится исправить *мерзости и маскировку* моды, как называл их в то время добрый человек Жан де Кёр, , умоляя магистраты и управляющих государственными делами принять меры против этого скандального послабления нравов.

Уже в 1576 году Анри III попытался восстановить эдикты Карла IX; он приказал зачитать и опубликовать их "с трубным звуком и всеобщим криком" на перекрестках Парижа и других городов королевства. Штраф в тысячу золотых крон должен был налагаться на любого мужчину или женщину, уличенного в нарушении, то есть одетого в одежду, которую не

позволял носить его социальный статус. Однако в тот самый момент, когда король счел нужным возобновить *священные* указы своих предков против чрезмерной роскоши, "запрещающие недворянам узурпировать одежду господ и делать своих жен девицами", он не обратил внимания на невероятную непристойность женских нарядов. Парламент, который в свое время распорядился закрыть итальянский театр Гелози, поскольку "все эти комедии не учат ничему, кроме разврата и прелюбодеяния, и служат лишь школой разврата для молодых людей всех полов в городе Париже", не решился остановить и реформировать *существующую моду*. Беспорядок, - писал Пьер де л'Эстуаль в своем дневнике 26 июня 1577 года, сообщая об изгнании гелози, - был весьма велик без таких наставников, особенно среди дам и девиц, которые, похоже, усвоили манеру солдат того времени, которые щеголяют своими позолоченными и блестящими пуантринами (нагрудными знаками), когда идут делать своих чудовищ", Когда они идут делать своих чудовищ, потому что так же, как они делают чудовищ из своих грудей и открытых пиктриналов и других грудных частей, которые имеют вечное движение, эти добрые дамы делают по компасу или мерке, как орлог, или, лучше сказать, как мехи марешо, которые зажигают огонь для использования в кузнице." (См. "Журнал Анри III" в превосходном издании господина Шампольона).

Сумбурные постановления, столь многочисленные в течение XVII века, касались только роскоши и регулировали лишь стоимость одежды и качество тканей в зависимости от состояния людей; они не касались бесчестных капризов моды и даже оставались равнодушными к скандальным злоупотреблениям наготой. Но религия, с одной стороны, и мораль, с другой, компенсировали молчание законов, касающихся костюма; они оба способствовали прогрессу общественных приличий, и добрые женщины, которым было бы стыдно приравнять себя по одежде к куртизанкам, взяли на себя труд, лучше, чем короли и парламенты могли бы сделать это с помощью эдиктов, подчинить моду законам скромности и честности. Однако, как пишет Жоли в своем *Avis chrestiens pour l'institution des enfans*, "одна из самых трудных вещей, чтобы завоевать девочек, - это устранить их любопытство к одежде и украшениям тела. Причина в том, что женщинам от природы нравится быть украшенными". Избыток одежды и украшений зашел так далеко, что избыток зла породил счастливую и благотворную реакцию: все хотели, чтобы их манера одеваться не была неблагоприятным показателем их нравственности, и никто, кроме людей с дурной репутацией, не стремился отличиться внешними признаками разврата и блуда. Постепенно благопристойность вернула себе власть над модой, и дамы и девицы, оставляя наготу горла и плеч для балов и гала-концертов, больше не показывались на улицах, как в XVI веке, в нечистых ливреях проституции.

ГЛАВА XXXVI.

Резюме.- *Кабинет короля Франции*.- Николя Барно не является автором этой работы.- Рефюм о Моннуа.- *Секрет финансов Франции*.- Кем является автор.- Анализ кабинета и объяснение трех ценных перлов, которые он содержит.- *Трактат о священной полигамии*.- Статистика проституции в 1581 году.-Персонал Лионского архиепископства.-Курьезные цитаты из книги о *многоженстве*.-Подробное описание беспорядков в одной епархии.-Автор доказывает точность своих расчетов каталогом дьявольской монархии.-Подробное описание епархий Франции, с точки зрения проституции, с доходами и расходами.-Сингулярные доказательства, представленные автором в поддержку своей статистики.-Кардинал Лотарингии, оправданный Брантомом.-Камердинеры кардиналов.-Персонал епископского дома.-Епископский бал.-Камердинеры аббатов, приоров, монахов и т.д.-Пять статей из коллоквиума в Пуасси.-Полигамия дворянства.Проституция беррийской знати.- Коллаж

аббата.- *Торговец лошадьми*.- Доходы духовенства.- Заключение этого гугенотского памфлета.- Церковные нравы в XVI веке.- Свидетельства Жана де Монлюка и Брантома.- Расследование против аббата Орийяка.- Духовенство подверглось моральному влиянию Реформации.

У нас есть очень любопытный и странный документ о состоянии проституции в конце шестнадцатого века. Это сочинение под названием "*Кабинет короля Франции*", в котором находятся три драгоценные жемчужины неоценимой стоимости, с помощью которых Его Величество становится первым монархом в мире, а его подданные получают полное облегчение. Это редкое произведение, которое существует только в одном издании, представляет собой том формата in-8°объемом 647 страниц, с 8 предварительными листами и 5 нумерованными таблицами; на нем нет ни названия места, ни имени книготорговца; на титуле стоит дата 1581 года, а посвятельное послание Генриху III, в котором автор скрывает себя под инициалами N. D. C., заканчивается датой первого ноября 1581 года. Библиографы лишь цитируют эту книгу, не удостоивая ее вниманием, и нам известен лишь сборник "*Mélanges tirés d'une grande bibliothèque*" (t. XVII, p. 362 et seq.), где мы находим некий очень краткий и очень несовершенный анализ этого необычного издания, вышедшего из тайного диспансера реформатов. Достаточно изучить этот том и сравнить его шрифт и способ печати с книгами, напечатанными примерно в то же время в Ла-Рошели, чтобы убедиться, что он был изготовлен в одной из типографских мастерских, города, который в то время был столицей гугенотства. Что касается автора "*Кабинета короля Франции*", то ученый ла Моннуа в своих комментариях к "*Auteurs déguisés*" Байе считает его Николя Барно, которому он также приписывает "*Мировоззрение французов, содержащее сведения о состоянии и ведении дел Франции*", опубликованное под псевдонимом Николя де Монтан; однако ничто не подтверждает и не оправдывает эту атрибуцию, которую ла Моннуа не потрудился подкрепить никакими доказательствами или правдоподобными доводами. Тем не менее мнение комментатора Байе осталось в библиографии общепризнанным фактом. Некоторые даже решили объяснить инициалы неизвестного автора, переведя их как *Николя де Крест* и основывая эту странную догадку на том, что Николя Барно родился в Кресте в Дофине!

Но имя автора не имеет для нас большого значения, и мы не будем вдаваться в подробности, чтобы показать, что Николя Барно, врач, *теолог-социалист* и, прежде всего, неутомимый искатель философского камня, никогда не смог бы собрать тот огромный статистический материал, который вошел в *Кабинет короля Франции*. Достаточно отметить из письма этого Барно, написанного в Лейдене в 1599 году, что он более сорока лет путешествовал по Испании, прежде чем обосноваться в Голландии (см. это письмо во главе его сборника по алхимии, озаглавленного: *Quadrige aurifera, nunc primum a Nicolao Bernaudo* (sic), *Delphinat, in lucem edita*. Lugd. Batav, ap. Christ. Raphelengium, 1599, in-8°). Мы не будем далеки от того, чтобы приписать *Кабинет* Николя Фрументо, чье имя полностью стоит на титуле аналогичного труда, опубликованного в том же году: "*Секрет финансов Франции, выведенный и изложенный в трех книгах и опубликованный в настоящее время, чтобы открыть все способы, необходимые для очищения королевских владений, выписать субъекты субсидий, наложенных за последние десять лет, и восстановить все отрицания, предъявленные Савшему Величеству*". Первое издание, гораздо менее полное, чем это, состоящее из трех томов in-8°, уже вышло в 1581 году под другим названием: *Le Secret des thresors de la France, decouvert et departy en deux livres*. Печатник в примечании на обороте фронтисписа сообщает, что эту работу ждали с нетерпением, настолько, что листы, еще влажные от пресса, расхватывали. Это обстоятельство в достаточной степени указывает на то, что печатание происходило в протестантском городе, где это не делалось тайно. На самом деле "*Секрет финансов*", как и "*Кабинет короля Франции*", был напечатан в Ла-

Рошели, и весьма вероятно, что эта последняя анонимная работа, опубликованная после первой, которая также посвящена Анри III и датирована Парижем, 1 января 1581 года, была написана тем самым Николя Фрументом, чье имя не встречается ни на одной другой книге. Остается только гадать, не является ли *Фрумент* псевдонимом, под которым скрывался один из самых страшных поборников того времени, либо Агриппа д'Обинье, либо дю Плесси-Морнэ, либо Ланселот-Вуазен де ла Попелиньер, либо, наконец, пламенный реформаторский министр Гийом Ребуль, написавший несколько столь же жестоких и не менее эксцентричных книг. Но нам нет нужды рассматривать "*Секрет финансов*", хотя он может дать много любопытных фактов для истории проституции, таких как, например, "количество изнасилованных девушек и женщин" во время гражданских войн. Книга "*Кабинет короля Франции*" настолько насыщена информацией, что нам не нужно искать в других местах сведения на ту же тему и за тот же период.

Приведем краткий анализ книги. Три драгоценные жемчужины, которые автор предлагает исследовать, - это Слово Божье, дворянство и третье сословие, которые он показывает нам заключенными в *футляр* или шкатулку с драгоценностями, которые представляют собой не что иное, как королевство Франция. Сначала он перечисляет имущество и доходы духовенства; он хочет, чтобы король захватил их и воссоединил со своими владениями, чтобы с помощью этих новых средств содержать армии, помогать бедным, процветать сельскому хозяйству и положить конец беспорядкам, которые позорят католическую церковь. Затем он указывает на пороки и недостатки дворянства; он указывает на реформы, которые могут вернуть ему былое величие. Наконец, он с особым пристрастием говорит о Третьем сословии; согласно разработанному им финансовому плану, Третье сословие станет фермерами церковных и дворянских земель, а затем будет отвечать за выплату долгов республики, наполнение королевской казны и обеспечение подходящего приданого для брака всех священников и монахов. Исходя из этого простого изложения основных идей автора, который, очевидно, был непримиримым гугенотом, можно задаться вопросом, какое отношение подобная работа имеет к истории проституции. Но достаточно открыть этот *Cabinet du roy de France*, чтобы увидеть, какие интересные документы он содержит на эту тему, хотя не стоит воспринимать буквально все обвинения, которые автор обрушивает на нравы духовенства и дворянства своего времени. Однако, как представляется, этот автор собрал под названием "*Трактат о священной полигамии*" огромное количество заметок и статистических материалов, чтобы с помощью цифр установить истинное состояние деморализации католической церкви; Этот трактат заполнил не менее трех тысяч ролей и составил бы более трех фолиантов, если бы был передан в печать; но можно предположить, что он так и не был напечатан, хотя некоторые библиографы, в частности Дюшат в своих замечаниях на "*Исповедь Санси*", цитировали его как работу, которая увидела свет. Именно из этого труда автор *Cabinet du roy de France* почерпнул то, что он говорит о многоженстве и проституции в правление Генриха III.

Несмотря на преувеличенность расчетов, несмотря на жестокость сопровождающих их размышлений, какими бы чудовищными ни были данные, приведенные в его книге, мы вынуждены признать, что гугенотский статистик не ограничился одним лишь воображением и позаботился о сборе точной информации. Он демонстрирует добросовестность и убежденность в том, как составляет свои описи и выводит системы; он проникнут святым ужасом перед полигамией или проституцией до такой степени, что хотел бы видеть женатыми не только всех монахов, но и всех мужей и всех верных жен! Именно это прекрасное рвение к браку постоянно вдохновляет его и делает непримиримым против celibатов, прелюбодеев и многоженцев. "Я поддерживаю, - говорит он в своем посвящении королю, - что более четырех раз по семьсот тысяч женщин многоженствовали и

наложничали с этими магами и чародеями, которые так долго прятали эти жемчужины в вашем кабинете". Маги и чародеи - это плохие священники, лжедворяне и развратники всех мастей. Автор не скрывает, что он гугенот и что под предлогом наведения порядка в финансах Франции он хочет заменить *папскую церковь* реформацией Кальвина, которую он называет *истинным словом Божиим*. Но не менее ценны, пусть даже клеветнические и преувеличенные, сведения о моральном состоянии духовенства, которые, как он утверждает, почерпнуты им из лучших источников. Из свидетельств самих католических писателей мы знаем, что духовенство в то время всеобщего беспорядка вело не более назидательную жизнь, чем миряне.

Автор "*Кабинета короля Франции*", констатируя факт, что общий доход духовенства составлял двести миллионов экю, что по нынешнему курсу составило бы почти два миллиарда, попытался показать, что этот огромный доход поглощался проституцией; ведь, по его словам, было около пяти миллионов человек, "которые под покровом галликанской церкви жили за счет распятия". Он считает, что может подтвердить точность своих расчетов, выбрав в качестве критерия одну из архиепархий Франции, Лионскую, и перечислив всех тех, кто составляет штат священного многоженства в этой архиепархии. Не вдаваясь во все подробности этой пугающей статистики, прежде чем представить таблицу, подобную той, которую Парент-Дюшатель тщательно составил в своей работе "*О проституции*", мы считаем, что достаточно нескольких черт, чтобы охарактеризовать статистический процесс, разработанный автором.

Он говорит (стр. 19): "В епархиях этого Архевеша (Лионского) насчитывается более 45 женщин, состоящих в браке с почтенными мужчинами всех достоинств, которые злоупотребляют и епископально бранятся с этими прелатами. Несмотря на такие прелюбодеяния, эти прелаты имели и продолжают иметь прекрасных дочерей и жен, которые произвели на свет прекрасных детей, некоторые из которых каждый день рожают и рожают других детей; но здесь мы рассматриваем только бастардов, которые были крещены этим примасом и епископами в течение года этого государства, которых насчитывается двадцать семь. В этом списке сорок две дочери были признаны десбаухиями". Автор сообщает, что в этом списке не упомянуты *епископские* девицы; под ними он подразумевает "девиц, от которых было принято отмахиваться господам прелатам, когда они совершали свои визиты, то есть посещение их епархий". Что касается слуг и домашних служанок прелатов, то они стараются не следовать примеру своих хозяев: "В списке, который был представлен нам по этому поводу, - говорит автор со спокойствием математика, - указаны 65 женщин, вышедших замуж за знатных мещан, которые распутничали с вышеупомянутыми. Несмотря на это, разврат, содомия и прелюбодеяние наполнили животы 160 девушек, восемьдесят из которых родили по бастарду в течение года нынешнего состояния. И таких служанок было пятьдесят! Далее следовали секретари и капелланы в количестве 242 человек, к которым автор относит серебряников, инструменталистов, виночерпиев, официанток и т.д., но не пажей и лакеев: "Из вышеуказанного числа в списке 53 содомита, не считая пажей и лакеев, которые как бы вынуждены потворствовать этим чудовищам. 300 замужних женщин, все из которых названы в списке, как выяснилось, занимались любовью с этими слугами, которые, помимо них, содержат 500 шлюх, триста из которых сделали по бастарду в год существования нынешнего государства". Как написано в "Трактате о многоженстве", удалось обнаружить только 48 мадам; остальные настолько скрытны, что их невозможно узнать, не говоря уже об их именах и фамилиях". Этот отрывок говорит нам о том, что перепись агентов полигамии проводилась по именам и прозвищам отдельных лиц.

Суфраганы, официальные викарии и прочие составляли 245 человек: в списке *священного многоженства* значатся 58 замужних женщин среднего класса из почтенных семей, 19 содомитов, 14 бардаков, 39 старых камеристок, 17 мадам, 20 горничных и прочие, "сто двадцать одна из которых имела бастардов в год нынешнего состояния". Каноники, которых насчитывалось 478, не были, если верить статистику, более сдержанными в своем поведении. Он извиняется за то, что смог обнаружить только 600 замужних женщин, "выкативших глаза", но указывает, согласно ужасному списку, на каноника, "который в течение одного года развратничал и имел сношения с девятью буржуазными женщинами, а именно с двумя женами адвокатов, прокурором, тремя суконщиками, женой денежного кассира, придворным и галантерейщиком". В главе о канонах он перечисляет 68 содомитов, 38 бардаков, 846 гарсов и горничных, которых *держали на горшке и огне*, "большинство из которых потеряли плоды, которые они несли", и 62 мадам, обозначенные их именами и прозвищами. Кроме вышеупомянутых каноников, - добавляет непреклонный калькулятор, - у вас есть еще 96, треть из которых изъедены червями и подагричны, остальные - шестидесятилетние, у которых есть горничные, у которых все зубы крошатся во рту, как от червей, так и от старости, и они уже не рожают детей. К услугам каноников 900 камердинеров; эти камердинеры, *свежие, упитанные и сытые*, содержат 1400 девушек и резвятся со 150 замужними женщинами. Капелланы, в количестве 300 человек, "сильно размножаются бастардами", и список полигамии приписывает каждому из них по две-три *распутницы*, замужние или нет; *светские львицы* еще более развратны: одна из них упоминается как "распутная, в течение одного года, с двадцатью восемью женщинами". Их камердинеры превосходили их в целомудрии, так как, хотя их насчитывалось 215, их многоженство включало только 168 дочерей, которые произвели на свет 118 бастардов в год переписи. Клирики, или *корифеи* (их было 317 в архиепархии Лиона в то время), все молодые и крепкие, интересовались девушками меньше, чем замужними женщинами: 200 из них были записаны как принимающие участие в разврате этих *мальчиков*; но предполагается, что не все из них известны.

Остановимся на этом огромном списке; оставим в стороне все, что непримиримый враг проституции говорит о депортации монахов и *монахинь*. Достаточно указать с помощью текстовых цитат ту статистику, которая была так смело отмечена в "*Священной полигамии*". Теперь мы представим в синоптической таблице, которую автор позаботился составить сам, численное и полное состояние неслыханных беспорядков, существовавших в 1581 году в Лионском архиепископстве, выбранном среди прочих в качестве скандального образца развращенности духовенства.

Состояние священной полигамии в Лионе в 1581 году, по данным исследований и расчетов автора Кабинета короля Франции.

1	Число архиепископов, епископов, аббатов и приоров	480
2	Их господа и слуги	1,782
3	Офицеры аббатства	957
4	Их камердинеры и слуги	1,250

5	Каноники	478
6	Их камердинеры и слуги	900
7	Лекари или пастыри	13,200
8	Их камердинеры	6,700
9	Их викарии	13,200
10	Их камердинеры	4,200
11	Партнеры	849
12	Их камердинеры	225
13	Компаньоны и канцелярские служащие	800
14	Их камердинеры	420
15	Средства	4,200
16	Их камердинеры и собеседники	800
17	Картузианские монахи	150
18	Их камердинеры	169
19	Кордельеры	700
20	Якопины	600
21	Их камердинеры	166
22	Кармелиты	452
23	Их камердинеры	180
24	Их собеседники и камердинеры	160
25	Джамбонисты или антониане	315
26	Минимы, целестины и т.д.	500
27	Иезуиты и их слуги	62
28	Рыцари, командоры (Мальтийские)	692
29	Их слуги	1,800
30	Монахини и сестры-монахини	2,345
31	Их слуги и опекуны	600
32	Епископальные и аббатские послушники и хоругвеносцы	2,800
33	Клерки или корифеи	317

ПРЕЛЮБОДЕЙНЫЕ ЖЕНЩИНЫ.

епископальный	468
канонические	750
шапеляны	160
прихожане	600
кюре и т.д.	17,000
викарии и т.д.	24,700
монастыри	12,100
Мальтийские (Мальтийского ордена)	12,120

Францисканский	400
жакопины	200
кармины (кармы)	200
Августинцы	130
Картузианцы	40
Иезуиты	5
СУКИ (ИЛИ НЕЗАМУЖНИЕ ДЕВУШКИ).	
Епископалы	900
канонический	2,200
шапеляны	800
societaries	600
пастораль или кюре	20,000
викариев	30,000
монашеские или аббатские	22,000
бастардов бастардов	5,000
Ierosolomytes, т.е. мальтузы	2,009
францискины или кордельяны	400
жакопины	1,278
кармин	410
Августинец	378
шартрез	166
антонианин	800
целестины, минимы и т.д.	600
Иезуиты	7
отцы-хранители	600
клирики или корифеи	187
СКУПЦОВ ИЛИ СВОДНИКОВ.	
епископат	484
канонический	62
чаппеланы	45
социтарии	411
лечение	2,000
викариев	3,000
монастырских и аббатских	2,400
Мальтийские	200
Францисканцы	75
жакопины	180
дез Карме	130
дез августин	96

шартрезы	40
иезуиты	3
целестинцы и др.	24
отцы-хранители	38
клирики или корифеи	59
монахини	300
СОДОМИТЫ.	
епископальный	124
каноники	68
шапеляны	40
светские священники	112
кюрес	200
викарии	нет.
аббаты, приоры и т.д.	411
означает	1,100
францискины	160
жакопины	108
Августинцы	60
карфуцианские монахи	50
минимы и целестинцы	9
иезуиты	49

Примечание: Мы не считаем нужным включать в эту таблицу подсчет *бастардов, бастардов бастардов, лошадей, венериан и соколиной охоты*.

Автор этих странных вычислений, заимствованных из *"Трактата о священной полигамии"* (liv. V, ch. 9 и 10), не раскрывает нам, как была проведена таинственная перепись, которая, как он уверяет, существовала не только для всей Галльской церкви, но и для всего христианства; однако он отвечает на возражение, которое первым придет в голову его читателей: "Кто же это, скажут они ему, кто мог подсчитать и обнаружить, что в таком-то примате или архиепископстве имеется столько-то и столько-то церковников, столько-то шлюх, столько-то мадам и столько-то и столько-то других квалифицированных лиц в сводке вышеупомянутого *Estat et denombrement*?" Ответ не слишком убедительный, если не сказать умозрительный. Автор говорит, что составить штат священного многоженства было не сложнее, чем составить каталог звезд и *опись дьявольской монархии*, включающей 72 принца и 7 405 926 дьяволов, не считая малышей. Признаем, что эту статистику было не так легко составить, как другую, "ведь, как говорит ее автор, мы часто встречаемся, пьем и обычно едим с соучастниками священной полигамии". Отстояв таким образом подлинность своего расследования и инвентаризации, генеральный контролер священной полигамии составляет по епархиям *сборник* "прелатов и благодетелей, их слуг и других лиц мужского или женского пола, живущих за счет распятия". Этот сборник, которому мы далеко не всегда доверяем, тем не менее заслуживает сохранения, за неимением более серьезной информации, менее запятнанной кальвинистской пристрастностью. Таким образом, мы составили таблицу, в манере Парента-Дюшателе, чтобы установить баланс проституции в

каждой епархии, с доходами и расходами многоженцев Галликанской церкви (см. эту таблицу на следующей странице).

Общее состояние священного многоженства, по епархиям, в 1581 году, с доходами и расходами, согласно исследованиям и расчетам автора Кабинета короля Франции.

ПРИМАУ ТЫ.	Экклези асты, включая всех их чиновни ков и слуг.	Прелюб одеи- священ ники.	Дочери с дурной репутац ией.	Бастард ы и бастард ы бастард ов.	Сутенер ы и блудниц ы.	Содоми ты.	Расписк и (escus).	Расходы (escus).
Лион	65,230	67,888	88,078	59,138	8,839	2,083	4,657,78 4	3,820,87 3
Реймс	66,740	88,500	63,700	9,700	9,700	2,600	4,988,78 8	3,807,68 4
Направл ение	66,712	68,852	96,200	60,500	11,000	1,800	4,987,99 8	4,100,02 0
Руан	62,600	73,714	70,026	70,000	15,700	2,200	5,348,64 8	4,237,53 7
Бове	58,300	58,500	76,400	64,000	12,200	1,500	4,686,47 4	3,973,23 2
Башни	67,300	68,500	77,900	69,700	12,300	1,900	4,980,64 2	4,260,11 1
Бурж	62,400	75,200	111,500	67,300	14,700	2,000	5,776,14 4	4,993,32 1
Бордо	53,700	80,200	100,400	71,000	15,600	1,200	4,988,67 6	4,127,12 3
Тулуза	58,600	79,800	103,009	70,000	18,400	1,600	5,468,87 7	4,647,53 0
Нарбон н	58,900	71,200	94,600	63,500	15,600	1,600	4,887,62 2	4,112,61 0
Экс или Арль	56,300	67,200	95,400	58,900	14,800	1,500	4,752,60 0	4,111,20 0
Вена	55,000	62,200	58,900	57,400	12,000	1,600	3,875,66 6	3,214,44 3
Другие епархии , не выделен ные, в количес тве 69, включая епархии в низких	287,000	300,000	370,000	400,000	100,000	18,000	41,500,0 00	35,600,0 00

странах
Фландр
ии.

ИТОГО.

Всеобщее число людей, живущих за счет распятия в Галликанской церкви.	5,155,102	человек .
Общая сумма поступлений	100,530,119	эскуз.
Сумма расходов	84,596,089	"

Автор "*Кабинета короля Франции*" постоянно отсылает своих читателей к "*Трактату о священной полигамии*", из которого он черпает элементы своих чудовищных расчетов; но он не говорит, что этот трактат был напечатан: поэтому невозможно оценить обстоятельства, помешавшие его появлению или уничтожившие все экземпляры. О существовании этого трактата свидетельствует то, что автор, который постоянно цитирует его, указывая книги и главы, из которых он заимствует, не имеет точных сведений о многоженстве господ и не может в этом отношении представить статистику, подобную той, которую он нашел готовой в общем перечислении священного многоженства. Он предпочитает, с каким-то злобным удовольствием, сосредоточиться на первой части своего предмета и не устает возвращаться к ней на протяжении всей работы, которая, кажется, не имеет другой цели, кроме как передать имущество духовенства в собственность короля, женив, вольно или невольно, всех церковников и всех религиозных, *как мужчин, так и женщин*. Способ, которым он приводит доказательства количества агентов проституции, которые он учитывает в своих реестрах, не имеет ничего серьезного или достоверного, это правда, и можно признать, что в этом процессе инсинуации и индукции проявляется недобросовестность *разъяренных* гугенотов, как их тогда называли; Но сами эти клеветы, полные ядовитой ненависти, не заслуживают полного презрения, ибо они, несомненно, рисуют картину развратной жизни, которую вели некоторые недостойные представители католического духовенства в то время.

Вот, например, как автор оправдывает приписывание каждому французскому кардиналу сераля, состоящего из шести любовниц, не считая прелюбодейных жен: "Но кем доказано, - говорит он, - это число шесть? Самими кардиналами; они не настолько стыдливы, чтобы не признаться в большем. Старейший из их коллегии за один год совратил более тридцати из них. Есть кардинал, который, так сказать, только приезжает, один из самых молодых, который только и делает, что служит запасным жеребцом. За первые три месяца, что он носил красную шапочку, а это были дни его наибольшей непорочности, он кардинально изменил двум замужним женщинам и трем молодым девицам. Как это можно доказать? Самим собой". Брантом, который гордился тем, что был очень хорошим католиком, не говорит в других выражениях о *великом* кардинале Лотарингии, который *собственноручно* составлял новые поступления при дворе. Затем историограф *Dames galantes* не может придумать ничего лучшего, чтобы оправдать его за недержание, чем сказать, "что он был человеком плоти, как и любой другой", и что "король хотел этого и получал от этого удовольствие". Таким образом, автор "*Кабинета короля*" согласен с Брантом, когда приходит к этому раблезианскому выводу, напоминающему стиль "*Исповеди де Санси*": "Сколько кардиналов при дворе, столько же и эсталонов для дам; сколько рогов в их чепцах, столько же карнаров они делают в течение недели. Что вы хотите, чтобы они делали? Они не умеют пресвитерить; большинство из них не знают, что такое пресвитерить; спорить в теологии? Дамы не слишком хорошо питаются, как и кардиналы. Когда они собираются

вместе, им нужно о чем-то говорить: не о государственных делах и тем более не о финансах..... Так о чем же они говорят? О смехе и танцах. Зачем они это делают? Чтобы побрюзжать. Как вы это докажете? Тем, что чаще всего брюхо мадамуазель раздувается, а брюхо кардинальского кошелька отвисает; сами купцы, продающие им золото, серебро и шелковые простыни, так же хорошо знают, для кого эти запреты, как и те, у кого их покупают".

После этого позорного портрета кардинальской морали нет причин удивляться тому, что летописец "Священной полигамии" не стесняется рисовать в тех же красках домашних слуг кардиналов: "Прелаты и кардиналы, - говорит он, оправдываясь пословицей: *Tels maistres, tels valets, sont lascifs, aussi bien sont les valets; prelates are bawdy, valets are mesmes: they are not cardinals, but cardinally they serve*. В самом большом и глубоком бурдо Франции не принято произносить мерзкие и грязные слова, как в доме кардинала. Поэтому я призываю в свидетели всех, кто их посещает. Там днем и ночью вы не увидите ничего, кроме свежей плоти: так они называют бедных девушек и женщин, которых они развращают, и после того, как они это сделали, они смеются над этим с открытым ртом, если только их не предупредили об оспе или раковой опухоли". В "*Трактате о священной полигамии*" упоминается о "явном разврате, который слуги кардиналов проявляют по отношению к куртизанкам (некоторым девицам, которые следовали за двором), вплоть до погонщиков, которые, взяв с них вычеты, заставляли кардиналов есть их останки". Особенно во время путешествий кардиналов или прелатов, посещавших свои архиепископства или аббатства, эти слуги давали волю своему безудержному распутству; Ибо, как и их хозяева, они останавливались у знатных жителей каждого города, где останавливались на ночь или на ночлег, "и мало покидают свое жилище, - повествует непримиримый реформатор, - чтобы не нанести удар по бесчестию хозяина или хозяйки, а если не могут его преодолеть, то поднимают большего, чем они, чтобы служить им доской и исполнять то, что они требуют. Если дочь дома богата, ее выдадут замуж за какого-нибудь сутенера или за господина секретаря. Выйдя замуж, она теряется, потому что видит в таких негодях такую большую развращенность, что ей невозможно не впасть в такую полигамию".

Действительно, легко поверить, что многочисленные слуги, которых прелат тащил за собой, не были образцами целомудрия и нравственности, если оценить печальные результаты дурного примера и плохого совета в сборище распутных и ленивых мужчин. Кардинальское хозяйство насчитывало более сотни человек, епископское - не менее 50-60, живших за счет епископского *котла*. Каждый епископ, живший в соответствии со своим рангом, имел при себе одного или двух капелланов, дворецкого, сквайра, врача, трех протонотариев, трех или четырех кавалеров, четырех или пяти пажей, одного или двух секретарей, одного или двух камердинеров, серебряника, повара, виночерпия, двух или трех певцов, двух или трех инструменталистов, портного, аптекаря, аптекаря и священнослужителя, портной, аптекарь, вивандьер, восемь слуг "как протонотариев, так и хозяев d'hostel, эскулапов и господ", сокольничий, венеролог, три или четыре лакея, "*hasquebutier* (гаркбузер) для стрельбы по дичи и тот, кто водит спящую собаку", конюх с двумя конюхами, погонщик мулов со слугой и возница. В это любопытное перечисление, проверенное автором "из более чем пятидесяти шести епископов", он не включает кучера, мальчиков или лакеев секретаря, серебряных дел мастера, официанта и других. Все эти люди, большинство из которых были молоды и обычно придерживались безбрачия, обладали самой развращенной моралью, независимо от святости прелата, к дому которого они были прикреплены. Вполне возможно, что при многих обстоятельствах они могли навлечь на своего уважаемого покровителя позор своих излишеств, и, по крайней мере, в этом отношении автор "*Кабинета короля Франции*", возможно, не преувеличил цифры проституции, которая распространялась вокруг домов

прелатов: "Месье л'Эвек - человек, - говорит он по-гугенотски, - месье его камердинер не является шевалем". Мы не хотим, чтобы они женились. Нужно, чтобы они взяли себе несколько общих".

Скандалное приключение, пересказанное с большой живостью автором, который представляет его как картину интерьера епископских домов и утверждает, что лично знал главную героиню, даст нам представление о том, какими были нравы князя Церкви в то время всеобщего распада и разнузданности. За ужином, - говорит рассказчик (с. 79), - нашел одну почтенную женщину, которая ради удовольствия в сопровождении двадцати трех женщин, девяти дочерей и восьми служанок, отправилась подарить момон (то есть замаскироваться для игры в кости) месье л'Эвеску в его жилище, который, без сомнения, ждал их, причем эти почтенные женщины ничего не знали (ибо в противном случае я так люблю ее, что она бы не пошла): Эвек проиграл три эску. В награду за проигрыш он велел играть на скрипках и танцевать так, что не было ни одной женщины, дочери или служанки, которая не играла бы на органах. В этом представлении участвовали епископ, два протонотария, секретарь и семь или восемь каноников, назначенных для исполнения роли. Короче говоря, с десяти часов до полуночи продолжался бал, а для угощения были приготовлены варенья, которых было великое множество. Эта почтенная женщина, не подумав, обнаружила, что удивлена тем, что одна шаловливая мадам заставила ее войти в кабинет господина, притворившись, что там находятся другие женщины, и нашла там протонотария, который схватил ее и поступил с ней, как и следовало предполагать, потому что добрая женщина, выйдя оттуда, спела тысячу оскорблений этой госпоже, поклявшись, что заставит ее раскаться, и тут же, со слезами на глазах, покинула эту почтенную компанию, которая также была избита. Епископ, чтобы утолить жажду удовольствий, созвал даже своих женихов и, шутя с ними, свободно признался в шутках, которые они выделяли в этом мрачном танце, а епископ смеялся. Это похоже на чтение главы из книги Бироальда де Вервиля *"Moyen de parvenir"*. Автор добавляет, что муж женщины, который жаловался на то, что стал жертвой трусливой засады, поклялся отомстить епископу и стал гугенотом. Впрочем, вполне возможно, что епископ ни в коей мере не был причастен к акту насилия, совершенному одним из его слуг, и что ему не в чем себя упрекнуть, кроме как в чрезмерной любви к танцам и хорошим историям; но он был не менее ответствен за беспорядочное поведение людей в своем доме.

В *"Трактате о священной полигамии"* обвиняются в тех же самых злоупотреблениях слуги каноников, чиновников, деканов, канторов и других церковных сановников, слуги аббатов и приоров, а также слуги монахов всех религиозных и военных орденов. С этими камердинерами "так хорошо обращаются, - пишет автор *"Кабинета короля Франции"*, - что с первого взгляда по их лицам можно определить, являются ли они слугами каноников или мойн, настолько они упитанны и подтянуты, и им не составляет большого труда завоевать сук, потому что суки их хозяина обычно приводят других, а когда их нет, они знают, где их взять. Торговля этими суками настолько распространена в и вокруг их монастырей, что, проходя мимо, вы можете почувствовать оленину у своего горла, а это значит, что в делах разврата есть много дел". Несомненно, такое количество слуг-мужчин, сытых и зачастую праздных, слишком благоприятствовало развитию свободной и тайной проституции, тем более что легальная проституция была подавлена указом Карла IX. "Нет дочерей бедных ремесленников, рабочих, кавалеров и прочих, на которых эти негодяи не наживались бы, и чаще всего, за ломоть белого хлеба, обесчестили бы бедную девушку: если она красива, то для месье ле Канона; если она умеренно красива, а хозяин не хочет ее, то камердинер хорошо знает, как занять ее место... И, в сущности, кто бы ни взглянул на такого изверга, нет ни отца, ни матери, которые не содрогнулись бы от опасности, в которой оказались их

бедные дочери и служанки, ибо сколько таких и подобных камердинеров вы видите, столько же их и среди быков среди телок и коров посреди луга". Камердинеры аббатов имели в своем изгнании некоторые привилегии, которым завидовали камердинеры каноников: "Есть даже некоторые из этих негодяев, - говорит сократитель *"Трактата о священной полигамии"*, - которые, надругавшись над женщинами, не имевшими никакой чести, под покровительством, благосклонностью и властью своего аббата и господина, женились на их дочерях, против воли и согласия своих отцов". Что касается камердинеров монахов, которых, согласно статистике, насчитывалось сто тысяч и которые в то время вызывали "ужасный charivariz en faict de paillardise", то они изображены как отвратительные люди, которые "входят в самые честные дома, чтобы обесчестить там дочерей и служанок и за любую награду заставить нас кормить их убудков". Протестантский писатель завершает этот отвратительный портрет последним мазком кисти: "Те, кто настолько целомудренны, - говорит он, - что имеют всего одну или двух развратных девиц, будьте уверены, что в их каютах и шалашах вы можете почувствовать дым содомии прямо у них в горле". Наконец, он отмечает, что в деревнях близ аббатства Ключи было от 7 до 800 развратных женщин, обслуживавших исключительно обычные потребности монахов и их камердинеров: "Не стоит читать *"Тракта о священной полигамии"*, - восклицает он, указывая на этот рассказ, - и вы увидите там самые сладострастные монашеские ухищрения и развратные девицы, какие только можно придумать".

Ревностный гугенот противопоставил стольким порокам, стольким явным и скрытым излишествам одно средство, которое он считал непогрешимым: брак. Он хотел, чтобы все церковнослужители и их неженатые слуги ответили на следующие вопросы: "1° Если они девственники. 2° Если они когда-либо имели конуации с женщинами или девушками; скольких они содержали и содержат". В случае отрицательного ответа на этот последний пункт мы переходим на сайт с другими, более насущными вопросами, и задаем их: "1° занимались ли они когда-нибудь совокуплениями с деймонами; 2° занимались ли они когда-нибудь содомией; 3° не знают ли они, что целомудрие - это особый дар Божий, который Он дает не всем, а только некоторым лицам и иногда только на время, и что те, кому он не дается, должны прибегать именно к браку, который является предписанным Господом средством от человеческой нужды." Следовательно, брак священнослужителей должен быть обязательным и предписанным религиозным законом, тем более что пять статей, предложенных и принятых на коллоквиуме в Пуасси в качестве необходимой гарантии общественной морали, никогда не выполнялись духовенством. В этих пяти статьях содержались все моральные гарантии, которые только можно было придумать против похоти и ее губительных последствий. Во-первых, церковники, не обладающие божественным даром целомудрия, должны были девять дней поститься на хлебе и воде "всякий раз, когда почувствуют укол или овладение желаниями плоти"; во-вторых, они не могли "говорить или общаться с женами или дочерьми, кроме как в присутствии их мужей или родственников", под страхом унижения и увольнение; В-четвертых, если их приглашали на свадебный пир, они довольствовались танцевать простой бранль, с самыми красивыми, здоровыми и грациозными жестами, какие только были им известны"; в-пятых, ушная исповедь проводилась только в часовне, для пяти или шести человек за раз, "чтобы исповедник мог быть только тронут до точки".

Автор *"Кабинета короля Франции"*, разоблачая и преследуя таким образом скандалы священной Полигамии, считает, что доказал, что первая драгоценная жемчужина, которую необходимо извлечь из этой трясины, - это "слово Божье или истинная религия, с помощью которой король сможет очистить королевство от этой мерзкой и отвратительной Полигамии". Вторая жемчужина, "Благородство", кажется менее *притянутой за уши*, чем другая; Однако

жесткий реформатор, утвердив в принципе, что "истинное дворянство является полным врагом этого отвратительного многоженства", критикует и уличает джентльменов, "которые так много говорят о благородстве крови, что очень мало говорят о благородстве добродетели, так что некоторым кажется, что никакие пороки не могут опозорить или загрязнить благородство, которое они имеют от своих отцов и предков." Поэтому он считает ложных дворян самыми опасными сторонниками полигамии, и его перечисление этих ложных дворян говорит нам о характере и *калибре* каждого из них: Это "джентильшоммы де ла морт-Дье и другие подобные богохульники", "джентильшоммы, совершающие поспешные поступки", "джентильшоммы-энфилеры де сое", "джентильшоммы де ла фой сенкт мармит", джентильшоммы *луп бланш, луп гару, такинс, маро* и т. д. В своем обзоре французского дворянства он ограничивается упоминанием отличительных качеств, хороших или плохих, которые присущи дворянам той или иной провинции. Дворяне Турени особенно ругатели и богохульники, атеисты или *эпикурейцы*; дворяне Гиени - грабители и фальшивомонетчики; дворяне Гаскони - жестокие и кровожадные и т.д. "Порок, который больше всего преобладает в Берри среди дворян, - это разврат. Хотя дворяне других провинций не свободны от этого, они не всегда так запятнаны, как дворяне Берри, и не могут объяснить, почему, поскольку они полностью подчиняются обычаям тех, кто практикует многоженство; Пусть они знают, что если они изобилуют другими грязными и мерзкими пороками, то этот - не меньший из них, и я вынужден остановиться на этом, чтобы сказать им, что, поскольку они берут жен у своих родственников или соседей, то и у них все будет делаться точно так же." Затем этот исправитель дворянства вернулся к своей излюбленной теме, обвинив беррихонское духовенство во всех расстройках, которым предаются господа этой страны, следуя примеру священного многоженства. Он осуждал безнравственность, царящую в отношениях знатных дам с церковниками, презирал беспечность мужей по отношению к поведению своих жен: "Это слишком явное распутство, - восклицает он со святым негодованием проповедника, - встать со своим мужем, пойти и найти в минуту прихода месье аббата, священника или другого, одетых в разные цвета, и всю ночь с женщинами, без ведома мужей, баловаться, танцевать, кружиться среди них, с бесстыдными уроками, как делать вещи, столь странные и чудовищные, что заядлые шлюхи из Бурдо краснеют от стыда, делая то же самое; Это распутство, даже сутенерство - предлагать напитки этим мальчикам и их шлюхам, а потом брать кубок и пить из него. Если эта торговля будет продолжаться и дальше, как это происходит в Берри, то эта провинция будет посрамлена во всей своей порочности и грязи".

Можно надеяться, что после этого экзорциума наш анонимный автор, который так щедро оперирует цифрами по поводу священного многоженства, в конце концов приведет подобную статистику о знатности Берри, которую он, похоже, знает лучше, чем знатность других провинций. Но здесь он не прибегает к подсчетам, которые бы сообщили нам о количестве жен и дочерей господ, занимающихся развратом. Он предпочитает назидать нас в этом щекотливом вопросе рассказом об одном приключении, которое, если бы его пришлось часто повторять, кое-что бы доказало. Девять плохих господ и еще трое молодых людей, очень хорошего происхождения, были на ярмарке в окрестностях Ле-Блана и, станцевав несколько бранлей, привели своих родственниц к *знатному* аббату, который пригласил их к себе в дом перекусить. Аббат, ожидавший их, *приготовил* четырнадцать или пятнадцать женщин, "из которых он также прислуживал себе". Компания была весела и в хорошем расположении духа; они сели за стол и ели всевозможные *пряности* и варенья. Затем паж заиграл на лютне, и они танцевали два часа подряд; после танцев они отправились гулять по саду и фруктовому саду: "Каждый, держа под мышкой свою нимфу, зашел так далеко в лес, что было уже больше двух часов ночи, когда они начали его покидать". В компании были аббат и три его протонотария, и все они были "счастливы, как

только могли". Таким образом, час ужина был выигран; был подан сытный ужин, и снова начались прогулки, уже не по лесу, а "по ликам и койкам". На следующий день прошел слух, что одна из самых почтенных леди в Берри не смогла спасти свою добродетель из лап гарпии и, давно заслужив титул хорошей женщины, "перешла в разряд местных". Именно один из ее первых кузенов заставил ее попасть в ловушку, в которой она оставила свою честь, и когда этого позорного *сводника* аббатских удовольствий упрекнули в том, что он проституировал свою родственницу и тем самым показал себя врагом мужа, который мог призвать его к ответу за это предательство: "Мой кузен слишком мудр, - сказал он с улыбкой, - чтобы не знать, что если бы свинья этого не сделала, мы с ним не стали бы есть бекон". Историк полигамии, словно в подтверждение своих слов, добавляет, что беррихонские джентльмены "настолько непослушны, что предоставляют друг другу своих жен!".

Автор еще несколько раз возвращается к виновным излишества, которые он приписывает еkkлезиастам; но он не делает попытки более точно оценить разрушительные последствия проституции в дворянстве и третьем сословии; ему явно не хватает подробных замечаний в этом отношении. Намерения его, впрочем, прекрасны, несмотря на бесцеремонность его нападок на священное многоженство: "Необходимо, - говорит он, - чтобы добро в этом королевстве было сильнее и могущественнее зла; необходимо, чтобы скромность преобладала над бесцеремонностью, благородство над злодейством, а целомудрие над всякой нечистоплотностью". Он призывает добропорядочных граждан объединить свои усилия с его, чтобы исправить нравы и возвысить французскую монархию. Затем он обращается к финансовым расчетам и с невероятной подробностью рассматривает различные продукты, составляющие доход галликанской церкви; он приходит к выводу, что этот доход, составляющий 110 миллионов, достаточен не только для содержания духовенства, которое будет тратить не более 70 миллионов, когда на него распространится матримониальный режим, но и для удовлетворения потребностей королевской экономии. Весь секрет этой великой реформы заключается в браке многоженцев и воссоединении церковного мирского сословия с владениями короны. Возникает соблазн принять во внимание план политической экономии, основанный на цифрах и комбинациях, которые кажутся слишком скрупулезными, чтобы не быть реальными; ведь автор этого необычного проекта представляет в качестве образца своей работы полный отчет обо всех доходах Лионского архиепископства и хвастается тем, что не забыл в этой статистической таблице ни одного каплуна, ни одного овса, ни одной телеги (*charre*) соломы. Эта удивительная способность к вычислениям, редкая и новая в те времена, позволяет нам с некоторой долей уверенности утверждать, что автор или авторы "*Священной полигамии*" провели специальную перепись. Однако мы не верим, что средство, предложенное этим страшным противником безбрачия, имело тот благотворный и быстрый эффект для улучшения нравов, на который он рассчитывал. Браки всех церковников, заключенные на деньги короля, несомненно, уменьшили бы число этих наемников, которые жили вокруг них за счет проституции; но сама проституция, которую не удалось уничтожить постановлениями королевской власти, лишив ее законной и регулярной формы, продолжала бы размножаться, как плесень, в тени монастырей и колледжей. Однако автор "*Кабинета короля Франции*" был настолько проникновенен, настолько убежден в суверенной действенности своей супружеской панацеи, что умолил достойного и добродетельного кардинала де Бурбона, которому в то время было пятьдесят восемь лет, подать спасительный пример духовенству и дворянству, женившись первым и сделав торжественное признание в нарушении "девственности и непрерывности, требуемых от коэлибата". Этот прекрасный брак, по прогнозам искателя жемчуга, неизбежно должен был в течение короткого времени породить три или четыреста тысяч "чистых и законных" браков: "Этим вы предотвратите, - говорил злобный гугенот бедному кардиналу, которого он сильно подозревал в нарушении обета целомудрия более семи раз, - вы предотвратите тридцать или

сорок тысяч инцестов в галликанской церкви в год; фу, кстати, содомию! потому что двадцать пять или тридцать тысяч человек, привыкших там барствовать, лишат себя содомии, чтобы вступить в брак; полное подавление мы получим, когда и когда, всех кардинальских, епископских, аббатских, канонических, монашеских, пресвитерских шлюх, а также всех других качеств и орденов...., аналогичное пресечение всех руфисков, пайярдов, макереев, макереллов и бастардов, расходов и содержания которых более чем достаточно, чтобы оплатить все расходы, как обычные, так и чрезвычайные, короны Франции. Таково благо, которое принесет ваш брак; но есть еще одно, более значительное благо, которое последует за ним: оно станет причиной того, что все эти дамы в вуалях, затворничающие в монастырях и монастырях, выйдут замуж и вышвырнут на обочину инкубатор, все совокупления и деймономанию, которые враг природы практикует против этого бедного пола". Кардинал не женился, несмотря на совет, который ему дали, и полигамия продолжала существовать.

Мы согласны с маркизом де Польми (*Mélanges tirés d'une grande bibliothèque*), что автор демонстрирует "грубую и отвратительную безжалостность в отношении духовенства"; но мы вынуждены признать, что духовенство XVI века было далеко от того, чтобы рекомендовать себя добродетелями, которые всегда должны быть его прерогативой. Дюлор в своей *"Истории Парижа"* (стр. 516 и далее в т. IV изд. в 12) собрал неопровержимые доказательства развращенности и испорченности церковного тела, и эти доказательства почти дословно согласуются с утверждениями *"Фактума священной полигамии"*. 23 августа 1560 года Жан де Монлюк, епископ Валансьенский, заявил, выступая в Королевском совете: "Кардиналы и епископы без труда давали бенефиции своим хозяевам общежитий и, более того, своим камердинерам, поварам, цирюльникам и лакеям. Те же священники своей скупостью, невежеством и беспутным образом жизни сделали себя одиозными и презренными для всех". (*Mém. de Condé*, t. I, p. 560.) На собрании знати, состоявшемся в парижском отеле де Виль в декабре 1575 года, королю были сделаны весьма благородные заявления, включая следующий отрывок: "Les évêques et curez ne resident sur leurs benefices et éveschez, ains delaissent et abandonnent leur povre troupeau à la gueule du loup, without aucune pasture ou instruction....а церковники так чрезмерно распущены в похоти, скупости и других пороках, что скандал становится публичным". В том же году католический писатель К. Маршан обратился к народу французов с обращением о разнообразии пороков, царящих в наше время: "Есть ли люди, которые больше страдают от пороков, чем прелаты церкви?" Затем он упрекнул священников и монахов в том, что они часто посещают "кабаре, игорные притоны и винные дома", и пожаловался на постыдные излишества, оскверняющие дом Господень. Подобные жалобы зафиксированы во множестве исторических памятников, которые не исходят из уст протестантов и никогда не вызывали никаких противоречий. Брантом, например, в своей *"Жизни Франсуа I"* рисует печальную картину внутреннего убранства монастырей и аббатств до Конкордата; он изображает монахов, избирающих аббатом "того, кто был лучшим компаньоном, кто больше всех любил сук, собак и ойсо, у кого была лучшая бутылка; короче говоря, кто был самым непослушным, чтобы, сделав его своим аббатом или настоятелем, впоследствии он позволял им все подобные непослушания, распущенность и удовольствия". Эта пословица была распространена в народе, который не был скандален: "Avare ou paillard comme un prebstre ou un moine". Наконец, Брантом осмеливается говорить о епископах и аббатах в таких выражениях: "Dieu scait quelle vie ils menaient! Конечно, они были гораздо более усердны в своих епархиях, чем впоследствии, ибо никогда не переезжали. Но что! Это была совершенно беспутная жизнь, за собаками, ойселями, пирами, банкетам, братствами, нупциями и шлюхами, из которых они делали крепостных, как я слышал об одном, из тех старых дней, который искал красивых маленьких девочек десяти лет, обещал в будущем что-то от их красоты и отдавал их кормить и

воспитывать, которые тут и там, в их приходах и деревнях, как господа, маленьких собачек, чтобы использовать, когда они вырастут."

Эти разврат, эти пороки, эти злоупотребления были, конечно, лишь печальными исключениями в католической церкви; сам Брантом любит указывать на это: "Наши сегодняшние епископы, - говорит он, - более осмотрительны, по крайней мере, более мудры, ипокриты, которые лучше скрывают свою темную жизнь, сказал мне однажды один великий человек. И то, что я хочу сказать о некоторых из них, как о старых, так и о новых, и об их злоупотреблениях, - это не все, Боже упаси! Ибо в оба времени было много хороших людей, как обычных, так и светских, очень хорошей и святой жизни, как и сейчас много и будет, благодаря милости Бога, который любит и никогда не оставляет свой народ".

Однако в интересах истины, не желая умалять дань, воздаваемую Брантом безупречному поведению некоторых прелатов, мы обратимся к фактам и расчетам, выдвинутым автором "*Кабинета короля Франции*", юридического документа, подлинность которого Дюлор, имевший его перед глазами, смело гарантирует: Это расследование, заказанное постановлением парижского парламента по просьбе синдиков и консулов города Орийяк и проведенное в 1555 году попечением генерал-лейтенанта президиума суда этого города. Мы предоставляем слово Дюлору, который анализирует это расследование, в ходе которого было заслушано более восьмидесяти свидетелей: "Шарль де Сенектер, аббат монастыря Орильяк и повелитель этого города; его племянники, Жан Бельвезер, известный как Жоньер, протонотарий, и Антуан де Сенектер, аббат Сен-Жан; его племянница Мари де Сенектер, настоятельница Ле Буа, монастыря в том же городе, а также монахи и монахини обоих монастырей, предавались всем излишествах разврата. Каждый монах жил в монастыре с одной или несколькими наложницами - дочерьми, которых он развратил или похитил из дома их отца, или женами, которых он украл у их мужей. Эти монахи кормили их и жили с ними, а также с детьми, которые происходили от них, внебрачными детьми, которых было семьдесят, и которые обычно брали пожертвования, приносимые в церковь... В саду аббатства у аббата было здание, предназначенное для его разврата, украшенное непристойными картинами и носившее характерное название *f...oir de M. d'Aurillac*; священники были постоянными посетителями этого позорного места; племянники аббата также выполняли эти постыдные функции. Они заставляли работать не только город, но и все окрестные деревни; они вырывали молодых девушек из рук матерей среди бела дня, на виду у жителей; они бросали вызов общественному мнению, крикам и воплям своих жертв, которых они пинали, били и вели в монастырь, где их должны были использовать для разврата аббат, его племянники и, наконец, другие монахи". (*Hist. civ., phys. et morale de Paris*, ed. in-12°, of 1825, t. IV, p. 522.) Не правда ли, это похоже на страницу из "*Тракмата о священной полигамии*"? После этого расследования монастырь был секуляризован, а город Орийяк наконец-то освобожден от своих мерзких тиранов.

Ознакомившись с резюме судебного расследования, которое Дюлор, к сожалению, пропитал своей ненавистной предвзятостью, мы вынуждены повторить вместе с автором *Кабинета короля Франции* (стр. 132): "Should we not therefore be astonished, if Mademoiselle de la Polygamie piaffe, bondit, paillarde, bougeronne, corrompnt, pollue et gaste, par ses incestes et paillardises, toutes les familles de ce royaume?" (Не должны ли мы поэтому быть поражены, если Mademoiselle de la Polygamie piaffe, bondit, paillarde, bougeronne, corrupt, pollute et gaste, par ses incestes et paillardises, toutes les familles de ce royaume? Следует, однако, отметить, что разнузданность нравов среди духовенства и особенно среди бесчисленной армии ленивых мирян, которую оно влекло за собой, была неизбежным следствием общественной деморализации в то время, когда так мало людей имели истинное представление о

честности с социальной точки зрения. Реформатская религия своим примером и горькими порицаниями, надо признать, немало сделала для очищения нравов католического духовенства, которому вскоре предстояло проявить столько целомудренных и славных добродетелей.

ГЛАВА XXXVII.

Краткое содержание - Проституция возлюбленных Генриха III - Прибытие итальянцев к французскому двору - Влияние их нравов - Избавление от содомского греха - Сорбоннист Николя Майяр - Мнение честных людей, выраженное Брантомом - Отвратительные мужья.- Генрих III возвращается из Польши - Его приключения в Венеции - Точная дата его развращения - Школьники и итальянцы - Капитан Ла Вижери - Происхождение миньонов - Их портрет, написанный П. де л'Эстуалем - *Безобразия двора* - Варианты.-Каталог миньонов.- Сонет *вилена*.-Роль каломни.-Поэзии и сатирические пасквили на гугенотов и лигуров.- Письмо одного парижского ребенка.-*Злоключения Анри де Валуа*.-Маскарады и процессии.- Конферерия певец.-Монах Понсе - Имена миньонов - *Трагики* Агриппы д'Обинье - *Гермафродиты* - Алтарь Антиноя - Богиня Саламбона - Приключение Сарбакана - *Исповедь Санси* - Ювенал двора Генриха III.

Прежде чем исследовать состояние проституции при дворе Генриха III, мы не можем, рискуя оставить заметный пробел в этой истории нравов, сознательно опустить вид разврата, который оставил свой след в глубине царствования последнего из Валуа. Это отвратительная тема, которую мы рассмотрим отдельно со всем отвращением, которое она нам внушает, и со всей осторожностью, которую приличия языка позволят нам привнести в почти дословную выдержку из современных произведений. Невозможно рассматривать позорную эпоху Генриха III, не говоря о его приспешниках и тех мерзостях, которые они связывали с памятью своего господина. Все самые серьезные историки, д'Обинье, де Ту, Мезьерэ и т.д., Все самые серьезные историки, д'Обинье, де Ту, Мезьерэ и другие, не побоялись запятнать страницы своих исторических анналов, записав там, в назидание потомкам, мерзости, позорящие личную жизнь христианнейшего короля; только отец Даниил пытался оправдать или, по крайней мере, защитить это благодушным умолчанием: "Хотя и не стоит доверять, - говорит он в своей великой *"Истории Франции"*, - всему, что гугеноты и лигеры писали о его тайных распутствах, трудно поверить, что все, что о них говорили, было в целом неправдой". Мы не беремся защищать Генриха III и его приспешников от обвинений, которые тогда выдвигались всеми и которые вскоре стали грозным голосом общественного мнения; но мы признаем, вместе с отцом Даниелем, что клевета гугенотов, а затем и лигуров, как бы вышла тысячу экстравагантных клевет на полотно, которое, к сожалению, было слишком реальным и слишком скандальным. Ужасный эпизод с возлюбленными Генриха III кажется нам необычайно преувеличенным из-за религиозных и политических пристрастий.

Нельзя отрицать, что приезд *итальянцев* во Францию вслед за Екатериной де Медичи оказал определенное отвратительное влияние на нравы двора; Однако если развратные молодые лорды иногда и предавались подражанию *гнусным обычаям Chouse* (так называли французский итальянизм), они старались не хвастаться своими позорными распутствами, которые слишком противоречили национальному рыцарству; они даже энергично защищали себя от порока, который приводил в ужас всех честных людей. Но постепенно это типично французское бесстыдство было ослаблено, и там, где до сих пор царило

непримиримое негодование, появилась терпимость. Анри Этьенн в своей *"Апологии Геродота"*, опубликованной в 1576 году, но написанной раньше, писал: "И когда не будет ничего, кроме содомии, как мы видим ее сегодня, разве не можем мы по праву назвать наш век образцом подлости, даже отвратительной и мерзкой подлости?" Народ, сердце нации, тем не менее оставался, надо сказать, чист от этого зла, и прискорбный пример суда не имел силы развратить былую честность буржуазии. Содомия, которая была обычным грехом в Италии, где грешник мог получить отпущение, заплатив 36 турнуа и 9 дукатов (см. *Taxe des parties casuelles de la boutique du pape*, перевод А. du Pinet, ed. Lyon, 1564, in-8^(o)), стала во Франции смертным преступлением, за которое человека отправляли на кол. Правда, суды очень редко применяли наказание, предусмотренное законом, когда это преступление, рассматривавшееся как акт ереси, не смешивалось с актами магии, колдовства или атеизма. Янот де Брагмардо в своей речи, обращенной к Гаргантюа (Liv. I, гл. 20), говорит: "Да буду я лэрдом, если он не отрубит вас как хамов, предателей, еретиков и соблазнительей, врагов Бога и добродетели!" Поэтому на либертинов, которых только подозревали в этом несмываемом *пятне*, повсюду указывали, их "сторонились и ненавидели", как выражался Рабле. Итальянцам, поселившимся во Франции после женитьбы дофина Генриха на дочери Лоренцо Медичи, герцога Урбинского, не простили новую форму разврата, которую они, по слухам, привезли с собой. Автор *"Кабинета короля Франции"* в своем послании к Анри III без колебаний осудил атеизм, содомию и все прочие злоешие и зловонные академии, которые иностранцы ввели во Франции... Но за пятнадцать лет до него Анри Этьенн притворился, что хочет реабилитировать Италию и итальянцев, чтобы произнести эту жестокую эпигramму на сорбонниста Николя Майяра: "Но разве я не хочу сказать, что все те, кто запятнал себя этим грехом, научились ему либо в Италии, либо в Турции, потому что наш господин Майяр исповедовал это, а сам никогда там не был".

Мы уже показывали, что итальянские экспедиции были губительны для французской морали; постоянные отношения, существовавшие между двумя странами со времен правления Карла VIII, не могли не распространить одиозные элементы коррупции среди дворянства и армии. Анри Этьенн указывает на отвратительный урок, который Италия преподнесла Франции: "Вернуться к этому позорному греху, - говорит он в своей *"Апологии к Геродоту"* (стр. 107 оригинального издания. Оригинальное издание 1566 года), - разве не досадно, что некоторые, которые, еще не ступив на порог Италии, отвергали любые разговоры об этом, даже оставшись там, лишь получают удовольствие от этих слов и исповедуют их между собой, как нечто, чему они научились в хорошей школе?" Но хотя итальянские пороки и достигли печальных успехов при французском дворе, все люди чести с глубоким презрением относились к этим недостойным дезертирам *французской любви*, которая одна была "одобрена и рекомендована", как выразился Брантом. В трудах Брантома мы находим подтверждение чувства отвращения, которое испытывали к этим грязным и неблагородным заблуждениям, даже когда проституция не знала границ: "Ainsy que j'ai ouy dire à un fort gallant homme de mon temps, dit-il dans ses *Dames galantes*, et qu'il est aussy vrai, nul jamais bougre ny bardache n'était brave, vaillant et généreux, que le grand Jules César; aussy, que, par la grande permission divine, telles gens abominables sont rédigés et mis à sens reprouvé. В конце концов, многие из тех, кого вы называли отвратительными пороками, продолжали оставаться на небе в большом процветании, но Дьявол их посещает, и, в конце концов, мы видим то, что должно быть с ними". Брантом, обладавший столь широкой совестью и не стеснявшийся галантности, не скрывал своего отвращения к противоестественным порокам; именно в тот момент, когда двор Генриха III нагло демонстрировал итальянские нравы, он осуждал и презирал их в своих *"Галантных дамах"*, которые, тем не менее, можно считать репертуаром разврата XVI века. Правда, Брантом написал этот трактат о развратных нравах под вдохновением королевы Наварры Маргариты де Валуа, которая поставила себя во главе

дамской группы. При дворе Карла IX так называли своего рода женскую коалицию, которая стремилась противостоять постыдным излишествам *итальянизированной* молодежи. "Я не хочу, - говорит Анри Этьенн в своих *"Двух диалогах о французском итальянском языке"*, - чтобы дамы, итальянцы на своем языке, в пример мужчинам, тоже итальянизировались в других вещах".

Когда Генрих III, бывший королем Польши, был призван на смену своему брату Карлу IX, итальянцы уже прочно обосновались при французском дворе; но их гнусные нравы распространялись там лишь втайне, и никто еще не осмеливался признаться в их шайке. Так, королевский поэт Этьен Жодель, провозгласивший себя глашатаем антифизической любви, опозорился даже в глазах своих друзей по Плеяде, проституировав свою музу, чтобы сочинить, по приказу Карла IX, как говорят, *"Триумф Содомы"*. "Он был нанят покойным королем Карлом, - рассказывает Пьер де л'Эстуаль, который в своих *"Журнальных записках"* поведал о жалком и ужасающем конце этого парижского поэта, самого гнусного и развратного из всех, - чтобы написать задний гимн, который покойный король назвал *"Содомия своего прево Нантуе"*. (См. *"Journal de Henri III"* под редакцией месье Шампольона, стр. 29, под годом 1573). Когда Анри III покинул Францию и отправился в Польшу, где его ждала корона, мы можем быть уверены, что он не был запятнан постыдными пороками, которые унизили его по возвращении в королевство его отцов. С ранней юности он всегда был склонен к похоти, страстен к удовольствиям, чувственен и распутен; но, хотя его окружали порочные и сладострастные придворные, он еще не предавался порочным ошибкам итальянского разврата. Нам трудно сказать, где именно проявился этот позорный вкус - в Польше или в Венеции, где он провел несколько дней на обратном пути, чтобы завладеть французским тронem. "После смерти принцессы де Конде, - пишет Мезьерэ в своем *"Абрисе хронологии истории Франции"* (т. V, стр. 251), - Анри III не испытывал особой привязанности к женщинам, а приключение в Венеции придало ему другую склонность". Это приключение в Венеции было не чем иным, как венерической болезнью, которой путешествующий король заразился мимоходом и от которой он с большим трудом оправился. Принцесса Конде, Мари де Клев, которую Анри III безумно любил, умерла в Париже в субботу 30 октября, через шесть недель после встречи со своим королевским любовником, который вернулся к ней в довольно плачевном состоянии после приключения в Венеции. Вот несколько дат, которые позволяют нам с некоторой долей уверенности определить время начала ужасного расстройства короля.

- Andrieux, del.
- Имп. Деламен, 8 р. Жит-ле-Кер.
- Massard, Sc.

LES ÉCOLIERS AU BOURG ST. MARCELЬ

Не успел Анри III прибыть в Лувр, как вокруг него образовался двор *Миньонов* и *итальянцев*. Поначалу итальянцы вызывали у парижан тупое раздражение, которое вскоре переросло в непримиримую ненависть. Студенты университета стали выразителями этой национальной

ненависти и преследовали итальянскую *группу* песнями, *пасквилями* и оскорбительными плакатами. Из-за ссор по поводу дурной морали этих иностранцев происходили драки и убийства. В июле 1575 года храбрый капитан по имени Ла Вержери был приговорен к смерти и повешен за то, что публично заявил, что в этой ссоре "нужно встать на сторону эскольеров, разграбить и перерезать глотки всем этим хамоватым итальянцам, которые стали причиной разорения Франции". Пьер де л'Эстуаль, повествующий о печальном конце капитана, утверждает, что король присутствовал при казни, хотя и не одобрил этого *беззаконного* приговора; но можно предположить, что *очень короткий* суд над этим несчастным не состоялся без прямого приказа Генриха III, поскольку канцлер Рене де Бираг сам взял на себя его ведение. После осуждения и казни Ла Вержери "всевозможные сочинения и пасквили (которые не могли быть хуже) использовались для презрения итальянских сеньоров и короля (Екатерины де Медичи), их доброй покровительницы и любовницы". Пьер де л'Эстуаль собрал несколько своих сатир, включая строфы и сонеты против итальянцев, которых обвиняли во всех бедах и беспорядках королевства.

Но в следующем году итальянцы больше не упоминались, как будто Миньоны покончили с ними. Пьер де л'Эстуаль, этот верный отголосок всех сплетен своего времени, писал в июле 1576 года в своих "*Журнальных записках*" (*Registres-Journaux*): В то время люди стали называть их "*миньонами*", для которых они были весьма одиозны, как за их манеры, шуточные и надменные, так и за их женоподобный и нескромный макияж и амуницию, но прежде всего за огромные подарки и щедроты, которыми их одаривал король и которые народ считал причиной их разорения, хотя на самом деле эти щедроты, которые не могли оставаться в их сбережениях ни на минуту, вскоре переходили к народу, как вода по каналу. Эти красавицы носили длинные волосы, завитые и выпрямленные искусным способом, надвинутые на маленькие бархатные чепчики, как у шлюх, и рубашки *fraizes*, из льна, толстые и длиной в полфута, так что при виде их теста поверх *fraize* казалось, будто это голова святого Иоанна в блюде. Остальная одежда была сделана таким же образом: их упражнения заключались в том, чтобы играть, богохульствовать, прыгать, танцевать, летать, ссориться и кричать, а также следовать за королем везде и во всех компаниях; не делать и не говорить ничего, кроме как угождать ему; мало заботиться о Боге и добродетели, довольствуясь благосклонностью своего господина, которого они боялись и почитали больше, чем Бога". (См. "*Журнал Анри III*" под ред. месье Шампольона).

Этот отрывок очень важен, поскольку он точно устанавливает дату появления *миньонов* или, по крайней мере, время, когда о них стали говорить, что они вызывают ненависть у народа. Кроме того, Пьер де л'Эстуаль ничего не говорит, характеризуя их искаженную мораль, и портрет, который он рисует, можно применить ко всем придворным. Вслед за этим портретом он записывает поэму, состоящую из пятнадцати строф, "которая в то время была посеяна в Париже и распространялась повсюду под таким названием: "*Вершины и владения миньонов*", 25 июля 1576 года". Редакторы "*Журнала Анри III*" опубликовали только шесть строф этого стихотворения, которое полностью, под названием "*Возмущение двора*", напечатано в "*Кабинете короля Франции*" (стр. 297). Между двумя текстами есть некоторые различия, но мы отмечаем, что в обоих случаях обвинение в содомии выдвигается против миньонов, только в форме оскорбительного сомнения:

Ces beaux mignons prodigement
Se veautrent parmy leurs delices,
Et peut-estre dans telz vices
Qu'on ne peut dire honnetement.

Анонимный автор, который, несомненно, был хорошим поэтом, прежде всего нападает на распущенность и роскошь их одежды, которые он считает позорными признаками их поведения. Вот несколько строф, в которых костюм Генриха III и его фаворитов описан с большой точностью:

Их речь и одежда
Видно, что благородная женщина
Боялась бы получить богохульство
Одеваясь столь развратно:
Их воротники не поворачиваются непринужденно
В длинных складках их клубники;
Уже пшеница не годится
Для белого поля их рубашек:
Надо, чтоб изысканней был путь,
Сделать рис их крахмалом.

Их волосы сбывают по компасу,
Но не таким же способом;
Ибо спереди, от уха,
длинные, а сзади низкие:
А прямые - хитростью,
Ибо резинка его взъерошивает
Или складки его закручивает,
И, на легком торсе,
Сзади маленький чепчик.
Они еще более отвратительны.

Я не смею сказать, что грим
им более свойственна, чем женщинам:
Я побоялся бы возвести на них кощунство.
что между ними практикуется искусство
дерзкого Ганимеда.
Что касается их одежды, то она превосходит
Их благо и еще большее благо;
Ибо красавица, которая всех поглощает,
больше не одевается как джентльмен,
Но, как принц, из золотой ткани.

Мы предпочли следовать тексту *Кабинета короля Франции*, и стоит отметить, что в этом тексте поэт почти воздерживается от предположения, что эти миньоны *практикуют искусство дерзкого Ганимеда*; напротив, в версии, явно измененной, представленной в *Journaux de l'Estoile*, смысл совершенно иной, поскольку автор очень позитивно говорит то, что *не осмеливается сказать*:

Я не смею утверждать, что макияж
более распространен среди них, чем среди женщин.
(Я боялся бы быть обвиненным в богохульстве),
И что между собой они практикуют искусство

Дерзкого Ганимеда.

Это очень многозначительная инсинуация, которая равносильна официальному заявлению. В другой части этого стихотворения этих *слабоумных* мужчин упрекают в том, что они занимаются бартером, обменом, продажей, тратят прибыль и

Товары, посвященные распятию,
которые им дарят в браке,
в качестве сутенера.
Или на что-либо менее ценное.

Из этой сатиры, датированной 1576 годом, становится ясно, что возлюбленные Генриха III изначально не считались нечистыми агентами итальянского разврата. Их просто обвиняли в том, что они пожирают народные средства, опустошают государственную казну, носят нечестную одежду и живут в праздности. Другой поэт взял на себя смелость ответить на *оскорбления двора*, и сделал это в возвышенной и цветистой поэме, которую он назвал *Blasons de la cour*: не обращая внимания на косвенные обвинения в адрес нравов придворных, он лишь порицал *сатирические языки* и *язвительные духи* за то, что они утверждали, что французский двор - это *конюшня*, отступлением от злоупотреблений и распущенности.

Таким образом, из самой формулировки этого поэтического факта можно сделать вывод, что либертинизм миньонов не сразу был иссушен и заклеямен раскаленным железом общественного мнения. В их поведении, несомненно, было много достойного критики и порицания, но клевета, привязавшись к ним, придумывала все, чтобы сделать их одиозными и обесчестить. Отсюда и позорная роль, приписываемая миньонам, то есть всем мужчинам, в большинстве своем молодым и сладострастным, которые составляли *шайку короля*. То, что было лишь печальным исключением в расстройках фавориток Генриха III, стало рассматриваться как всеобщий порок, а французский двор в глазах возмущенного народа превратился во вместилище самой отвратительной проституции. Дюлор прав, когда говорит, что Генрих III "отличался от своих предшественников женоподобными вкусами и особенно ультрамонтанским развратом" (*Hist. de Paris*, t. IV, p. 493, ed. in-12); но ему следовало бы отметить, что гугеноты и лигуры были не чужды этой страшной вспышке клеветы на короля и его приспешников: "Позор, который понесли дамы и дочери двора, - говорит он с излишней пристрастностью, - распространился в это последнее царствование и на молодых придворных, которые, более презренные, чем они, предавались со своим господином самым отвратительным излишествам разврата".

Миньоны были молодыми господами хорошего дома и приятной наружности, которых Рене де Виллекье и Франсуа д'О, руководившие королевскими удовольствиями, ввели в близость с принцем. Самыми известными из них были Жак де Леви де Кайлюс, Франсуа де Можирон, Жан Дарсе де Ливаро, Франсуа д'Эпинэ де Сен-Люк, Поль Эстер де Коссад де Сен-Месгрэн, Анна де Жуайез, Бернар и Жан-Луи де Ногаре, оба сыновья Жана де ла Валетта. Остальные были менее известны, поскольку не пользовались таким большим доверием Анри III: их имена никогда не выходили за пределы придворной сферы. Однако некоторые из них упоминаются в сонете, распространенном по Парижу в 1577 году и сохранившемся в дневнике Пьера де л'Эстуаля. Этот сонет может служить доказательством того, что не все миньоны были *испорчены* одними и теми же пороками.

Сен-Люк, как ни мал он, храбро приказывает
Отряду Холтефора, который его кошелек покорил;
Но Квелус, презрев столь бедный товар,
Находит только в своем ко... все свое продвижение;

D'O, cest archi-larron, hardy, ne scay comment,
Любит игру рук, но так же мало боится поимки;
L'Archant, d'un beau semblant, veut cacher sa sottise;
Сагонн - немного хам и совсем не благороден;

Монтины - заика, и хотел бы казаться
честным человеком, но это ему не удастся;
Риберак - дурак, Турнон - цикада;

Сен-Мезгрэн - без предмета дерзкой бравады:
Я бы говорил громче, но боюсь богов,
Тех, кто в прекрасной кабале занимает свой пост.

Этот *гнусный* сонет, по словам де л'Эстуаля, "показывающий разврат века и двора", содержит, как нам кажется, только имена возлюбленных, предававшихся самой отвратительной проституции; под *богами*, которых поэт не осмеливается назвать, мы подразумеваем короля и двух его ассессоров д'О и Виллекье, а также некоторых других, которые в качестве хозяев разделяли владения итальянского разврата. Пьер де л'Эстуаль до сих пор изображает молодых людей "свежими и кудрявыми, с поднятыми черепами, с ратпеннадами в проборах, в позе фарде, с показным видом месме, причесанными, подгузниками и обсыпанными фиалковыми порошками, пахучими ароматами, которые благоухают на улицах, площадях и в домах, где они часто бывают". Злоупотребление духами, женоподобная мода, нелепая или странная одежда - вот единственные претензии, которые этот любопытный и болтливый летописец предъявляет к миньонам, но нигде он не характеризует их нравы так, чтобы заставить нас поверить, что он верит слухам, которые о них ходят; Он довольствуется скрупулезным составлением сатир и эпиграмм, которые прежде всего доказывают ненависть и неутолимость общественного мнения к Генриху III и его фаворитам. Почти все они погибли несчастными, одни - на дуэлях, другие - в засадах, многие стали жертвами различных несчастных случаев; ужас, который они внушали народу, отразился в их погребальных ораториях, но оскорбления и проклятия, сыпавшиеся на их память, не касались подлинных и печально известных обстоятельств их развратной жизни, которые всегда были покрыты непроницаемой завесой.

Протестантские писатели и писатели Лиги пытались приподнять эту завесу еще долго после исчезновения миньонов, и традиция двора, обезображенная или изъеденная злобой, нашла отражение в нескольких сатирических произведениях, которые не печатались до правления Людовика XIII, то есть через двадцать пять или тридцать лет после смерти Генриха III. При жизни этого принца появилось всего несколько пьес в стихах и прозе, которые циркулировали в Париже под покровом тайны и получили кратковременную известность только после Баррикад; но до этого были распространены и *разглашены* другие пьесы, еще более позорные, и ни один печатник не осмелился вывести их на чистую воду. Пьер де л'Эстуаль собрал несколько таких пьес в дневниках и сборниках *курьезов*, которые он

посвятил анекдотической и скандальной истории своего времени; все издатели *Journal de Henri III* уклонялись от публикации нецензурных поэм, которые являются печальными памятниками ужасной репутации миньонов. В последнем издании, которым мы обязаны умной заботе месье Шампольона, мы читаем только нецензурные стихи, печальные свидетельства ужасной репутации миньонов. Шампольона, мы читаем только 10 сентября 1580 года: "Diverses poésies et escrits satyriques furent publiés contre le roy et ses mignons, en ces trois années 1577, 1578 et 1579; lesquels, pour estre la pluspart d'eux impies et vilains, tout outre, tant que le papier en rougist, n'estoyent digne, avec leurs auteurs, que du feu, en autre siècle que cestuy-ci qui semble estre le dernier et l'esgout de tous les précédents. А вот названия: "*Камры трусоров и миньонов*", автор М..... fol et ligueur; "*Виленский сонет в Сен-Люке*"; "*Пасквиль придворного, то есть приказчика, вилена и ласкифа*", который в этом 1579 году пришел ко двору и остался в полном составе; "*Виленские стихи, которые были написаны у порта аббатства Пуасси, в тот день, когда король вступил в должность*". Каждый раз, когда один из приспешников короля трагической смертью лишался безутешной любви своего *добрého господина*, когда Кайлюс, Могирон, Шомберг и Риберак убивали друг друга на дуэли, когда Сен-Мезгрэн был убит однажды вечером у ворот Лувра, по всему Парижу и даже при дворе раздавался взрыв злобных пасквилей на *свежих приспешников*, но было бы несправедливо считать эти пасквили верным выражением исторической правды: Это была коварная работа придворной мести, а не политических страстей. Не было недостатка в поэтах среди служащих дворца и университета, которые также *прославляли* миньонов, в стихах *courtisans*, "то есть не очень честных, грязных и непослушных, по моде двора, даже в той мере, в какой они затрагивают честь короля", по определению Пьера де л'Эстуаля.

Вот, например, сатирический сонет, появившийся в Париже в 1578 году и вышедший из цеха Лиги:

Gammèdes (*sic*) effrontés, impudique canaille,
Честолюбивые умы, исполненные невежества,
Это оскорбление времени и нетерпеливых людей,
Которые заставляют вас процветать под властью короля, сделанного из соломы.

Не нападением и не великой битвой
Вы снискали благосклонность, но за то, что были союзниками
Развращенного ума, один к другому привязанный,
Ведомые своим вождем, который воздает вам почести,

Кто ваши девичьи лица, ваши лохматые парики,
Любит, как и эску, и клинки, и мечи.
Поскольку великие владения, которые делают вас печально известными.

Для дерзких юнцов - порок,
Храните их всегда, ибо доблестные мужчины
Не нужны вы, которые меньше женщин!

Этот беспрецедентный выпад против миньонов только усиливался на протяжении всего правления Генриха III, и народ, всегда склонный верить всему странному и чудовищному, не принимал с подозрением зачастую нелепые клеветы, которые распространялись о *священной группе*.

Например, на полном серьезе утверждалось, что Жан-Луи Ногаре, герцог д'Эпернон, которого Пьер де л'Эстуаль называл *архи-миньоном* короля и который стал главным фаворитом Генриха III после смерти *великих миньонов* Кайлюса и Могирона, был не кем иным, как демоном, посланным из ада, чтобы развратить и проклясть несчастного Генриха де Валуа. Эта дьявольская легенда была подробно изложена в памфлете под названием *"Ужасные вещи, содержащиеся в письме, направленном Анри де Валуа от одного парижского ребенка 28 января 1589 года, и оттиснутые с копии, которая была найдена в этом городе Парижа, рядом с Орлогом дворца, Жаком Грегуаром, импримером"* (*Les choses horribles contenues envoyée à Henri de Valois par un enfant de Paris, le 28 janvier 1589. M. DLXXXIX.*

Л'Анфан де Пари, которого П. де л'Эстуаль называет *плутом и вожаком Лиги*, рассказывает в этом письме, полном непристойностей, что колдуны и чародеи дали королю "в наслаждение" знакомого духа по имени Террагон, и что этот дух в облике юноши был представлен ему в Лувре как дворянин из Гаскони. Не успел король увидеть этого господина, как назвал его своим братом и заставил спать в своей комнате. Теперь герцог д'Эпернон был не кто иной, как злодей Террагон.

Что касается архи-миньона короля, то в "Парижском младенце" приводятся удивительные подробности, характеризующие его бесстыдный диablerизм. Эти подробности настолько ужасающи, что господа Шампольоны не решились воспроизвести их все, когда перепечатывали выдержки из "Письма Парижского младенца" в приложении к своему изданию "Журнала Анри III", которое является частью "Собрания мемуаров, относящихся к истории Франции", опубликованного господами Мишо и Пужула.

Возможно, уже не существует ни одного экземпляра оригинального издания этой *незначительной мелочи*, как называет ее П. де л'Эстуаль; но этот любитель *мелочей* вставил копию, сделанную своей рукой, в свой большой фолиант, состоящий из печатных листов и гравюр и озаглавленный: "*Les belles figures et drolleries de la Ligue*". Эта ценная и необычная коллекция сейчас хранится в отделе печатных книг Императорской библиотеки.

Злодеяния, в которых Генрих III был обвинен общественным мнением, обычно приписывались колдунам; поэтому доверчивым вульгарным людям они казались естественными последствиями колдовства, вменяемого в вину этому несчастному королю. Так, никто в Париже не сомневался, что "миньоны", и особенно герцог д'Эпернон, были связаны со своим господином дьявольским договором, и все были убеждены, когда с кафедры было объявлено, что вещественные доказательства их отвратительных колдовств были обнаружены в Лувре и в *Венсенском лесу*, в квартире короля.

"Это были два сатира из позолоченного серебра, высотой в 4 дюйма, каждый из которых держал в левой руке и опирался на крепкую булаву, а в правой держал вазу из чистого, блестящего хрусталя, поднятую на круглой, отделанной железом базе высотой в четыре фута. В этих вазах находились неизвестные снадобья, которые они имели для приношения в жертву, и, что еще более достойно презрения, они находились перед золотым крестом, в середине которого было вырезано дерево истинного креста Господа нашего Иисуса-Христа".

Это описание, взятое нами из памфлета, опубликованного в то время под названием "*Колдовство Анри де Валуа и жертвоприношения, которые он совершал по отношению к дьяволу в Венсенском лесу, с изображением золотых монет, которые он совершал*"

(Париж, Didier Millot, 1589), просто описывает две кассолеты для сжигания ладана, установленные в оратории по обе стороны от распятия!

Автор памфлета указывает на нечистое и святотатственное использование, которое он приписывает этим предполагаемым идолам, говоря: "Мы знаем, что пайены считают сатиров богами лесов и укромных мест, поскольку думают, что от них исходит способность к разврату".

Невозможно очистить память об Анри III от пятен, которые ее позорят, но можно утверждать, что мерзости, которыми этот принц и его приближенные запятнали себя перед судом истории, не были столь частыми, бесстыдными или неслыханными, как предполагают, ссылаясь на обвинения Лиги и гугенотов. Таким образом, мы считаем, что во многих обстоятельствах привязанность короля к своим возлюбленным не содержала никаких порочащих примесей, и у нас не хватает смелости усмотреть постыдную страсть в выражениях дружбы и сожаления, которые Анри III публично дарил Кайлюсу и Могирону, оплакивая их, целуя их *обоих до смерти*, говорит л'Эстуаль, стриг им головы, чтобы убрать их светлые волосы, и забрал у Кайлюса серьги, которые тот подарил ему и прикрепил своей рукой. Нет ничего более трогательного, чем смерть Кайлуса, повторяющего при последнем вздохе: "Ах! Мой король! Мой король!". Нет ничего более достойного, чем скорбь царя о потере друга. Но народ думал иначе и не обращал внимания на роскошные гробницы, воздвигнутые в честь этих юных слабоумных, которых он ненавидел. Народ, ослепленный и раздраженный маневрами анархических партий, испытывал неприязнь ко всему, что считал причиной своих бед и несчастий; он охотно верил ужасам, которые слышал о нравах короля и его окружения; он позволял вводить себя в заблуждение внешностью и считал, что его заранее предупредили против придворных, независимо от того, участвуют ли они в маскарадах или шествиях. Проповедники с их яростными заявлениями оказали самое пагубное влияние на мнение, и Анри III пришлось раскаиваться в том, что он не закрыл им рот: опорочив и оклеветав его, они убили его Жака Клемана. В день Кваресме, - читаем мы в "*Журнале Анри III*" от 20 февраля 1583 года, - король и его приспешники прошли в масках по улицам Парижа, где совершили тысячу бдений, а ночью бродили от дома к дому, наблюдая за компаниями, до шести часов утра первого дня Кваресме, в этот день большинство парижских проповедников в своих проповедях открыто хулили его за упомянутые бдения и бдения".

Несомненно, именно для того, чтобы искупить вину за эти карнавальные безрассудства, король через несколько дней учредил братство кающихся и проводил процессии по примеру римских *баттусов*, в которых облаченные в белые полотняные мешки конферансье шествовали в две линии, распевая псалмы и порицая друг друга. Однако в этих процессиях все равно появлялись симпатичные мальчики, и их присутствие портило эффект. "Мне сообщили, - восклицал монах Понсе, проповедовавший Великий пост в Нотр-Дам, - что вчера вечером вертел был повернут для ужина этих добрых кающихся, и что после того, как они съели жирный чаппон, они закусили маленьким сухожилием, которое было приготовлено для них на ночь!" Проповедник был заключен в тюрьму по приказу короля, и шествия продолжались все лучше и лучше при свете факелов; король присутствовал, все еще одетый в костюм братства и окруженный своими возлюбленными: "Были некоторые, *mesmes des mignons, à ce qu'on disoit*, - сообщает П. де л'Эстуаль, - которые бичевали себя в этой процессии, и их бедные спины были видны все красными от ударов, которые они наносили друг другу. Об этой новой порке и наказании короля и его приспешников ходило множество четверостиший и пасквилей, чепухи и тому подобных глупостей". По мнению историков, Генрих III придумал эти процессии и публичные покаяния, чтобы искупить

отвратительные грехи, в которых он себя винил и к которым постоянно рецидивировал; он обязал своих приспешников, как своих сообщников, появляться на этих церемониях и играть роль кающихся; он ходил с ними в церкви и монастыри, совершал посты и молебны, слушал проповеди и получал индульгенции. В народе говорили, что это не более чем подготовка и поощрение к тому, чтобы впоследствии грешить еще лучше. Поговаривали, что король в свои часы писал портреты своих возлюбленных в привычке кордельера. (См. *"Исповедь Санси"*, глава VIII). Говорили, что в его покоях перед ним били кнутом спутников его благочестия и разврата; утверждали даже, что братство Кающихся было создано исключительно для того, чтобы вербовать гнусных потакателей блуда и распространять под покровом религиозной ассоциации позорные принципы содомии. *Журнал Анри III* сообщает нам, что одним из церемониймейстеров братства был по имени Дю Пейрат, "изгнанный и бежавший из Лиона за преступления атеизма и содомии". Можно догадаться, почему люди называли кающихся *конферансье кабинета* и *министрами священной группы*.

В своей книге *"Королевская экономика"* (*Œconomies royales*) Сюлли приводит список миньонов, включая Бельгарда, Сувре, дю Бушажа и Термеса, а также уже упомянутых, но не упоминает об их нравственности, говоря лишь, что каждый из них был последовательным *фаворитом* короля. Ученый Ле Дюша в своих примечаниях к *"Исповеди де Санси"* называет еще четырех сеньоров, согласно *"Мемуарам о владениях Франции при Карле IX"* и письмам Этьена Паскье: "Ле Вуайе, сеньор де Линероль; Пибрак, Руасси и Вик де Виль, которые, добавляет комментатор, не были известны как одинаково порочные и развращенные". Как бы то ни было, все господа, которых король удостоил особой симпатии и близости, были немедленно опозорены титулом *миньонов* или *гермафродитов*. Это последнее прозвище, менее популярное и более изысканное, чем другие, характеризовало вид проституции, которой они были обязаны своими заслугами и состоянием. Агриппа д'Обинье, Ювенал этой эпохи, которую он изображает еще более развратной, чем эпоха Нерона и Домициана, посвятил свои стихи и прозу пренебрежительному отношению к возлюбленным Генриха III. Да, - восклицает он в своих *"Трагиках"* (Liv. II, p. 83):

Oui, les Hermaphrodites, monstres effeminez,
Развращенные пьяницы, и кто лучше нос
Для камердинеров шлюх, чем для господ над мужчинами,
Это чудовища века и времени, в котором мы живем!

Книга *"Трагические рассказы о воре Прометее"* была напечатана только в 1616 году (*Au désert*, in-4), без имени автора, но эти восхитительные сатиры были написаны в молодости Агриппой д'Обинье, который, хотя и был слишком ревностным кальвинистом, был не менее почтенным человеком и прекрасным историком. Примерно в то же время было написано еще одно произведение, тоже сатирическое, но менее страстное и менее жестокое, чем у поэта *"Трагиков"*, обличающее развратные нравы при дворе Генриха III: оно увидело свет лишь спустя долгое время после написания, но задолго до поэмы д'Обинье. Поэтому ее можно считать документом современности, заслуживающим большего доверия, чем пасквилы и *пасквилы* того времени, даже если это всего лишь остроумная и гениальная аллегория.

Книга, которую мы хотим обсудить и которая не позволяет нам реабилитировать миньонов, называется *"Гермафродиты"*, первое издание которой вышло в Париже, в небольшом томе in-12, без названия и даты, около 1604 года. На гравированном фронтисписе изображен портрет Анри III, стоящего, в одежде и с атрибутами как мужчины, так и женщины, с довольно значительным девизом: *à tous accords*. Внизу - шесть загадочных строк:

Je ne suis male ny femelle,
Et si je sçay bien en cervelle
Что из двух мне выбрать;
Но какая разница, на кого я похож?
Лучше, если они будут вместе:
Вы получите двойное удовольствие.

Публикация этого тома вызвала большую сенсацию, особенно при дворе, где несколько бывших возлюбленных Генриха III, таких как Беллегард, д'Эпернон и т. д., сохранили все свои заслуги, не прибегая к столь постыдным средствам; памфлет был доложен королю, и были предприняты попытки добиться громкого осуждения автора. Но Анри IV, после того как ему прочитали "*Гермафродитов*", не захотел искать автора, хотя и нашел это произведение *слишком свободным и смелым*, "сознавая, - сказал он, - что может расстроить человека за то, что он говорит правду". Именно Пьер де л'Эстуаль повторяет нам эти прекрасные слова Анри IV, в которых мы вынуждены видеть наблюдение за историческими фактами, о которых сообщает автор *Les Hermaphrodites*. Кто же был этот автор? Л'Эстуаль называет его Артусом Томасом; были предприняты попытки установить, что это был Томас Артус, сьер д'Эмбри, неясный и напыщенный писатель. Сорель в своей "*Французской библиотеке*" сообщает, что эта книга, "в которой были найдены такие хорошие вещи", была приписана кардиналу дю Перрону. Для нас не имеет большого значения, какое изящное и язвительное перо можно распознать в этой работе, которая была переиздана с таким более поясняющим названием: "*Остров гермафродитов, открываемый в новом свете, с изображением их мужей, лойкс, кустумов и порядков их привычек*" (*l'Isle des hermaphrodites nouvellement decouverte, avec les mœurs, loix, coustumes et ordonnances des habits d'icelle*). Это новое название указывает на то, что автор намеревался критиковать прежде всего странности и непристойности придворной моды; действительно, эти женоподобные моды описаны в работе так подробно, что мы предпочитаем процитировать отрывок из "*Трагикув*", в котором д'Обинье резюмировал несколько страниц "*Гермафродитов*" в очень хорошем стихе.

Генрих был лучше образован, чтобы судить об убранстве
шлюх его двора, более подходящих для любви:
Низкий подбородок, бледное лицо,
женоподобные жесты, глаза сарданапала,
Так что в один из дней королей, это сомнительное животное,
Без мозга, без лба, явилось на бал:
Волосы его были связаны шнурами,
Под шапкой без ободка, сделанной на итальянский манер,
В два аршина; подбородок прищурен,
Лицо красное и белое,
Голова вся напудрена, - вот и вся идея,
Вместо короля - раскрашенная шлюха.
Подумайте, какое прекрасное зрелище! И как приятно было видеть
Этот принц с бюстом, телом из черного атласа
покроя в испанском стиле, где лоскуты
от пассеменов и белых тируров,
И так, чтобы привычку можно было носить в ряд,
На нем были рукава, подбитые белым атласом,

И другие рукава с прорезями,
И к ногам другие рукава терялись.
Он носил это чудовищное одеяние целыми днями,
Это чудовищное одеяние, как и его любовь;
Так что с первого взгляда каждый был в растерянности.
Кто перед ним - король-женщина или мужчина-королева!

Автор *Les Hermaphrodites* не жалеет подробностей о постыдных нарядах своих героев, об их утонченной мягкости и кокетстве; но он очень скуп на информацию и даже на намеки об их нравах, что наводит на мысль о пробелах в печати. Легко представить, какими были тайные дела служителей *Гермафродита* в комнате, называемой *Алтарем Антиноса*, потому что на гобелене была изображена любовь Адриана и Антиноса, или в галерее, где на фресках были изображены "развратные занятия Сарданапала и размышления Аретины, связанные с метаморфозами богов, и другие подобные бесконечные представления, изображенные очень живо и естественно". Можно также представить себе все, что автор упустил сказать или все, что было вырезано его печатником, если заметить в галерее, посвященной законодателям разврата, "несколько сломанных стульев, которые удлинялись, расширялись, опускались и поднимались с помощью пружин, как кому хотелось: это было изобретение гермафродитов, недавно найденное в этой стране". Суждение Анри IV, который счел это произведение *слишком свободным и смелым*, признавая его истинность, не нуждается в обосновании цитатами с сайта. Однако эта, взятая из постановлений, касающихся полиции среди гермафродитов, не оставляет сомнений в том, что автор преследовал главную цель в этой язвительной сатире на возлюбленных: "И поскольку все лежа являются алтарями, где мы хотим приносить вечные жертвы богине Саламбоне, мы желаем, чтобы они были богаче остальных, покрыты и убраны для удобства самых тайных друзей: Зная также, что обычные действия совершаются под небом, называемым лунным, а таинства Венеры - на два градуса выше, мы намереваемся, чтобы каждый имел в своей постели два неба и чтобы то, что внутри, было не менее богато, чем то, что снаружи; Мы хотим, чтобы история была взята из "Метаморфоз" Овидия, о переодеваниях богов и других подобных вещах, чтобы ободрить тех, кто наиболее холодносердечен; мы хотим, чтобы задняя часть была более примечательной, чем передняя, по своей ширине, как более подходящая для гермафродитов, будучи наиболее подходящим местом для содержания. Тем более что земля недостойна носить нечто столь драгоценное, мы приказываем положить под указанные кровати несколько богатых каиринов (каирских ковров) или других шелковых подвесок". Автор лишь вскользь касается своей темы, с деликатностью, свидетельствующей об ужасе, который он испытывал перед переполненной жизнью придворных, и признается, что с отвращением отворачивался от тех, кто играл и резвился, "боясь увидеть, - говорит он, - какую-нибудь вещь, которая, случайно, не была бы мне очень приятна".

Мы должны вернуться к трудам Агриппы д'Обинье, чтобы почерпнуть из них наиболее характерные черты проституции кузенов. Серьезный и рассудительный де Ту не побрезговал включить в свою "Историю" некоторые анекдоты, встречающиеся даже в "*Исповеди Санси*": например, случай с духовой трубкой доказывает, по крайней мере, что король не был настолько ожесточен к пороку, чтобы предаваться ему без угрызений совести. Около 1580 года Сен-Люк и Жуазе, пристыженные и уставшие от своего положения, захотели освободиться от него, заставив своего господина краснеть за его распутства, которые они сами уже не терпели иначе как с непобедимым отвращением. По совету графини де Рец, которую они оба любили, они пробили стену кабинета Генриха III и "просунули медную трубку через проход в кровати, между содержимым и занавеской, с помощью которой они

намеревались подделать ангела", - так описывает это приключение д'Обинье. (*Hist. universelle*, liv. II, chap. V, t. III.) Идея заключалась в том, чтобы вложить в ухо короля предостережения и угрозы небес, чтобы исправить его отвратительные привычки. Уловка удалась, и Сен-Люк и Жуазе не надеялись на успех: Генрих III не успел услышать таинственный голос, призывавший его исправить свои поступки под страхом поражения, как порочные жители Содомы и Гоморры, как поклялся больше не впадать в грехи и разделил покаяние со своими возлюбленными. Бедный грешник стал настолько пуглив, что при малейшем раскате грома прятался под кровать и убегал в глубины подземных ходов Лувра, когда молния продолжала грохотать. Но Жуазе сжалился над плачевным состоянием, в которое он привел короля, и, чтобы излечить его от страхов, во всем признался ему, обвинив Сен-Люка. Последний успел бежать, прежде чем гнев Генриха III настиг его, и укрылся в городе Бруаж, губернатором которого он был, навсегда отрекшись от своей ереси как "миньон". Де Ту рассказывает о том же приключении, но вместо Жуазе в качестве сообщника Сен-Люка называет Франсуа д'О, а изобретение духовой трубки приписывает жене Сен-Люка, Жанне де Коссе-Бриссак. Кроме того, бывший миньон Франсуа д'Эпинэ, господин Сен-Люка, несмотря на свое первоначальное пятно, стал гроссмейстером артиллерии и маршалом Франции при Генрихе IV. Агриппа д'Обинье пишет в *"Исповеди Санси"*: "Этот бедный мальчик ненавидел это злодейство, и в первый раз его принудили к нему; король заставил его взять книгу из сундука, из которого великий приор и Камилл надели крышку на его почки, и это называлось взять зайца у гончей: так что этого честного человека принудили к этому ремеслу". О позоре несчастного фаворита было объявлено двора с помощью этой нецензурной анаграммы, которую Рошпот нашел в имени Сен-Люка: *кошки в...*

Ангел дудочки оставил в сознании короля благотворную склонность бояться Божьей кары: отсюда эти процессии, покаяния и торжественные искупления. Но мы не решаемся верить, как говорит д'Обинье, что "страх рос с изысканным искусством сладострастия"; мы с ужасом отвергаем чудовищную клевету, которую лигуары, а не гугеноты, приготовили, как страшный яд, чтобы уничтожить королевскую власть, заклеив короля; Трудно представить, как д'Обинье мог продолжать повторять эти оскорбления в своих *"Трагиках"*, в *"Всеобщей истории"* и в *"Исповеди Санси"*. Он должен был оставить в пасквилях Лиги эти четки из Рима, эти благословенные четки, которые король раздал всем членам кабинета, приказав им, чтобы "их сладострастие осуществлялось с помощью этих четок"; "Священная месса, которая совершалась над кроватью кабинета и чьи украшения были приспособлены к этому греху"; эти "умывальники" и "клистиры святой воды", которые миньоны использовали в качестве средства защиты от небесного огня! Соваль в своих "Исторических и секретных записках о любви королей Франции" не колеблясь, перед лицом отвратительных профанаций, о которых утверждал д'Обинье, встал на защиту Генриха III: "Все эти мерзости из Гоморры, говорит он, которыми он был очернен и которые сатирики называли *священной любовью*, как запрещающие любовь к женщинам, были скорее пороками великих и особенно его фаворитов, называемых *священным обществом* и *священной группой*, чем его собственными. Именно о них и их чудовищном разврате, которым они наслаждались, в те времена говорили: *"В Испании - кавалеры, во Франции - великие, в Альмании - немногие, в Италии - все"*. Тем не менее, мы должны признать правдивыми некоторые из признаний *"Исповеди Санси"*, какими бы позорными они ни были, и мы вынуждены не путать с бесчестными клеветниками Лиги храброго и верного Агриппу д'Обинье, который был другом и соратником короля Беарна, даже когда он с чувством глубокого возмущения восклицает: "Если бы я знал, что мне сказал по секрету принц де Конде, когда они всю ночь напролет занимались воспитанием графа Оверни в его номбриле; или если бы я знал, как прогнали молодого Росни за то, что он был плохо одет; де Ноайля за то, что он написал на своей литавре эти стихи:

Ни счастье, ни благо не удовлетворяют меня
Без моей божественности!

"Король Наваррский собственноручно поставил на ней печать:

Не называйте так мою тетушку:
Она слишком любит человечество.

"Это дало понять, что он любил женщин, вопреки правилам священной любви: Это привело к тому, что его выгнали, как герцога де Лонгевилья, за то, что он попросил у короля его цвета в письме, написанном на бумаге с иллюминацией; если бы я стал перечислять измены Квеля, другой договор, подписанный кровью короля и кровью д'О как свидетеля, по которому он обручился с месье ле Гран; более того, если бы я стал повторять слова этого принца, стоящего на коленях над мертвым Могироном, с зажатым ртом между двумя позорными частями!..." (См, в *"Исповеди Санси"*, глава VII о реликвиях и посвящениях покойного короля).

Когда д'Обинье в шутиливой форме писал эти ужасные откровения о тайной истории Лувра, его два или три раза заочно приговаривали к смерти как неисправимого гугенота; он был в большом фаворе при дворе Генриха IV; у него была седая борода на подбородке, и он все еще чувствовал бурлящую в жилах непримиримую ненависть, которую внушал ему коронованный порок; Но более чем за тридцать лет до этого, когда во время войны 1577 года он жил в Кастельжалу, командуя легкими всадниками в протестантской армии и "считая себя мертвым из-за ран, полученных в великой битве", он почти в тех же выражениях сформулировал те же обвинения против Генриха III и его придворных в сборнике *"Трагедии"*, который был опубликован лишь двадцать пять лет спустя. Поэтому именно на одре боли и перед лицом неминуемой смерти он посвятил на суд потомков отвратительные поступки и действия принцев и их королевского повелителя. Так поэт готовился к задаче историка:

Quand j'oy qu'un roy transy, effrayié du tonnerre,
Покрывает себя сводом и прячется под землей,
Укрывается лаврами и звонит в колокола;
Его грех, преследуемый, продолжает поражать его;
Он употребляет люстральную воду, пьет ее, поглощает ее
В мерзких клистирах; он привозит из Рима
Свечи и агнус, которые поставляет папа;
Закупоривает все свои трубки очаровательным зерновым бенитом;
Когда я вижу, как я сочиняю полную мессу,
Чтоб отвратить небеса, бесполезный амулет;
Когда страх не утихает, крестным знамением,
Ни косы Массе, ни рясы Франсуа:
Такие неведомые призраки заставляют нас признаться в остальном;
Грехи Содомы и кровавое кровосмешение
Являются радостным укором нашим нечистым дворам.
К сожалению, я оборву эту трагическую речь,
Чтобы оставить эти ужасающие истории пасквилям,
Позорные истины, слишком истинный позор!

- Андрие, дель.
- Парижская Имп. Деламен, 8, р. Git-le-cœur.
- Бунтарь, ск.

ЖАННА ДЕ ДИВИОН

ГЛАВА XXXVIII.

Sommaire.-Le *Divorce satyrique*.-Les *Mémoires* de la reine Marguerite.-Les *Amours du grand Alcandre*.-Les premiers amants de Margot: La Mole, Bussy, Turenne, Mayenne, Clermont d'Amboise, etc.-Intrigue de la reine avec Champvalon.-Son départ de la cour et son arrestation.-Lettre de Henri III à son beau-frère.-Marguerite en pouvoir de mari.-Sa fuite de Nérac.-Ее прибытие в Карлат.- Кадеты Гаскони и котельщики Оверни.- Занятия Маргариты в Карлате.- Объяк и маркиз де Канильяк.- Замок д'Уссон.- Ее тайны, согласно различным современным свидетельствам.- Кантор Помини.- Серебряный ящик.- Культ *Венеры Урании*.- Два ее слуги, Дюплеи и Брантом, в присутствии.Развод Генриха IV.-Возвращение Маргариты в Париж.- Отель Сен-Санс.-Смерть *милой Даты*.-*Остров Цитерия* в Фобур Сен-Жермен.-Бажомон.- Последние вздохи галантности королевы Марго.-История тысячи и одной любовницы короля Наваррского.-Суждения о проступках этого принца.-Катерина дю Люк, деуазель де Монтегю, Тиньонвиль, Марокен и т. д..Мадам де Сове, Дайель, ла Фоссез и т. д.- графиня де Гиш.- Мадам де Гершевиль.- Аббатства Лоншан и Монмартр.- Габриель д'Эстре.- Ее любовные связи с королем и другими.- Герцогиня де Верней.- Ла Хей, Фануш, графиня де Море, ла Гланде и т. д.- Принцесса де Конде.- Сутенеры короля.

Состояние придворных нравов в конце XVI века можно представить не лучше, чем нарисовав картину расстройства личной жизни Маргариты де Валуа, королевы Наваррской, первой жены Анри IV, и рассказав о некоторых особенностях любовных походов ее мужа, увековеченных под именем *великого Алкандра*. Королева в своих "*Мемуарах*", в которых она перечисляет свои обиды на неверного и непостоянного мужа, хотя и с большой сдержанностью и деликатностью; король в знаменитом "*Разводе сатирика*" - документе, составленном им, Агриппой д'Обинье или кем-либо другим, в качестве инструкции для комиссаров, назначенных для расследования и изучения причин разрыва, которые могут существовать между супругами. Эти два подлинных документа из бракоразводного процесса были напечатаны лишь много позже, но к моменту рассмотрения дела они уже циркулировали в рукописях: они самым скандальным образом доказывали, что королю Наваррскому и его жене не в чем упрекнуть друг друга в распутстве и недержании. Более того, это был обычный образ жизни при дворе; и когда принцесса Конти написала в форме романа "*Похождения великого Алькандра*", завершающего "*Мемуары* Маргариты де Валуа", она не думала, что нарушает законы галантности, предлагая эти примеры распутства и разврата молодым дворянам Франции.

Было бы трудно перечислить все эксцессы королевы Маргариты, начиная с ее раннего вступления на путь проституции, в возрасте одиннадцати лет, когда "д'Антрагэ и Шарин (ибо оба считали, что первыми достигли этой славы) имели начатки ее пыла", - говорит сам Анри IV в "*Разводе сатирика*". Мы уже сообщали в другом месте, с довольно малой долей достоверности, одиозные слухи, ходившие во время правления Карла IX, о кровосмесительных любовных связях королевы *Марго* с тремя ее братьями; мы не будем говорить здесь о ее первых любовниках, о полковнике Мартиге, который любил ее так безумно, что всегда брал с собой на самые опасные осады и стычки вышитый шарф и маленькую собачку, которые она дарила ему на память; Ни герцога де Гиза, который "мечтал дотянуться своими нескромными поцелуями до невест"; ни Ла Моля, обезглавленного на площади де Грев вместе с Коконнасом, чье сердце и некоторые другие чужие реликвии она хранила в золотых шкатулках; Ни Сен-Люк, чьи "частые и ночные утешения" она получала, оплакивая своего последнего любовника; ни Бюсси, который, будучи храбрым, имел репутацию "мало общался с женщинами из-за колик, которые обычно одолевали его в полночь". "*Сатирик* "*Развода*" также упоминает среди тех, кто завоевал благосклонность

принцессы, герцога де Майенна, "хорошего компаньона, толстого и упитанного, и сладострастного, как она"; виконта де Тюренна, которого она вскоре уволила, "найдя его размеры непропорциональными в некоторых местах"; Леболе, который был "не в духе". Леболе, который в порыве ревности съел перья с ее шляпы; Клермон д'Амбуаз, который ласкал ее "всю в юбках у дверей ее комнаты", пока король Наваррский играл или прогуливался вечером со своими офицерами в зале; и, наконец, лорд Харлей де Шампвалон, который вез себя в Лувр в деревянном сундуке, чтобы ночью войти в гардероб своей госпожи.

Мы спешим перейти к переполоху, сопровождавшему отъезд королевы Наваррской, когда она покинула Париж и двор по приказу брата-короля, чтобы вернуться в Гасконь, к своему мужу. Анри III был очень зол на нее, потому что роман принцессы с Шампольоном принес свои плоды, а ребенок, который получился, как говорили, исчез сразу же после рождения. Шампольон благоразумно удалился в Германию, когда возникли подозрения о беременности Маргариты. Утверждали, что прелюбодейный ребенок был задушен, разрезан на части и брошен в отдельную комнату; но позже стало известно, что он был воспитан под именем Луи де Во консьержем Наваррского отеля, и что его считали сыном придворного парфюмера. Как бы то ни было, Анри III приказал сестре уехать, она неохотно подчинилась и в понедельник 23 августа 1583 года отправилась в путь с несколькими членами своей семьи. Она приехала вечером в Палезо, чтобы поспать, но за ней следовали шестьдесят лучников из гвардии короля, а их капитан, сеньор де л'Аршан, выполняя секретный приказ, "пришел искать ее даже в постели, - рассказывает Пьер де л'Эстуаль, - и взял в плен даму де Дюрас и демуазель де Бетюн, которых обвинили в недержании мочи и сделали аборт". Были арестованы лодонцы, кавалеры королевы Наваррской, а также оруженосец, секретарь, врач и другие служащие этой принцессы; их отвезли в Монтаржи, где сам король допросил их "о высылках упомянутой королевы, его сестры, и даже о ребенке, которого, по слухам, она сделала с момента своего прибытия ко двору". Но этот допрос и последовавшее за ним расследование ничего не выявили, и все арестованные были отпущены. Маргарита смогла продолжить свое путешествие и добраться до Nérac, где находился ее муж. Король Наваррский не захотел принимать ее обратно из-за скандальности всего этого дела. Между супругами, которые жили под одной крышей, больше не было никаких отношений, как будто они уже были разлучены разводом. Генрих III попытался вмешаться, чтобы свести их вместе, по крайней мере, внешне. В одном из писем к шурина он злобно сообщал ему: "Вы знаете, как короли склонны обманываться ложными сообщениями и что самые добродетельные принцессы не избегают клеветы; даже в отношении покойной королевы, вашей матери, вы знаете, что о ней говорили и как много всегда говорили о ней дурного". Король Наваррский разразился смехом и, обратившись к месье де Беллиевру, который принес ему это прекрасное письмо, сказал: "Король, - весело сказал он ему, - оказывает мне большую честь во всех своих письмах: в первом он называет меня *рогоносцем*, а в последнем - *сыном шлюхи*. Я благодарю его за это" (*Journal de Henri III*, изд. месье Шампольона).

Супруги жили не в лучших отношениях, хотя король Наваррский из политических соображений делал вид, что забыл о своих обидах: "Он вернул свою жену в качестве оправдания, говорит л'Эстуаль, и ради власти, которую Его Величество имел над ним; так что никогда нельзя было уговорить его переспать с ней, только одну ночь, достаточно лаская ее красивыми словами и добрым лицом, но, с другой стороны, нет: от чего мать (Екатерина де Медичи), а дочь enrageoient." Л'Эстуаль вычеркнул этот отрывок при очистке своего "*Журнала*" и довольствовался тем, что оставил в нем под февралем 1585 года предложение, в котором он говорит, что королева Маргарита была "очень несчастна со своим мужем, который пренебрегал ею, не спал с ней, с тех пор как пришло известие об оскорблении,

которое нанес ей король, ее брат, в августе 1583 года". В течение этого промежутка времени, проведенного при дворе Нерака, королева, которая, казалось, хотела исправиться, вела более благородную жизнь; "жила со стыдом за свои грехи", - говорит *сатирик Развода*; но в конце концов она устала от этого вынужденного продолжения и "снова позволила себе увлечься плотью и переполнявшей ее чувственностью". Она покинула дом короля, своего мужа, где за ней пристально следили и держали на виду по приказу его брата Генриха III, и удалилась в город Аген, "чтобы наладить свое ремесло и, с большей свободой совести, продолжать свои распутства". Она пробыла там недолго: жители города, принадлежавшие к католической партии, не успели узнать, что в их стенах появилась королева Наваррская, как поднялись, чтобы заставить ее немедленно уехать. Поэтому она поспешила бежать.

"Несколько из них следовали за ней в строю, некоторые без маски, некоторые без уздечки, а некоторые без того и другого, с таким жалким беспорядком, что они больше походили на сукланскенец, во время *goupte* (разгона или подъема) лагеря, чем на девушек из хорошего дома; В сопровождении нескольких плохо запряженных дворян, которые, наполовину без сапог, наполовину пешком, вели ее, под охраной Лигнерака, в Овернские горы, в Карлат." Анри III, узнав о бегстве сестры, был очень раздражен и вслух сказал своим придворным: "Кадеты Гаскони не смогли напоить королеву Наваррскую: она отправилась искать мулетеров и шодеронниров Оверни!"

Бедная Маргарита во время путешествия из Агена в Карлат села в крестец позади одного господина (см. *Скалигерана*, на слове "Наваррская"). "Она болела целый месяц, и у нее был жар. Врач, который ее перевязывал, "постригся за то, что слишком много говорил", - говорится в *"Генеральном и любопытном словаре"* Сезара де Рошфора (р. 415, col. 1). Это позволяет нам предположить, что эта ссадина имела подозрительное происхождение. Наваррская королева, если верить *сатирическому "Разводу"*, испытывала недостаток во всем в замке Карлат, "где она долгое время находилась не только без даза и парадной постели, но и без рубашек на каждый день". Она утешала себя, отдаваясь всей пылкости своего темперамента, в этом замке, "чувствуя себя скорее притоном разбойников, чем домом принцессы, дочери, жены и сестры королевской особы". Она не могла обновлять штат своих галантных друзей так часто, как ей хотелось бы, и была ограничена в выборе любовников. В отсутствие сеньора де Дюраса, "которого она послала к королю Испании просить денег", она последовательно бросала взгляд на Шуанина, одного из музыкантов в ее кабинете; затем на своего повара; затем на Сен-Вансана, своего дворецкого; затем на Обиака, "лучшего из своих слуг, которого она перевела из конюшни в спальню". Этот Обиак влюбился в нее, впервые увидев ее за семь или восемь лет до этого. "Я хотел бы, - сказал он тогда вслух, глядя на нее пылающими от любви глазами, - лечь с ней в постель под страхом быть повешенным через некоторое время после этого!" Пока он говорил, он сам составлял свой гороскоп; Ибо, после того как он был фаворитом этой принцессы (хотя он был "*chestif escuyer, rousseau and more scabbed than truite, whose nose tinted in escarlatte had never promised to the mirouer, to be found one day in bed with a girl from France*", как он был в Карлате у мадам де Марзе, которая, будучи чрезмерно зрелой, имела эту чудесную встречу"), он был взят в плен вместе со своей дамой в замке д'Ивуа, где она укрылась, покинув Карлат. Король Франции, разгневанный на сестру, приказал маркизу де Канильяку схватить ее, так как Маргарита уже несколько лет была на стороне Лиги, чтобы отомстить и , и своему брату и мужу. Поэтому королеву отвезли в замок Уссон в Оверни, где маркиз де Канильяк должен был держать ее взаперти, а ее последнего любовника, несчастного Обиака, отвезли в Эгуперсе, чтобы предать суду. Его приговорили как мятежника к повешению, и он пошел на смерть, целуя "голубую бархатную муфту, оставшуюся от благосклонности его дамы". Но Маргарита уже подарила ему преемника, и маркиз де Канильяк позволил себе соблазниться своей пленницей. Из нечистоплотного он превратился в "ухоженного и веселого

деревенского красавца". Королева не любила его, но притворялась; а он, ревнуя ко всем соперникам, в которых его заставляли подозревать, пренебрег службой королю ради службы чародейке. Чародейка так хорошо владела своими хитростями и уловками, что придумала предлог, чтобы избавиться от своего влюбленного тюремщика, и захватила замок, пока тот находился снаружи. Вернувшись, маркиз де Канильяк обнаружил дверь закрытой, и Маргарита сказала ему, что больше не нуждается в губернаторе. Он покинул Уссон, вздыхая, и стал посмешищем при дворе Генриха III, который простил его за то, что он так плохо выполнил свою миссию, учитывая позор его разочарования. "Почему бы тебе, - сказал он ему в отместку, - не попросить королеву Марго о милости быть ее парфюмером?"

Крепость Уссон, построенная на оконечности скалы, была неприступной. Анри IV не собирался осаждать свою жену: его устраивал тот факт, что она была там пленницей, хотя и суверенной внутри этой своеобразной тюрьмы. Более двадцати лет она оставалась в этом таинственном убежище своих распутств. Один из панегиристов этой принцессы, отец Илларион де Кост, в своей книге *"Eloges des Dames Illustres"* не стеснялся говорить в стиле ритора, что "эта крепость в Оверни была Фавором для ее преданности, Ливаном для ее уединения, Олимпом для ее упражнений, Парнасом для ее муз и Кавказом для ее страданий". Бейль справедливо замечает, что пребывание королевы Наварры в Уссоне было бы более уместно сравнить с уединением Тиберия на острове Каприкея. Однако несомненно, что сладострастная уссонская сирена умела так хорошо скрывать от посторонних глаз тайны блуда, заключенные в недрах ее замка, куда никогда не проникал посторонний, что глаза и уши обывателей ничего не видели и не слышали. Все, что происходило за этими толстыми стенами, ускользало от любопытства и порицания внешнего мира. Даже люди, живущие поблизости, не знали о том, какой жизнью живет это недоступное убежище, отголоски которого не смолкали до тех пор, пока Маргарита не покидала его. Вот как серьезный и почтенный человек, Жан Дарнальт, королевский прокурор в президентском суде Агена, питал иллюзии относительно нравов и привычек местной дамы: "Совершенно верно, - пишет он в своей *"Антиквариате Агена"* (которая была напечатана в Париже в 1606 году после его *Remonstrance* или торжественной речи, произнесенной при открытии молебнов, согласно Святому Луке, в сенешале Агена), - что Его Величество очень тщательно соблюдает там весьма похвальный обычай, с тех пор как он там побывал. После умеренного отдыха в упражнениях муз она большую часть времени проводит в уединении в своей часовне, вознося молитвы Богу, полные пылкости и страсти, причащаясь один или два раза в неделю". Достойный магистрат, который, несомненно, действовал из лучших побуждений в своей странной паранимфе, не осмелился бы ни написать ее, ни тем более опубликовать, если бы подозревал правду; ведь похвалы, которые он адресовал королеве, были очень похожи на шутки, и Маргарита, должно быть, смеялась вместе со своими возлюбленными, когда Дарнальт очень серьезно сказал ей в этом прекрасном произведении красноречия: "Феникс, ежедневно возрождающийся из вашего собственного пепла, сжигающий и поглощающий себя в божественной любви....., ты живешь другой жизнью, которой нет в мире!... Святой скит, благочестивый монастырь, где Его Величество изучает все в размышлениях, которые направлены только к концу концов, к суверенному концу; Скала, свидетельствующая о добровольном уединении, весьма похвальном и религиозном, этой принцессы, где, благодаря сладости музыки и гармоничному пению самых прекрасных голосов Франции, кажется, что рай на земле не может быть в другом месте, и где Ее Величество преисполнена довольства и покоя духа, которые блаженные души чувствуют в другом мире!"

К сожалению, у нас нет аналога этого невероятного панегирика; в сатирическом *"Разводе"* есть лишь несколько ничего не значащих строк, касающихся пребывания Маргариты в

Уссоне. Когда она изгнала маркиза де Канильяка из этого замка, "она решила подчиняться только его желаниям, - говорит Анри IV в *"Разводе сатирика"*, - и основать в этой скале империю своих наслаждений, где, обнесенная тремя стенами и замурованная всеми большими порталами, знала Бог и вся Франция прекрасные игры, которые за двадцать лет были сыграны и введены в употребление". *La Nanna de l'Aretin ni sa Sainte ne sont rien auprès*". Но после такого начала, обещавшего необычные откровения, фактум короля почти не говорит нам о том, что это были за *прекрасные игры*, которые так долго занимали даму Уссона и которые заменили ей мечты честолюбия и удовольствия гордыни. Однако из того молчания, которое история хранит о подробностях этого долгого затворничества, можно с уверенностью заключить, что прославленная затворница жила в самом чудовищном распаде: "Это правда, - говорит по этому поводу ее королевский супруг, - что вместо галантов, которые могли бы усладить ее прошлую жизнь, она, за неимением ничего лучшего, была сведена к своим слугам, секретарям, канторам и метисам из знати, которых она привлекала туда подарками, чей род и имена, неизвестные даже их соседям, недостойны моей памяти." Анри IV упоминает только одного из них, который превосходит всех остальных, и который также имел более блестящее правление, благодаря сильной любви, которую он умел внушить своей госпоже: "Это ради него она говорит, что он меняет свое тело, голос, лицо и прическу по своему усмотрению и что он входит за закрытые двери, куда ему заблагорассудится; это ради него она велела сделать кровати своих дам д'Уссон такими высокими, чтобы можно было видеть под ними, не наклоняясь, чтобы она больше не могла, как ей хотелось, растянуть плечи или ягодички, просовывая свои четыре ноги, чтобы искать его; Это ради него ее часто видели ступающей по гобелену, думая, что она найдет его там, и ради него, очень часто, в поисках его с излишней привязанностью, она билась лицом о двери и стены; это ради него вы слышали, как наши прекрасные придворные голоса поют эти стихи, написанные ею самой:

К этим лесам, этим лугам и этим пещерам,
Давайте принесем клятвы, крики, звуки,
Перо, желания, песни
Поэта, влюбленного, кантора".

На самом деле это был кантор по имени Помони или Коминес, сын котельщика из Оверни, который отличался только своим *огромным уродством* и прекрасным голосом; сначала он был алтарником в деревенской церкви, а затем был принят в капеллу королевы, которая немного подправила его и сделала своим секретарем и фаворитом. Она была влюблена в него до неистовства, и говорили, что эта бурная страсть, которая иногда принимала характер неистового безумия, была вызвана магическими чарами. Анри IV говорил, что иногда не мог удержаться от смеха над "экстравагантной ревностью и сильными страстями, которые рассказывают о ее любви, и которые чаще всего заставляют ее презирать то, что она видит, и верить тому, чего нет", неистово и горячо ищет своих руфинов во всех самых отдаленных уголках своего дома, хотя не может не замечать, что они находятся в другом месте, и все же видит и слышит их, и все время убеждает себя, что под их образом скрываются другие, которые пытаются обмануть ее и причинить ей вред."

В то, что королева в своих амурных вспышках была рабыней колдовства, подавлявшего в ней всякое чувство скромности, нас заставляли верить не столько безумства, которым она предавалась, сколько странные амулеты, которые она всегда носила с собой. Поговаривали, что сердца умерших любовников она запечатывала в золотые коробочки, как реликвии своих возлюбленных, и этот слух как-то подтверждался количеством кассолеток и драгоценных

камней в форме сердец, которые она держала в карманах или прикрепляла к поясу. Несомненно, в этих шкатулках ювелира были только духи. Однако, когда она жила в Уссоне, она обычно носила на шее, между рубашкой и плотью, голубую шелковую сумочку, "в которой ее *самое сокровенное* было раскрыто серебряной коробочкой, гравированная поверхность которой наивно изображала (помимо нескольких различных и неизвестных характеристик) с одной стороны портрет, а с другой ее шодероньерку". Мы вправе предположить, что эта серебряная шкатулка была не колдовским талисманом, а талисманом любви; кроме того, мы были бы склонны сблизить этот талисман с тем, который Брантом в своих *"Галантных дамах"* заставляет носить придворную даму, которую он не называет: "Ее муж умер, - говорит он, - она отрезала его передние или средние части, бывшие ей так дороги, и забальзамировала, ароматизировала и надушила их духами, мускусными и очень душистыми порошками, а затем заключила их в позолоченную серебряную шкатулку, которую хранила и берегла как очень ценную вещь." По преданию, Маргарита де Валуа не только сама сняла отрубленную голову своего возлюбленного Ла Моля, которого она не смогла спасти от казни, но и собственными руками изуродовала труп, который уже был разделен на четыре четверти и посажен на колья по четырем углам площади де Грев; Голова была похоронена ночью в часовне Сен-Мартен по благочестивой заботе этого покинутого любовника; сердце и другие останки, украденные из тела жертвы, были забальзамированы и запечатаны в золотых и серебряных шкатулках, которые королева носила в под видом драгоценностей и реликвариев во время всех своих любовных походов, служивших, по ее словам, лишь для оживления первого. Таллеман де Рео, хорошо знавший все, рассказывает: "Она носила большой вертугадин с карманами по всему периметру, в каждый из которых клала коробочку с сердцем одного из своих умерших любовников, так как она заботилась о том, чтобы сердце бальзамировалось после их смерти. Этот вертугадин каждый вечер вешали на крючок, запертый на всякий замок, за спинкой ее кровати". (См. *"Истории Таллемана де Рео"*, 2th изд. М. де Монмерке, т. I, с. 163).

Историк Дюплеи, которого Маргарита пристроила в свой дом в качестве мэтра реквизиций, "с почетным жалованьем", как он сам говорит, не считал нужным набросить плащ на излишества жизни этой принцессы, когда ему пришлось говорить о ней в *"Истории Анри IV"*; тем не менее, он облек в неприметную вуаль картину проституции, которая была у него перед глазами в течение двадцати лет: "Весь мир публиковал девицу", - говорит он в *"Истории Людовика XIII"* (стр. 53), она никогда не считала себя таковой и поэтому всю жизнь с удовольствием называлась *Венерой Уранией*, то есть *небесной*, как для того, чтобы показать, что она разделяет божественность, так и для того, чтобы отличить свою любовь от вульгарной, поскольку у нее был иной порядок ее поддержания, чем у других женщин, особенно учитывая, что она больше практиковалась в уме, чем в теле, и обычно имела это слово в своих устах: "Voulez-vous cesser d'aimer, possédez la chose aimée!" Я могла бы написать об этом роман, более превосходный и восхитительный, чем все, что было написано в предыдущие века, но у меня есть более серьезные занятия".

Дюплеи оправдывался за то, что раскрыл или, скорее, позволил догадаться о недержании королевы, заявляя, что пишет не панегирики принцам и принцессам, а "правдивую историю, которая должна выражать их добродетели и не подавлять их пороки, чтобы их преемники, опасаясь подобного пятна на их памяти, подражали их похвальным поступкам и держались подальше от дурных". Но его порицали, и Бассомпьер стал глашатаем этого порицания в своих *"Замечаниях к произведению Дюплеи"*, которому он бросает вызов по этому поводу с акцентом презрения и негодования: "Презренная гадюка, которая своей клеветой разрывает внутренности той, кто дала тебе жизнь! Червь, питающийся той же плотью, что породила тебя!... Какой позор вы наносите Франции, публикуя на весь мир и оставляя потомкам такие

позорные вещи об одной из благороднейших принцесс королевской крови, которые могут быть ложными или, на худой конец, известными лишь нескольким людям?"

Таким образом, сам Бассомпьер, так решительно встав на защиту Маргариты, признает, что клевета, в которой он упрекает Дюплеи, вполне могла быть не более, чем злословием и неосторожностью; но Дюплеи просто повторил с крайней сдержанностью то, что говорилось повсюду, при дворе и даже в народе, с тех пор как королева Наваррская покинула свой зачарованный замок Уссон в 1605 году, чтобы вернуться и поселиться в Париже: Ее истерическое или ипохондрическое состояние стало к тому времени таким, что скандалы, которые она ежедневно устраивала, были предметом обсуждения и удивления всей Франции. "Ceste foiblesse, - говорит Дюплеи, - вначале проявлялась только в некоторых делах, известных его слугам; но со времени его последней поездки ко двору они стали слишком хорошо известны, и она сама сделала их известными всем".

Какова бы ни была известность расстройств королевы Маргариты, Брантом, который также был одним из ее слуг и сохранил к ней не только уважение, но и восхищение, не позволил себе, следуя примеру Дюплеи, выдать тайны личного поведения этой принцессы. Хотя в своих *"Галантных дамах"* он, возможно, по признанию Маргариты, пересказал несколько довольно двусмысленных фактов, касающихся ее, которые он узнал непосредственно из доверительных бесед *Венеры Урании*, он старался не называть ее имени и часто принимал меры предосторожности, чтобы не запутать читателя, изменяя различные детали своего рассказа. Заметка, которую он посвятил Маргарите в *"Жизни выдающихся женщин"*, представляет собой великолепный панегирик, в котором автор не допускает даже тени галантности, как будто его целью было противопоставить этот блестящий панегирик *сатирическому "Разводу"*, который циркулировал при дворе примерно в то время. Таким образом, Брантом избегает опровергать одно за другим обвинения, которые редактор *"Сатирического развода"* выдвинул в этом факте против нравов Маргариты; он не только не берется за этот трудный и деликатный тезис, но и от всего сердца бросается в хвалебные обобщения и сосредоточивается почти исключительно на подчеркивании чар обольщения, которые всегда были прерогативой королевы: "Вуаля, - говорили, - принцесса, которая во всем идет выше всех других в мире!" Брантом любит изображать эту дивную красоту, эту несравненную грацию, этот изысканный вкус в туалете, этот богатырский рост, это благородство осанки, все эти внешние совершенства, которые заставили честного дворянина, новичка при дворе, сказать: "Je ne m'estonne pas, si vous autres, messieurs, vous aimez tant à la cour, car, quand vous n'y aurais autre plaisir tous les jours que de veoir ceste belle princesse, vous en avez autant que si vous estiez en un paradis terrestre." Автор *"Сатирического развода"*, среди всех жестоких эпиграмм, которые он адресовал уже отвергнутой жене Анри IV, пожалуй, никогда не обрушивал на нее более чувствительные для женского самолюбия черты, чем в двух или трех отрывках, в которых он не побоялся напасть на красоту, которую не пощадил возраст. Именно с этими оскорбительными фрагментами Брантом в основном пытается бороться и стереть их, как будто только они представляют интерес для чести Маргариты. Пасквильант упрекал королеву в том, что она слишком много гримируется и накладывает штукатурку, чтобы скрыть морщины: Брантом ловко вспоминает сравнение этой прекрасной королевы с прекрасной Авророй, "когда она рождается, перед рассветом, с ее прекрасным белым лицом, окруженным румяным и воплощенным цветом". Пасквильант в очень грубых выражениях высмеивал непристойную демонстрацию ее горла: Брантом, не ссылаясь на упрек, который пал не столько на королеву, сколько на моду своего времени (см. выше, т. VI, стр. 32), одобряет и прославляет эту наготу, которую он видел не в том же свете, что Анри IV: "Его прекрасные костюмы и прекрасные наряды, говорит он, никогда не осмеливались прикрыть ее прекрасное горло и прекрасную грудь, боясь причинить вред

взгляду мира, который пасовал перед столь прекрасным объектом; Ибо никогда не было ни столь прекрасной, ни столь полной очарования, ни столь полной, ни столь мясистой, что она показывала так полно и так неприкрыто, что большинство придворных умирали от этого, даже дамы, которых я видел одних из самых уединенных, с ее разрешения, целовали ее с большим восторгом." Брантом, в то время старый и немощный, остался верен службе своей бывшей хозяйке, которая в письме, написанном из Уссона, передала ему в таких выражениях неизменную привязанность: "Я узнала, что вы, как и я, выбрали спокойную жизнь, в которой я считаю счастливыми тех, кто может себя содержать, как Бог был милостив ко мне последние пять лет, поселив меня в спасительном ковчеге, куда не могут проникнуть бури этих бедствий, не дай Бог! И если у меня останется хоть какая-то возможность быть полезным моим друзьям и вам в частности, вы найдете во мне полную готовность и добрую волю".

Королева Маргарита, довольная *спокойной жизнью* в своем *ковчеге спасения*, вряд ли стала бы протестовать против разрыва брака с королем, если бы не боялась, что корона Франции перейдет к Габриэль д'Эстре, которую она ненавидела не как соперницу, достойную ее, а как врага, смертельно опасного для королевской власти: Но 10 апреля 1599 года Габриэль внезапно умер, вероятно, отравившись, и Маргарита сразу же дала согласие на развод. 29 июля она написала Сюлли: "Я очень долго не разводилась; вы знаете причины этого, как никто другой, не желая видеть на моем месте столь презируемого багажа, которым я считаю себя недостойной обладать". Она сама представила папе Клименту VIII просьбу, совпадающую с просьбой короля, и не держала зла на Генриха IV за те неблагородные средства, которые он использовал, чтобы добиться развода вопреки ей. Она простила ему оскорбления *сатирического развода* и допрос, которому папские комиссары подвергли их обоих. Она от души смеялась, зная, что ее муж ответил кардиналу де Жуазе, спросившему ее, *общались ли они в браке*: "Мы оба были молоды в день свадьбы и оба так распутничали, что остановить нас было невозможно". Она никогда не любила Анри IV, которого обвиняла в том, что от него пахнет *ластовицей* и воняет ногами. Король же был настолько проникнут воспоминаниями, которые она ему оставила, что, узнав о ее полном согласии на развод, воскликнул: "Ах, несчастная женщина, она прекрасно знает, что я всегда любил и почитал ее, и ее, и меня, и что ее дурные поступки давно разлучили нас, одного от другого!" Маргарита утверждала, что благо Франции заставило ее разорвать союз, который не мог обеспечить наследника короны, и первой приветствовала брак короля с Марией де Медичи.

В то время она еще находилась под чарами новой любви, которая сменилась отсутствием Помины. Можно предположить, что она сама прогнала этого Помины, о котором больше не заботилась, и который позже вернулся, чтобы заявить о своих правах так жестоко, что она была вынуждена изгнать его, сказав, что этот злой человек портит всех ее слуг. Преемником Помины сначала стал маленький *камердинер из Прованса* по имени Жюльен Дате, которого она благодетельствовала "шестью аунами сукна" под именем Сен-Жюльен. Она оставила его в Уссоне, когда у нее возникла идея вернуться ко двору после двадцати четырех лет добровольного изгнания. В августе 1605 года она неожиданно прибыла в Париж и поселилась в отеле де Сенс, расположенном неподалеку от Арсенала. На следующий день после ее приезда на двери этой гостиницы, принадлежавшей архиепископу Сенскому, были найдены четыре стихотворения:

Comme roine tu devrois estre
В вашем королевском доме;
Как шлюха, ты должна быть в королевском доме.

Ты должна быть в доме священника.

Именно так, по словам *сатирика* из "*Развода*", "образованный меховщик выделил ей общежитие". Но она пробыла там всего несколько дней и, чтобы заглушить все слухи, которые вызвало ее внезапное возвращение, пробудив, по словам Пьера де л'Эстуаля, *любопытные умы*, отправилась на шесть недель в замок Мадрид, расположенный в Булонском лесу. Анри IV был рад снова увидеть ее, и они настолько хорошо примирились, что "король попросил ее сделать две вещи: во-первых, чтобы лучше заботиться о его здоровье, она не должна больше, как это было в ее обычае, проводить ночь за днем и день за ночью; во-вторых, чтобы она сдерживала свою щедрость и стала более скупой". Анри IV часто проявлял к ней любовь и интерес. Время от времени он навещал ее и с удовольствием беседовал с ней; но, возвращаясь в Лувр, он в шутку говорил, "что возвращается из Бордо". (*Mém. et journaux de Pierre de l'Estoile, sous le règne de Henri IV, издание MM. Champollion, p. 425.*) Королева Маргарита, поселившись в Париже, вероятно, намеревалась изменить свою жизнь и отказаться от галантности; "но, - говорит безжалостный автор "*Сатирического развода*", - не в силах более обходиться без мазелей, жалея о погоде и не желая больше оставаться праздною", она послала в Усон за этим Дате или этим Сен-Жюльеном, "столь часто востребованным ею во время сладострастия". Сен-Жюльен сразу же отправился в путь и вернулся к тому положению *кавалера*, которое он ранее занимал у королевы. Королева, чья страсть к этому молодому человеку дошла до ярости, уволила Помины и держала на расстоянии всех своих офицеров, которых она более или менее приблизила к себе. Один из них, Вермонд, восемнадцати лет, так приревновал фаворита, что застрелил его из пистолета с дверцы кареты королевы. Убийца был арестован; его обыскали и, по словам *Journal de l'Estoile*, "нашли на нем три фигуры: одну для жизни, одну для любви и одну для денег". Суд над ним состоялся немедленно, так как королева поклялась "не есть и не пить, пока не увидит, что правосудие свершилось". Когда его привели к окровавленному телу жертвы, Маргарита, вся в слезах, захотела присутствовать при этом противостоянии: "Ах! Как я счастлива, что он мертв!" - воскликнул он, глядя на труп; "Если бы он не был мертв, я бы его убила!" - прервал ее покинутый любовник; "Вот, вот, вот мои подвязки: пусть его задушат!" На следующий день Вермонд, приговоренный к отсечению головы перед Отелом де Сенс, бодро отправился на казнь, заявив, что ему все равно умирать, раз его соперник мертв.

Сразу после этой казни королева Маргарита отказалась от Отеля де Сенс, который слишком напоминал ей о потере возлюбленного. Она купила большую гостиницу в Фобур-Сен-Жермен, расположенную на берегу реки, недалеко от Тур-де-Несль и у входа в Пре-о-Клерк. Она перестроила здания с большими затратами, покрасила и украсила квартиры, спроектировала и посадила сады, чтобы создать для себя *остров Цитерия*, где Венера Урания хотела основать свой храм и культ. Это были лишь эмблемы и девизы любви, фигуры, оружие и портреты ее старых и новых любовников, ибо, благодаря необыкновенной способности своего развратного воображения, она так смешивала материальный факт с воспоминаниями, что постоянно обращалась к своим удовольствиям, к эмоциям и наслаждениям прошлых лет, как будто все любовники, которых она имела в течение своей жизни, всегда были рядом в настроении удовлетворить ее, но никогда не удовлетворяли ее. Таким образом, Жюльен Дате сохранял права и привилегии, хотя и был мертв, даже когда Бажомон занял его активное место. Вот как *сатирик* "*Развода*" изображает преемника Дате: "Этот Бажомонт (или, скорее, Бажомон, из дома Дюрас), новое блюдо этих голодных кест, идол ее храма, золотой телец ее жертвоприношений, и самый совершенный глупец, прибывший к ее двору, введенный рукой мадам д'Англур, наставленный мадам Ролан, цивилизованный Леменом (или Ле Муаном), в прошлом вылеченный от двух жеребят врачом

Пенна, а после взорванный Делином (или де Луэ), ныне обладающий этим денежным состоянием, без которого бедность окрасила бы шафраном все его тело, а также бороду." Она любила Бажомона, своего *желтого клюва*, как любила Дате, Поминьи, Обиака и Ла Моля. Она чуть не потеряла и его, и вскоре ей предстояло утешиться таким же образом. Сьер де Луэ поднял шпагу против фаворита и попытался убить его посреди церкви, но разъяренного человека схватили и отправили пленником в Фор-л'Эвек, где он должен был предстать перед судом, в котором королева была гражданской стороной. Бажомон заболел от страха, у него была желтуха, от которой он так и не смог полностью оправиться. Маргарита не отходила от постели его *желтого клюва*; король тем временем пришел навестить ее и нашел ее настолько опечаленной этой болезнью, что, уходя, сказал дочерям королевы, "чтобы они все молили Бога о выздоровлении упомянутого Бажомона и чтобы он дал им их эстенны или их ярмарки: ибо, если бы он умер однажды, живот-святой-грис! весело писал он, он обойдется мне гораздо дороже, потому что мне придется купить новый дом, вместо этого, где он уже не поместится". (*Journ. de Henri IV*, by Pierre de l'Estoile.) Бажомон не умер, а нежность Маргариты к нему стала только злее и эксцентричнее: поскольку у нее на ногах уже давно было два *волка* (злокачественные язвы), она потребовала, чтобы Бажомону сделали два прижигания на руках, чтобы им не в чем было упрекнуть друг друга!

"Кто будет читать его подвиги, - говорил автор *сатирического "Развода"*, - ибо в писателях не будет недостатка, кто не восхитится его склонностью к путанизму и не одобрит, что их следует записать в публичный дом?" Однако развратный образ жизни, который вела в отеле королева Маргарита, не описан в современных мемуарах, разве что аллегорическое изображение можно найти в каком-нибудь романе в жанре *L'Astrée*. Известно лишь, что королева, почти никогда не покидавшая свою *любовную тюрьму*, была столь же озабочена преданностью, как и галантностью. Она приказала построить на пороге своего дома монастырь августинцев, чтобы, как говорили, иметь под рукой монахов. Она содержала на службе сорок английских, шотландских или ирландских священников за сорок экю в год. Каждый год она раздавала значительные подарки различным религиозным общинам. Она щедро раздавала милостыню с такой расточительностью, с которой не смог бы сравниться доход, в десять раз превышающий ее собственный. Целью этой благочестивой щедрости было искупление грехов, которые она могла совершить со своими любовниками и возлюбленными, последним из которых был музыкант по имени Вилларс, известный как *король Марго* (см. *Историю* Таллемана де Рео.) Тем не менее, Дюплеи утверждает, что "в любовных похождениях Маргариты было больше искусства и видимости, чем эффекта; Ибо она получала дивное удовольствие, занимаясь любовью, говоря об этом с приличием и благоразумием, а также видя и слыша, как мужчины пылают к ней страстью, что обычно делалось в качестве развлечения, по обычаю двора, где с большим трудом можно выдать себя за умного мужчину, не умеющего обманывать женщин, и за умную женщину, не знающую, как нанести некоторый вред сердцам мужчин." Можно сказать, что королева, несмотря на свои благочестивые труды и несмотря на то, что она часто тратила значительные суммы денег, по словам о. Иларион де Коссе, "чтобы выдать замуж бедных девушек", она содержала изысканную школу проституции в своем восхитительном отеле на Фобур Сен-Жермен, где ее маленький двор, состоящий из поэтов, философов, музыкантов, распутных кавалеров и распутных дам, жил, как и она, в беспорядке и гордился тем, что подражает ее примеру, следуя ее урокам. Анри IV в конце *сатирического "Развода"* пожелал ей *исправления* и молил Бога "дать ей хоть каплю покаяния, ибо, - сказал он, - без него вода из воска и плоти, которую она мажет для своего лица, не может скрыть ее недостатки, жасминовое масло, которым она каждый вечер помазывает свое тело, - предотвратить зловоние ее репутации, а эрезипелас, который часто шелушит ее конечности, - изменить и опорочить ее старую и плохую кожу".

Анри IV, надо признать, не уступал в распутстве ни своей первой жене, ни кому-либо другому из своего времени, и, какими бы замечательными ни были качества этого принца, одного из лучших королей, правивших Францией, мы вынуждены отметить, что история его любовных походов и его излишеств является неотъемлемой частью истории проституции XVI века. "Можно сказать, - замечает Бейль в своем *"Историческом и критическом словаре"*, - что если бы любовь к женщинам позволила ему использовать все свои прекрасные качества в полную силу, он превзошел бы или сравнялся с героями, которыми мы восхищаемся больше всего. Если бы в первый раз, когда он развратничал с дочерью или женой своего соседа, его наказали так же, как Пьера Абеляра, он стал бы способен завоевать всю Европу". Не признавая вместе с Байлем, что необузданная страсть Анри IV к женщинам заставляла его сожалеть о своей чести, что он не был лишен средств для ее удовлетворения, мы признаем, что этот великий король превосходил всех своих предшественников по части плотских appetitов и невоздержанности; но мы считаем, что этот пламенный *дровосек*, как он себя называл, не стал бы, перестав быть мужчиной, более бесстрашным воином или более искусным политиком. Его пороки, как и его качества, были присущи его темпераменту, и его развратные нравы, отличавшиеся от нравов его современников лишь избытком мелочности и пылкости, не оказали пагубного влияния на добрые движения его сердца и прекрасные проявления его характера. В восхитительном письме к Сюлли (см. *Œconomies royales*, ed. in-fol, т. III, с. 137 и 138), он защищает себя от чрезмерной любви к *дамам, лакомствам и любви*: "Писание не предписывает нам абсолютно не иметь грехов и недостатков, тем более что такие недуги связаны со стремительностью и быстротой человеческой природы, но скорее не быть под их влиянием и не позволять им господствовать над нашей волей: этому я и учился, поскольку не мог сделать ничего лучшего. И вы знаете из многого, что случилось с моими любовницами (а это были страсти, которые все считали самыми сильными на меня), разве я не поддерживал часто ваше мнение против их прихотей, вплоть до того, что говорил им, когда они делали *accariastres*, что я скорее потерял бы десять таких любовниц, чем такого слугу, как вы, который был необходим мне для почетных и полезных дел". Историки и панегиристы Генриха IV не могли позволить себе таких оправданий, и все сходились на том, что почти без ограничений обвиняли его в непомерной разнузданности поведения: "Еще меньше, говорит Мезьер, история может оправдать его за то, что он предавался женщинам, которое было столь публичным и столь всеобщим, с юности и до последних дней, что нельзя было даже назвать его любовью и галантностью". (*Abrégé chronol. de l'hist. de France*, t. VI, p. 392.) Ученый и почтенный епископ Родеза, Хардуэн де Перефикс, написавший *"Историю Анри Великого"* для просвещения короля Людовика XIV, не мог удержаться от упреков в адрес своего героя за *его постоянную слабость к красивым женщинам*: "Иногда, - добавляет он с откровенностью, доходящей до неприличия, - у него возникали мимолетные желания, которые привязывали его лишь на одну ночь; но, встречая красавиц, поражавших его до глубины души, он любил до безумия, и в этих увлечениях он казался ничуть не хуже Генриха Великого".

Агриппа д'Обинье, который в своей *"Универсальной истории" с 1550 по 1601 год* не гнушался подробно рассказывать о некоторых амурных приключениях короля Наваррского, в *"Исповеди Санси"* рассматривает первых любовниц этого принца, неизвестных или низкопробных, которые царствовали недолго и часто были довольно плохо вознаграждены. Он начинает с воспоминаний о *позорных любовных похождениях* Беарнского с Катрин дю Люк из Агена, "которая с тех пор умерла от голода, она и ребенок, которого она родила от короля"; "Затем он рассказывает о демуазель де Монтэгу (дочери Жана де Бальзака, управляющего домом принца Конде), которую шевалье де Монлюк передал на милость принца Наваррского при посредничестве гасконского дворянина, по имени де Сальбеф, "которому он доставил много хлопот", потому что бедная дама была влюблена в шевалье де

Монлюка, за которым она последовала в Рим, и потому что она испытывала глубокую неприязнь к королю, "ибо тогда была полна дурмана...., выиграла за то, что спала с Арнодиной, сукой венерианца Лабросса". Далее д'Обинье называет имя "маленькой Тиньонвиль, которая была безупречна, прежде чем выйти замуж". Она была дочерью гувернантки принцессы Наваррской, сестры юного Анри; он безумно влюбился в нее, и его страсть только усилилась в результате сопротивления, с которым он столкнулся. Сюлли сообщает в своей книге *CEconomies royales*, что около 1576 года принц отправился в Беарн под предлогом встречи с сестрой, но никто при дворе не знал, что целью его поездки было найти юную Тиньонвиль, "в которую он в то время был влюблен". Он хотел использовать д'Обинье для сводничества этой пылкой красавицы; д'Обинье отказался взять на себя такую задачу, и принцу пришлось искать другой способ достижения своей цели. Тиньонвиль упорно отказывалась что-либо слышать, пока ей не предоставили мужа, который взял бы на себя последствия этой авантюры: принц Наваррский наконец женился на ней и получил право предварительного согласия. Этот принц не стеснялся заходить так далеко, как горничные и дворовые девки. Он заразился венерической болезнью, забывшись в конюшне в Агене с наложницей конюха, и не успел оправиться, как ночью пробрался в спальню служанки, которую оспаривал у камердинера по имени Голиаф: Этот хам, не подозревая, что в соперники ему достался король, чуть не убил его, нанеся удар с лету в тот самый момент, когда Анри де Наварр выбирался из постели этой шлюхи. Вполне понятно, что под покровительством подобной любви принц потерпел неудачу в борьбе с добродетелью демуазель де Ребур, которая без колебаний предпочла ему адмирала д'Анвиля, "который любил ее более достойно".

Д'Обинье лишь вскользь упоминает о "любви Дайеля, Фоссезы, Флеретты, дочери садовника из Нерака, Мартины, жены врача принцессы Конде, жены Спонде, Эстер Имбер, которая умерла, как и сын, которого она родила от него, от нищеты, а также отца Эстер, который умер от голода в Сен-Дени, получая пенсию за свою дочь". Далее следуют любовные похождения Марокен, старой развратной гасконки, получившей такое прозвище "за зернистую кожу и оспины" (см. *"Приключения барона де Фенесте"*, т. II, гл. 18); любовь пекаря из Сен-Жана; мадам де Петонвиль; ла Бавересса, "прозванная так за то, что потела"; мадемуазель Дюрас; дочь консьержа; Пикотен, панкузер (фурньер) в По; графиня де Сен-Мегрен; няньки из Кастель-Жалу, "которая хотела его зарезать, потому что из чека, который ему дали эти дамы, он вычел 15 солей для мадам", и, наконец, двух сестер Эспе. Умный автор *"Исповеди де Санси"* не собирается упоминать все галантные интриги, которыми была занята юность Анри IV; так, он не называет даму де Нармутье, которая, согласно *"Новым мемуарам Бассомпьера"*, была бы не последней в этом списке: он просто упоминает несколько имен и несколько фактов; он возмущен тем, что был свидетелем, если не соучастником, этих излишеств, которые были противны его гугенотской строгости. В своих *"Мемуарах"* королева Маргарита, очевидно, намеревалась оправдать свое личное поведение, обвинив в нем короля, но мы не знаем, какие обстоятельства заставили ее остановиться на середине написания этих "Мемуаров", которые должны были защитить ее и которые так и не были завершены; опубликованная часть, кроме того, содержит некоторые досадные пробелы, в которых можно увидеть явное намерение стереть или, по крайней мере, смягчить обиды жены на мужа. Таким образом, эти пробелы касаются самых интересных частей тайной истории любовных походов короля. Оригинальная рукопись королевы наверняка подверглась значительным сокращениям, которые невозможно восполнить с помощью книги *Amours du grand Alcandre*, которая начинается только в 1589 году. Однако мы сочтем необходимым дополнить и исправить, в соответствии с мемуарами Маргариты, как мы их имеем, усеченными и измененными, некоторые из признаний *"Исповеди Санси"*.

Маргарита не была замужем уже два года, когда ее брат, Анри III, уже *вступил в неудачный брак* с королем Наваррским, а тот ссорился с герцогом д'Аленсоном, своим шурином, "на почве ревности к их общей любви к мадам де Сове (Шарлотте де Бон де Сембланкай)". Анри де Наваррский был безумно влюблен в эту даму, которая в то время *управлялась* по совету ле Гуаста, "используя его наставления, не менее пагубные, чем наставления *ла Селестины*". Оба принца дошли "до такой сильной и ревнивой ревности друг к другу, что, хотя ее добивались месье де Гиз, дю Гаст, де Суврей и некоторые другие, которые были влюблены в нее больше, чем они сами, им было все равно". Королева не ревновала мужа, "желая лишь его довольства"; однажды ночью она заметила, что он теряет сознание, и оказала ему своевременную помощь при этой *сильнейшей слабости*, "которая пришла к нему, как я полагаю, - сказала она, - от излишеств, которые он совершал с женщинами". В это время они уже не спали в одной постели, и король, отдававший все свое время "исключительно удовольствию наслаждаться присутствием своей любовницы, мадам де Сове", вернулся в супружеские покои только в два часа ночи, а на рассвете поднялся, чтобы присоединиться к этой любовнице. Король Наваррский неохотно подчинился политическим обязательствам, отдалившись от двора и от мадам де Сове, но вскоре он забыл об очаровательнице, ибо "чары этой Цирцеи, - говорит Маргарита, - потеряли свою силу из-за расстояния". Маленький наваррский двор на два года стал своего рода пленарным двором галантности и проституции: королева-мать приехала туда в сопровождении своей дочери Маргариты, чтобы договориться с протестантскими сеньорами, и провела восемнадцать месяцев в Гиени и Гаскони, маневрируя *летучим эскадром* своих дочерей чести. На конференции, состоявшейся в Нераке между гугенотскими депутатами и Екатериной де Медичи, , последняя "думала очаровать их прелестями красивых девушек, которые были при ней, и красноречием Пибрака; Маргарита использовала против нее те же уловки, покорила господ, которые были с ее матерью, привлекательностью своих дочерей, а сама использовала свои так искусно, что покорила ум и волю бедного Пибрака". (*Hist. de Henri le Grand*, by Hardouin de Réféfixe.) На другой конференции, проходившей в замке Сен-Брикс близ Коньяка, король Наварры, не раз отдававшийся в руки прекрасных дам Летучей эскадры, чувствовал себя более подкованным в этих любовных уловках: в тот момент он был весьма нездоров после встречи с *Марокеном*. Екатерина де Медичи, окруженная изящной прислугой своих дочерей, с улыбкой спросила зятя, озабоченного и удрученного: "Чего вы хотите? Ничего не хочу, мадам!" - печально ответил принц, глядя на всех красавиц, которые, казалось, предлагались ему и от которых он был вынужден отказаться. (*Dict. hist. et crit. de Bayle*, статья Henri IV.)

Ранее король был *очень влюблен* в одну из этих прекрасных девушек, которых королева-мать так хорошо обучила "развлекать принцев и лордов, как говорит Хардуэн де Перефикс, и раскрывать все их мысли". Этой девушкой была Дайель с острова Кипр, которая получила свое приданое, развлекая Анри де Наваррского, а затем вышла замуж за Жана д'Эмерита, нормандского дворянина. Дайель не занимала короля настолько серьезно, чтобы отвлечь его от бродячих любовных походов: он также мимоходом проявил *любезность* к жене ученого Мартиниуса, профессора греческого и древнееврейского языков, который был готов поверить, что его *Мартина* и король "не заходили дальше игры", говорит Коломиец (в его *Gaule orientale*, p. 93). После отъезда Дайель "король, - рассказывает Маргарита, - начал искать Ребур (дочь председателя парижского парламента), которая была озорной девчонкой", не любившей королеву и делавшей ей все, что только можно. Эта девушка, умершая вскоре после этого в Шенонсо, куда Маргарита приехала навестить ее и простила, подарила королю соперницу в надежде сделать мужем этого любовника, которого звали Жоффруа де Буаде, лорд Фронтенак. Ла Ребур еще не умерла, когда король "начал свататься к Фоссезе, которая была еще красивее и для того времени все дитя и все добро". Франсуаза де Монморанси, известная как *прекрасная Фоссеза*, поскольку ее отец был бароном Фоссе,

была одной из дочерей королевы-матери; но она согласилась войти в дом королевы Маргариты, чтобы быть ближе к королю, которого она *очень* любила, хотя и "позволяла ему только те привилегии, которые может позволить честь"; но Генрих снова приревновал своего шурина, герцога д'Аленсона, который в то же время ухаживал за Фоссезой: Она, "чтобы унять его ревность и дать ему понять, что любит только его, настолько отдалась ему, чтобы угодить ему во всем, чего он от нее хотел, что несчастье было столь велико, что она забеременела." Маргарита протянула руки, чтобы скрыть эту беременность, и именно она получила ребенка, которого родила Ла Фоссез; эта девушка, тем не менее, пообещала себе вытеснить королеву и однажды выйти замуж за отца своего ребенка. Но ребенок так и не выжил, а мать, покинутая, как и все те, кого она сменила, вышла замуж за Франсуа де Брока, сеньора де Сен-Марса, по желанию короля.

Место Ла Фоссез заняла Диана, известная как Корисанда д'Андуин, виконтесса Лувињи и дама Лескур. Сюлли в своих "Мемуарах", ссылаясь на события 1583 года, пишет, что король Наварры "был тогда в самом расцвете своих амурных страстей к графине де Гиш". Корисанда д'Андуэн, вышедшая замуж в 1567 году за Филибера де Граммона, графа де Гиша, стала вдовой в 1580 году и недолго сопротивлялась настойчивым ухаживаниям короля, которые преследовали ее на протяжении пятнадцати лет. Корисанда была уже не молода, но все еще красива. Агриппа д'Обинье изобразил ее идущей к мессе в Мон-де-Марсан, одетой в зеленое платье и сопровождаемой самой странной свитой: "Я вижу эту женщину из хорошей семьи, которая поворачивает и перемещает этого принца, как ей заблагорассудится: вот она идет к мессе в праздничный день, сопровождаемая обезьяной, барбетом и шутом". Страсть короля к этой прекрасной даме, которой было не меньше тридцати пяти или сорока лет, продолжалась до 1589 года. Он писал ей из Маранса в 1587 году: "Mon ame, tenez moy en votre bonne grace; croyez ma fidélité estre blanche et hors de tache. Никогда не было ничего подобного; если она приносит вам удовлетворение, живите счастливо". Примерно в это время он подумывал развестись с ней и жениться на своей любовнице, которой он дал обещание жениться, подписанное его кровью; но его удержал д'Обинье, который имел смелость сказать ему: "Я не притворяюсь, что вы отказываетесь от своей страсти. Я сам был влюблен; я знаю, что вам пришлось бы пережить. Но используйте это, сир, как стимул, чтобы стать достойным своей госпожи, которая будет презирать вас, если вы опуститесь до такой низости, чтобы жениться на ней!" Возможно, Корисанда одержала бы верх над мудрым советом Агриппы д'Обинье, если бы король остался с ней; но военные опасности привели его в Нормандию, где "он проходил через дом овдовевшей дамы, занимавшей высокое положение", - говорит анонимный автор "*Amours du grand Alcandre*"; Она была очень красива и еще молода, и показалась королю столь приятной в глазах", что он перестал любить отсутствующую хозяйку, которая ждала его и больше никогда не видела.

Этой овдовевшей дамой была Антуанетта де Понс, бывшая замужем за Анри де Тилли, графом де ла Рошгион. Она стояла на своем и так хорошо защищала свою добродетель, что король заговорил с ней о браке, как и с другими; но она не позволила заманить себя в эту ловушку, и король оказался не дальше, чем раньше. Он был раздосадован ее яростным сопротивлением, но ценил ее еще больше, и впоследствии добродетельная вдова вышла замуж за Шарля дю Плесси, лорда Лианкура. Анри, устало оставив свои галантные занятия, сказал графине де ла Рошгион, что поскольку она "действительно фрейлина, она будет фрейлиной короля, которого он посадит на трон своим браком". (См. *Mém. et anecd. des reines et régentes de France*, by Dreux du Radier). Однако у нас есть основания полагать, что, несмотря на свои отказы, фрейлина испытывала любовь или нечто подобное к своему обожателю; она проявила ревность к Габриэль д'Эстре, даме Лианкур, ставшей фавориткой короля, и поставила условием своего брака с Шарлем дю Плесси, господином Лианкур,

"чтобы она никогда не носила фамилию Лианкур, поскольку шлюха носит ту же фамилию". (См. *Observat. sur le Grand Alcandre et sa clef*, в *Journal de Henri III*, изд. Lenglet-Dufresnoy). Король заставил ее замолчать, даровав ей титул маркизы де Гершевиля. Он действительно любил ее, но не стал по этой причине навязывать себе постоянство, которое считал бесполезным или смешным. Поэтому он утешался от печали, которую причиняла ему несговорчивая графиня де ла Рошгион, тем, что видел Шарлотту дез Эссар, графиню де Роморентин, родную дочь барона де Сотера, оруженосца в его конюшне. У него было две дочери, которые были узаконены. Эта красавица, менее жестокая, чем нормандская вдова, была в то же время любовницей кардинала де Гиза (Луи де Лотарингии), сына великого герцога де Гиза, убитого при Блуа; но король ничего не подозревал о разрыве. Во время блокады Парижа в 1590 году, когда он останавливался со своими офицерами в аббатстве Монмартр, он заметил хорошенькую послушницу, дочь графа Сент-Эньяна и Марии Бабу де ла Бурдезьер; И когда он снял осаду, то без всякого шума забрал с собой юную Мари де Бовилье, некоторое время возил ее из города в город, не оставляя монашеской привычки; затем, покончив с этой фантазией, он отправил монахиню обратно в ее монастырь, где продолжал видеться с ней время от времени, когда избрал ее настоятельницей Монмартра. "Король, как говорят, был так доволен настоятельницей, что всякий раз, когда он говорил об этом монастыре, он называл его своим монастырем и говорил, что был там духовником". (*Antiq. de Paris*, by Sauval, t. I, p. 154.) Анри IV не был так доволен своим пребыванием в аббатстве Лонгшамп, где монахиня по имени Екатерина де Верден, которую он все же награждал в, назначив ее настоятельницей Вернона, "оставила ему, - говорит Бассомпьер, - воспоминание обо мне", от которого он не мог избавиться. Вот почему аббатства Лонгшамп и Монмартр называли "*Магазейном двигателей армии*" (*Исповедь Санси*, т. I, гл. 8). Тогда ему нужна была более исключительная и романтическая любовь, чтобы терпеливо выполнять предписания врачей, которые предписывали отдых, необходимый для восстановления его здоровья. Его прежние распутства принесли свои плоды, и поговаривали, что король, чья кровь была испорчена болезнью Неаполя, должен рекомендовать себя скорее своим аптекарям, чем любовницам. Проповедники Лиги не скупились на слова по поводу этого некаатолического текста. Розе, проповедовавший в Сен-Жермен-л'Осерруа, рассказывал своим слушателям, "что пока эта добрая королева, эта святая королева (имеется в виду королева Наваррская) была заперта между четырьмя стенами (в Уссоне), ее муж содержал конный завод женщин и шлюх, но ему за это хорошо платили...". Редактор "*Мемуаров*" л'Эстуаля, в которых появляется этот отрывок, под датой 12 октября 1592 года отмечает: "Конец этого предложения, который не может быть напечатан, существует на странице 288 рукописи". 6 июня 1593 года кордельер Фо-Ардент, проповедовавший в Сен-Жане, изрыгнул тысячу оскорблений в адрес короля и сказал, что однажды его поразит молния или он внезапно *умрет*: "К тому же, - добавил он, - у него уже вся нижняя живота прогнила от того, что вы знаете".

Правы или нет проповедники *Лиги*, но примерно в это время Анри IV был любовником или, по крайней мере, *преследователем* Габриэль д'Эстре. Эта очаровательная женщина, одна из дочерей Антуана д'Эстре, маркиза де Кёвр, и Франсуазы Бабу де ла Бурдезьер, жила со своими сестрами в отцовском замке близ Компьеня. Роже де Сен-Лари, герцог де Беллегарде, великий фрейлин и фаворит короля, имел с ней тайную связь, которая только усиливала их взаимную любовь. Демуазель де Кёвр была восхитительно красива, и ее портрет в этих стихах Гийома дю Сабле не менее похож, чем в *карандашах* Пьера Дюмустье и Жана Рабеля:

Мой глаз радуется, когда видит и созерцает
Ее прекрасные золотые волосы, украшающие каждый висок,
Ее прекрасный широкий лоб и брови из черного дерева,
Ее прекрасный нос, украшающий обе щеки,
На котором в любое время играет Любовь,
А ее блестящие глаза - две прекрасные благотворные звезды.

Счастлив тот, кто может поцеловать ее киноварный рот,
Ее коралловые губы, ее ивовые зубы,
Ее прекрасный двойной подбородок, одну из семи красавиц,
И все это в сопровождении маленького сладкого хлебного фоластра,
Горлышко лилии на прекрасной груди альбаstra,
где сидят и сидят две крепкие тетины!

Гийом дю Сабле, старый дворянин из верного венерианства, служивший подмастерьем у Франсуа I^{er}и, по выражению Брантома, тонкий ценитель *дамской красоты*, не забывает на этом портрете, украшающем его "*Музу-шассерессу*" (Париж, 1611, ин-12), о других совершенствах Габриэль: ее *белой, полированной руке, ее красивых, длинных, жемчужных пальцах*, ее прекрасном росте, ее грации, наконец,

Эти маленькие открытые ступни, свидетельствующие о том.
Что является родиной этого редкого персонажа?

Вероятно, именно Мари де Бовилье впервые рассказала Генриху IV о своей кузине де Кёвр и тем самым пробудила в нем неистовое желание познакомиться с ней поближе. Однако в "*Amours du grand Alcandre*" говорится, что Беллегарду хватило неловкости расхвалить перед королем необыкновенную красоту этой молодой дамы, и эта похвала произвела впечатление на Генриха IV, которому было любопытно увидеть ее и он влюбился в нее, как только увидел. Он резко отстранил маркизу д'Юмьер, которая слишком охотно отдалась ему, и объявил себя слугой Габриэль. Беллегард был очень расстроен. Габриэль, чье сердце было занято Беллегардом, поначалу не хотела принимать новую любовь; но у нее были более опытные и более политичные сестры, которые дали ей понять, что она найдет сто Беллегардов, когда захочет, в то время как второго короля Франции она не найдет. Можно предположить, что сам Беллегард, который не собирался жениться на дочери маркиза де Кювре, ничего не сделал, чтобы разрушить эффект этого совета, если не добавил к нему свой собственный. У Габриэль также была тетка по материнской линии, мадам де Сурдис, из семьи Бабу де ла Бурдезьер, от которой, по словам Сюлли, произошло столько счастливых женщин. Эта тетка была достойной сестрой мадам д'Эстре, на которую ее муж указал *домочадцам*, сказав им: "Видите эту женщину, она сделает мне в доме притон шлюх!" (*Observat. sur le Grand Alcandre*, in the *Journ. de Henri III*, ed. by Lenglet-Dufresnoy). Мадам де Сурдис в сотрудничестве со своим любовником, канцлером Юро де Шеверни, так умело убедила мать прислушаться к предложениям короля, что Бельгарда была отстранена, а Габриэль получила роль фаворитки. Анри IV был так сильно влюблен в нее, что, не выдержав мучений своего отсутствия, в один прекрасный день покинул свою армию, переодевшись крестьянином, в одиночку пересек Пикардию, рискуя попасть в руки Лиги, и предстал перед Габриэль, все еще переодетый, с тюком соломы на голове и палкой в руке. Письма, которые он писал своей любовнице каждый день, на протяжении всех эпизодов авантюрной войны, настолько полны страсти и нежности, что молят о пощаде из-за самого разлада двух влюбленных; но эти

трогательные письма лишь подчеркивают скандальное поведение короля, который, как бы сильно он ни был влюблен в Габриэль, все равно бегал от любовницы к любовнице.

Однако Габриэль была беременна, и нужен был муж, чтобы прикрыть репутацию, которую испортили Беллегард и король. Хотя у короля "не было для этого перчаток", как говорили во времена Таллемана де Рео, он занялся поисками мужа и нашел дворянина из Пикардии, Николя д'Амерваля, сеньора де Лианкура, который согласился на ней жениться. Габриэль заставила короля поклясться, что в день свадьбы он придет и уведет ее от мужа. Свадьба состоялась, но непредвиденное препятствие помешало Генриху IV приехать, как он обещал, и жених успел заявить о своих правах; "toutesfois, - говорится в *"Amours du grand Alcandre"*, - она ни за что не хотела ложиться в постель, так что ее муж, думая, что у него больше прав дома, чем в городе, где он был женат и губернатором которого был отец Габриэль, увез ее; но ее так хорошо сопровождали дамы, ее родственницы, которые были на ее свадьбе, что он смел желать только того, что ему было приятно." На следующий день прибыл король и принял роды у новой невесты; вскоре после этого она родила сына, которого король не назвал *Александром*, говорит Таллеман де Рео, "опасаясь, что они исказят *Александра ле Гран*; ведь они называли месье де Беллегарда *месье ле Гран*, и, очевидно, он был первым". Тем не менее, Анри IV узаконил Сезара де Вандома в тот самый день (7 января 1595 года), когда брак Габриэль д'Эстре с господином Лианкуром был аннулирован и признан недействительным чиновником Амьена. Габриэль, которая изначально носила титул *маркизы де Монсо*, впоследствии получила титул *герцогини Бофор*. Король, который в своих письмах называл ее *mon cher cœur* или *mes chères amours*, публично называл ее *mon bel ange*, что дало повод для этого четверостишия:

Не странно ли

Видеть великую королевскую служанку,

Женщины живут без чести,

А из шлюхи делают ангела!

Поведение герцогини де Бофор было вполне закономерным, но, несмотря на то, что ее мораль вызывала резкое осуждение в народе, который прозвал ее *королевской шлюхой*, как называли ее с кафедры проповедники Лиги и, в частности, Гуарин, трудно принять за чистую монету обвинения, выдвинутые против Габриэль в "*Новых мемуарах* Бассомпьера", впервые опубликованных в 1803 году. Согласно этим мемуарам, подлинность которых далеко не гарантирована, Габриэль была продана собственной матерью королю Анри III в возрасте шестнадцати лет за шесть тысяч экю, причем Монтиньи, посредник в переговорах, оставил себе треть суммы; затем маркиза де Кёвр продала свою дочь Замету, богатому финансисту, и еще нескольким сторонникам; Затем Габриэль, доставшаяся кардиналу де Гизу по справедливой цене, по собственной воле отдалась герцогу де Лонгевиллю, герцогу де Беллегарду и различным дворянам из района Кёвр, таким как Брюне и Стенэ; наконец, Беллегард в конце концов продал ее королю. (См. Dulaure's *Hist. de Paris*, ed. in-12, t. V, p. 189 ff.) Но можно легко доказать, что Бассомпьер или автор "*Новых мемуаров*", напечатанных под его именем, путает людей, факты и время. Он мог приписать одной Габриэль все галантности, за которые были ответственны ее сестры и родственницы; ведь в доме де ла Бурдезьер, говорит Таллеман де Рео, "самой плодотворной расы галантных женщин, когда-либо живших во Франции, насчитывается двадцать пять или двадцать шесть, либо монахинь, либо замужних, и все они занимались любовью в высшей степени: Поэтому говорят, что руки Ла Бурдезьер - *это горсть весталок* (женщин с дурной репутацией), потому что по

приятному совпадению оказывается, что в их руках находится рука, которая сеет весталок. Это четверостишие было написано на их руках:

Мы должны хранить эту руку
Которая сеет с такой щедростью,
Для удовольствия человечества,
Количество столь прекрасных весталок".

Габриель, ставшая любовницей короля, все еще поддерживала тайные отношения со своим бывшим любовником, месье де Беллегардом, которого она по-прежнему любила. Так она рассорилась с герцогом де Лонгевилем, после того как заставила его вернуть письма, которые он от нее получил, и, как говорят, жестоко отомстила за неосмотрительность этого господина, который хвастался тем, что был "маршалом королевских покоев". Как бы то ни было, Анри IV ревновал ее только к Беллегарду; "он десять раз приказывал убить его, - рассказывает Таллеман де Рео, - а потом раскаялся, когда понял, что отнял ее у него". Однажды ночью месье де Праслен пришел предупредить короля, что Беллегарда заперли в комнате герцогини Бофор. Король поднялся, дрожа от гнева; он поспешно оделся, вложил в руку шпагу и, вздыхая, последовал за месье де Прасленом; но, дойдя до входа в квартиру герцогини, он почувствовал угрызения совести и остановился: "Ах! - сказал он, - это слишком рассердит ее!" И он вернулся в постель, так и не нарушив тет-а-тет влюбленных. В другой раз Беллегард и герцогиня были вместе и не ждали короля; Анри IV подошел к двери и попросил открыть ему: Беллегарда было не вытащить. Герцогиня придумывала всевозможные предлоги, чтобы заставить короля уйти, но он настаивал, приказывал, сердился. Камеристка Габриэль (девушка по имени Ла Руссе, прекрасно знавшая свое дело) провела полуодетого Беллегарда в маленькую комнату, примыкавшую к переулку, где хранились варенья, пряности и засахаренный миндаль. Затем ввели короля, который демонстративно смотрел на обвинительные знаки, оставленные его соперником при бегстве. Он направился прямо к двери кабинета, обнаружил, что она заперта, потребовал ключ, который ему не дали, и пригрозил, что распахнет дверь, если ключ не будет предоставлен. Беллегарде успел закончить свой туалет и выпрыгнуть в окно: тут-то и появился Ла Руссе, который смутил подозрения короля. Я вижу, сир, - сказала ему Габриэль, одержав верх, - я вижу, что вы хотите обращаться со мной, как с другими, которых вы любили, и что ваш переменчивый нрав ищет повода, чтобы порвать со мной, чему я помешаю, удалившись в ближайшее время. Она разразилась слезами, которые король утирал своими поцелуями, умоляя ее успокоиться и простить его. Именно так рассказывается эта история в *Amours du grand Alcandre*. Народная традиция добавила несколько черт, более соответствующих характеру Генриха IV. Согласно истории, которую повторяли все создатели Аны, Бельгарда спряталась под кроватью Габриэль, а король, заняв место, которое только что освободил его великий экюйер, попросил сухого варенья; рыжая принесла ему несколько банок, король бросил одну под кровать: "Il faut bien, - весело сказал он своей любовнице, - il faut bien que tout le monde vive!" (Voy. le *Menagiana*, t. II, p. 71.).

Ходили слухи, что рождение Сезара, герцога де Вандома, не может быть приписано королю; анекдот, который Сюлли не побоялся признать в своих "Мемуарах", кажется, был источником этого клеветнического слуха. Алибур, первый врач короля, навестив недомогавшую Габриэль, пришел сообщить Генриху IV, "что нашел ее немного расстроенной, но что ее болезнь будет иметь только счастливые последствия". Король спросил, нужно ли пустить ей кровь: "Сир, я не намерен этого делать, мы должны подождать, пока она не пройдет половину срока беременности, - ответил Алибур. Я знаю, на каких условиях я стою: либо вы

ничего об этом не знаете, либо люди более подлые, чем вы, заставляют вас говорить. Сир, я не знаю, на каких условиях вы стоите, - ответил Алибур, - но я знаю, что в течение семи месяцев то, что я говорю, подтвердится". Предсказание доктора действительно сбылось: Габриель родила, но Алибур едва пережил это событие: поговаривали, что его отравили. Таллеман де Рео объяснил этот анекдот, на который так часто ссылается память Габриэль, в таком отрывке, который г-н Полен Париж восстановил в своем издании по оригинальной рукописи: "Правда истории о добром человеке Алибуре, первом враче короля, состоит в том, что у Генриха IV^е была гонорея, вызвавшая у него плотоядное расстройство, а затем задержку мочи, от чего он чуть не умер в Монсо. И месье д'Алибур сказал, что король не мог зачать ребенка во время этого развращенного потока спермы. Это был вопрос медицины; но беременность мадам де Бофор была уже далеко, когда этот вопрос был поднят". (См. "Истории", 3-е издание, т. I, с. 112). Старший сын Габриель был не менее легитимен во Франции, чем его брат Александр и сестра Екатерина-Генриетта. Их мать, несомненно, вышла бы замуж за короля, если бы не умерла от отравления, пока римский двор добивался отмены брака Анри IV и Маргариты де Валуа. Месье де Санси попал в немилость за то, что осмелился сказать королю, который советовался с ним по поводу его плана жениться на мадам де Бофор, что "шлюха за шлюху, он скорее полюбит дочь Анри II, чем дочь мадам д'Эстре, которая умерла в борделе". (См. "Историю Сюлли" в Tallemant des Réaux.) Сюлли, который был не менее противником этого позорного союза, чем М. де Санси, и боролся с ним более решительно, тем не менее, утверждает в своих "Мемуарах", что "король никогда бы не решился жениться на женщине радости".

Чем больше Анри IV демонстрировал свою безумную страсть к своему *прекрасному ангелу*, тем активнее общественное мнение выступало против фаворитки, которую брак никогда бы не реабилитировал. Ее любовная связь с герцогом де Беллегардом была настолько известна даже среди низших классов, что они часто слышали пословицу, сохранившуюся в "*Банкете и обеде графа д'Арете*", памфлете печально известного левака Луи д'Орлеана: "*Les belles gardes s'accompagnent volontiers de beaux fourreaux*" ("Красивых стражников с удовольствием сопровождают красивые ножны"). Парижане, в которых еще бродила закваска Лиги, ненавидели герцогиню де Бофор за дурные нравы, которые они приписывали ей в своих комментариях и *пасквилях*; ненависть, которую эта фаворитка вызывала против себя, отражалась и на короле: "Народ, - писал П. де л'Эстуаль 23 апреля 1596 г., - "народ, вспыльчивый, непостоянный и переменчивый, как и прежде хорошо отзывавшийся о своем короле, стал говорить о нем плохо, пользуясь тем, что он слишком много развлекался с мадам ла Маркизой". В *очень скверном и скандальном пасквиле*, который был в ходу в то время, были стихи, в которых король был пощажен не больше, чем его любовница:

Ха! Вы говорите о своем короле!

-Нет, нет, клянусь вам, моя вера!

Клянусь Богом! Моя душа слишком реальна:

Я говорю о Сарданапале.

Com' sempre star in bordello,

No fa Hercole immortello

В королевстве Конардиз,

Где, мадам ла маркиза,

Великих имен *нагроможденье*

И всю Францию на куски,

Чтобы удовлетворить ее путанизм.

Все честные люди, все добропорядочные граждане были возмущены идеей союза короля с обещанной женщиной, которая уже разорвала свои связи с королевой Франции. На этой неделе была опубликована сатирическая статья на тему этого прекрасного брака, который до сих пор существовал только в виде обещания, подписанного Генрихом IV:

Женитесь, ради Бога! Сир,
Ваш наследник вполне определен,
Поскольку немного воска
Узаконивает сына шлюхи:
Шлюха, чьи сестры - шлюхи,
Бабушка когда-то была одной из них,
Мать, кузины и тетки,
Кроме мадам де Сурдис!

Мадам де Сурди, как мы уже говорили, была возлюбленной старого канцлера Шеверни, и у нее родился сын, которого король держал у купели в Сен-Жермен-л'Осерруа: "Сир, - сказала повитуха, передавая ему ребенка, - будьте уверены, что вы хорошо его понесете, потому что он очень тяжелый". Габриэль не успела достичь своей цели: через несколько часов ее свалила внезапная болезнь, имевшая все признаки отравления. Ее завистливые враги не простили ее и после смерти: когда во главе скорбящих на ее похоронах стоял ее шурин, маршал де Баланьи, незаконнорожденный сын епископа Валансьенского, а шесть ее сестер, "еще более беспутных, чем она", присутствовали на погребальной церемонии, поэт Сигонь сочинил эту шестистишию, которую Соваль собрал в сборнике *Amours des rois de France*:

J'ai vu passer sous ma fenestre
Шесть живых смертных грешников,
Во главе с бастардом священника,
Которые все вместе пели
Requiescat in pace
Для септимы прегрешенной.

Анри IV не мог жить без титулованной любовницы, что не мешало ему брать столько *летучих* любовниц, сколько ему преподносили. Мадам де Бофор едва успели похоронить, как придворные заспорили о том, кто из наследниц короля сможет добиться его благосклонности: ими оказалась мадемуазель Генриетта д'Антрагэ. Она была дочерью красивой и нежной Мари Туше, которую любил Карл IX и которая была замужем за Франсуа де Бальзаком, лордом Антрага. Эта молодая дама в возрасте девятнадцати-двадцати лет отличалась не только красотой, но и остроумием; кроме того, она обладала, по словам Сюлли, "острым клювом, который, благодаря ее хорошим знакомствам, делал ее компанию наиболее приятной". Мадемуазель д'Антрагэ была так хорошо рекомендована королю теми, кто хотел сделать ее фавориткой, что король сразу же почувствовал желание "увидеть ее, потом увидеть ее снова, потом полюбить ее". Он полюбил ее, как только увидел; а мадемуазель д'Антрагэ, послушная урокам матери и особенно брата, охотно позволила себя полюбить. Говорят, что она еще не была ученицей; однако она долго вымаливала последние милости, которых Генрих IV требовал со всей пылкостью влюбленного и со всей властью короля. В связи с этим произошла одна из самых чудовищных сделок с проституцией в

истории королевских любовных отношений. Семья д'Антрагэ, отец, мать, их друзья и советники были в большей или меньшей степени вовлечены в эти постыдные переговоры, целью которых была нескромная сделка. За добродетель мадемуазель д'Антрагэ потребовали сто тысяч экю. В некоторых мемуарах сообщается, что сумма была снижена до пятидесяти тысяч. Во всех случаях было достигнуто соглашение о цене, но дело было не только в деньгах: мадемуазель д'Антрагэ, по совету отца и матери, попросила обещания выйти замуж при странном условии, что в течение года она подарит королю ребенка мужского пола! За мной так пристально следят, - сказала Генриетта д'Антрагэ своему любовнику, - что мне совершенно невозможно дать вам все доказательства благодарности и любви, в которых я не могу отказать самому великому королю в мире. Нам нужна возможность, и я вижу, что у нас никогда не будет свободы, если мы не получим ее от мсье и мадам д'Антрагэ". Последние согласились закрыть глаза, как только у них в руках оказалось подписанное и скрепленное печатью обещание жениться. "Эта приткая и хитрая женщина так хорошо умела обмануть короля, - сказал Сюлли, - что обещание было подписано и дано "ради завоевания сокровищ, которые, возможно, он не найдет". У Сюлли хватило мужества приложить все усилия, чтобы отвлечь своего господина от этой любовной глупости, которая грозила обойтись ему более чем в сто тысяч экю; он даже разорвал брачное обещание, которое показал ему король: Вспомните, пожалуйста, - твердо сказал он, - что вы мне рассказывали об этой девушке и ее брате графе Овернском при жизни мадам герцогини де Бофор; о замечаниях, которые вы мне сделали вслух, и о приказаниях, которые вы мне дали, чтобы я вывез весь этот багаж из Парижа (ведь именно так вы выражались, когда говорили тогда о доме мсье и мадам д'Антрагэ); о приказаниях, которые вы дали мне, чтобы я вывез весь этот багаж из Парижа (ведь именно так вы выражались, когда говорили тогда о доме мсье и мадам д'Антрагэ). и мадам д'Антрагэ, вы бы еще больше отодвинули это сомнение, где вы находитесь, и еще меньше рассчитывали бы найти сороку в гнезде, и, в любом случае, вы бы подумали, что это не та вещь, которая заслуживает покупки за сто тысяч эскуза, и не дай Бог, чтобы она когда-нибудь в будущем пошла вам еще больше!"

Этот совет, исходивший от доброго и верного слуги, был подкреплён всеми галантными отступлениями, которые мог представить себе противоположный мадемуазель д'Антрагэ. Каждый день *появлялись* новые девушки, которые, выбранные из числа самых красивых и соблазнительных, служили, как бы, только для того, чтобы еще больше возбудить страсть короля к мадемуазель д'Антрагэ. "Он еще не обладал мадемуазель д'Антрагэ, - пишет Бассомпьер в своих *"Мемуарах"*, - и иногда спал с красивой сучкой по имени ла Гланде". Он проводил ночь в гостинице Замета, куда ее приводили. Вскоре Гланде был свергнут Фанушем.

Таллеман де Рео, открывший нам столь новые и любопытные подробности об Анри IV, говорит об этом принце добрые слова, немного вольные, по поводу Фануче, которая была представлена ему как девственница и которая не была в ученицах. (См. *"Historiettes"*, изданные с комментариями господами Монмерке и Поленом Парижским, членами Академии надписей и изящной словесности, том I ^(er)).

Эта Фанюша долгое время была модной куртизанкой в стиле прекрасной Империи и итальянских куртизанок; она славилась прежде всего своим прекрасным телом и тайными совершенствами. Четверостишие, напечатанное в 1637 году во второй части *"Поэзии и бесед"* сьера де Нёф-Жермена, *пестрого* поэта Гастона д'Орлеана, доказывает, что Фанюша в то время (ей было уже за сорок) все еще была достойна дани своих поклонников и похвал галантной поэзии.

Но Анри IV не довольствовался этими мимолетными влюбленностями: ему нужна была постоянная любовница, он прикипел к ней сердцем, он отдал бы полцарства, чтобы обладать мадемуазель д'Антрагэ. Он получил ее в обмен на обещание жениться и подарок в сто тысяч экю. Ему дали кредит на эту сумму. Когда нужно было платить, он с неохотой согласился и приказал принести в свой кабинет прекрасные деньги, которые были разложены перед ним на полу: "Живот-святой-гриз!" - воскликнул он, увидев эти груды золота у своих ног, - "вот ночь, за которую хорошо заплачено! С тех пор он был привязан к этому завоеванию, стоившему ему так дорого, и возвел мадемуазель д'Антрагэ в ранг фаворитки, не переставая то тут, то там рассыпаться в неверностях, отчего не стал ни менее нежным, ни менее страстным к ней.

Римский двор дал ему развод, но как бы ни была сильна его любовь, он позволил вовлечь себя в политический союз и в 1600 году женился на Марии де Медичи. Мадемуазель д'Антрагэ, которая бесполезно противилась этому союзу, пожертвовала всем, чтобы сохранить свой титул и функции фаворитки, отказавшись стать королевой Франции. Анри IV сделал ее маркизой де Верней, и, казалось, он не собирался, несмотря на свой брак, разрывать отношения, которые предпочитал всем другим.

Однако Генриетта де Бальзак, чей жестокий, податливый и деспотичный характер оказывал на короля огромное влияние, не жалела для него ругани и плохих комплиментов; однажды она сказала ему, "что ему приятно быть королем, что без этого он не может страдать, и что от него воняет, как от кариона". (См. "Историю Анри IV" в Tallemant des Réaux.) Она называла его *капитаном Бон Вулуаром*, потому что он всегда был готов лично заплатить за галантность, и он испытывал склонность ко всем женщинам вообще. Маркиза де Верней, жившая в отеле де ла Форс возле Лувра, делила, так сказать, с королевой внимание короля и усердие придворных; она не сомневалась, что в один прекрасный день полностью одолеет Мари де Медичи, которую она называла не иначе как *итальянец* или *толстый банкир*. Эта публичная установка титулованной любовницы напротив Лувра была скандалом, который заставил народ роптать, а истинных слуг Анри IV - стонать.

Чтобы разлучить его с этой проницательной женщиной, которая всегда охотилась за короной Франции, было испробовано множество комбинаций и любовных интриг, призванных уменьшить власть маркизы де Верней путем снижения ее престижа; но Анри IV, в разгар готовившихся для него приключений, не переставал возвращаться к маркизе *еще более разгоряченным*. В 1600 году, по словам Бассомпьера (старые и *новые Mémoires*), он *слегка* влюбился в одну из дочерей королевы по имени ла Бурдезьер; затем в мадам де Буанвиль, жену мэтра рекетиров; затем в мадемуазель Клейн; затем в жену советника по имени Квелин; затем в графиню де Лему; затем в фрейлину королевы по имени Фулебон и т. д. Маркиза де Верней была первой из дочерей королевы, которая вышла замуж за маркиза де Вернея. Маркиза де Верней была не менее знаменита, но пример короля, несомненно, научил ее веселиться, и мы можем предположить, что у нее не было недостатка в утешителях. Известие от Анри IV, переданное Таллеманом де Рео, позволяет предположить, что он не ревновал маркизу, как в свое время Габриэль д'Эстре. "Ему сказали, что покойный месье де Гиз был влюблен в мадам де Верней; он не стал беспокоиться об обратном и сказал: "Encore faut leur laisser le pain et les putains! on leur a prisé tant d'autres choses!"". Маркиза де Верней была достаточно уверена в привязанности короля, чтобы не опасаться соперниц, которых он ей давал; тем не менее, ее кредит на мгновение был уравновешен кредитом Жаклин дю Бюи, дочери храброго бретонского дворянина Клода дю Бюи, лорда Курсильона. Во время одной из своих ссор с любовницей король увлекся этой очаровательной девушкой, которая не смела ему ни в чем отказать и оказалась толстой. Оставалось свалить вину за случившееся

на мужа: "Во вторник 5 октября (1604), Р. де л'Эстуаль в своем "Журнале правления Генриха IV", в шесть часов утра мадемуазель дю Бюиль, новая любовница короля, вышла замуж в Сен-Мор-де-Фосsez за молодого дворянина Шовалона, хорошего музыканта и лютниста, бедного (как говорят) во всем остальном, даже в благах этого мира. Ему выпала честь первым переспать с невестой, но, как говорят, его держали при свете факела и под присмотром кавалеров все время, пока он там оставался, по приказу короля, который на следующий день ночевал с ней в Париже в Монтобане, где пробыл в постели до двух часов после полудня. Говорили, что ее муж лежал в маленьком чердаке над спальней короля, как и его жена, но между ними был пол". Новая любовница грозила сместить маркизу де Верней, но та не терялась в догадках, как вернуть короля; она заставила сердце Жаклин дю Бюи энергично атаковать молодого принца де Жуанвиля, брата герцога де Гиза, который сам ухаживал за ней и был ей полностью предан. Когда влюбленные пришли к соглашению, королю сообщили об этом, и он горько пожаловался старой герцогине Гиз: "Я, конечно, согласен, чтобы моя госпожа вышла замуж, - сказал он, - но я не потерплю, чтобы ее оспаривали и чтобы с ней обращались как с галантной! Он приказал бы арестовать принца Жуанвиля, если бы этот слишком благосклонный соперник молчаливо не отказался от владения Жаклин, отдалившись от нее и от двора. Анри IV простил ее: мадемуазель дю Бюиль стала графиней Море, а сын, которого она родила после отъезда принца Жоанвиля, был узаконен, как и сын Габриэль д'Эстре.

Маркиза де Верней держала *капитана Бон Вулуара* в своих чарах; она оставила ему воспоминания, которые всегда возвращали его к ней, несмотря на все романы. Когда ее обвинили в участии в заговоре против короля вместе с отцом, братом и другими лордами, она лишь посмеялась и пошутила; когда ее осудили, ей достаточно было увидеть короля, чтобы получить помилование для всех заговорщиков, и хотя ее роль фаворитки прекратилась примерно в это время, Генрих IV часто посещал ее и не стал менее приятным. Маркиза развлекала его больше, чем кто-либо другой в мире, и королева всегда ревновала его к ней. В марте 1607 года он отправился со двором в Шантийи, где остановилась мадам де Верней. Он взял с собой девушку по имени Лахайе, "которую он содержал, - говорит Л'Эстуйль, - и которую он вел за собой, куда бы он ни пошел". Маркиза сказала ему, шутя, как обычно: "С вами плохие меховщики, которые поселили вас в Лахайе, на ветру и под дождем!" Этот Лахайе был опозорен в следующем году и принял постриг в аббатстве Фонтевро: "окончательное и вполне обычное убежище дам этого ремесла, говорит П. де л'Эстуаль (30 марта 1608 года), где иногда они не позволяют ему продолжаться". Анекдот, приведенный в записях Ленгле-Дюфренуа к *Дневнику Анри IV* (от 12 марта 1604 года), рассказывает нам, что король повсюду таскал за собой стайку придворных дам и девушек, как во время путешествий, так и во время богослужений; так, когда он ходил слушать проповеди отца Гонтье, иезуита, в различных церквях Парижа, эти дамы приходили туда в шикарных нарядах, чтобы выпросить взгляд и улыбку у Анри IV. Однажды, когда иезуит читал проповедь в Сен-Жерве, маркиза де Верней и многие другие дамы пришли, чтобы сесть рядом с местом, где сидел король. Они шептались между собой, и маркиза обменивалась знаками интеллекта с Анри IV, которому было трудно удержаться от смеха. Отец Гонтье остановился посреди своей проповеди и обратился к королю: "Сир, - с горечью сказал он, - неужели вы никогда не устанете приходить с сералем, чтобы слушать слово Божье, и устраивать такой скандал в этом святом месте? Король не был недобр к нему за этот упрек; но он больше не был сдержан в своих манерах и не избегал скандалов среди своих подданных.

Его последняя любовь, та самая, которая, возможно, всадила кинжал в руку Равайяка, показала, как далеко может зайти развращенность его нравов. Это из самых странных эпизодов в истории проституции при французском дворе. В это время, - пишет Пьер де

л'Эстуаль в своих "Журналах" под июнем 1609 года, - король, безнадежно влюбленный в мадам принцессу де Конде, считавшуюся самой красивой дамой не только двора, но и всей Франции, своими деспотизмом дает повод для новых разговоров любопытным и мездисанам, которые в остальное время слишком развязно отзывались о его величестве, о пороках и разврате двора". В том же году при дворе впервые появилась юная Шарлотта-Маргерит, дочь Анри, герцога Монморанси, маршала и коннетабля Франции: "Она была так молода, - пишет автор *"Amours du grand Alcandre"*, - что только вышла из детского возраста; ее красота была чудесна, а все ее действия так приятны, что повсюду царило удивление. Алкандр увидел, как она танцует с дротиком в руке, так как для фигуры в балете они (фрейлины королевы) представляли нимф Дианы, и почувствовал, что его сердце пронзилось с такой силой, что рана осталась на всю жизнь". Коннетабль положил глаз на Бассомпьера, чтобы сделать его своим зятем, но король, увидевший это чудо красоты и грации, не замедлил вступить в другой брак, который оставил бы поле для его постыдных замыслов: "Я не только полюбил, но и пришел в ярость и негодование от мадемуазель де Монморанси, - сказал он Бассомпьеру, который был одним из его собутыльников за столом и в распутстве. Если вы женитесь на ней и она полюбит вас, я возненавижу вас; если она полюбит меня, вы возненавидите меня. Лучше бы это не стало причиной разрыва наших добрых отношений, ибо я люблю тебя с нежностью и склонностью. Я решил выдать ее замуж за моего племянника, принца де Конде, и держать ее рядом с моей семьей. Это будет утешением и поддержкой в старости, в которую я собираюсь вступить. Я дам моему племяннику, который любит охоту в тысячу раз больше, чем дамы, сто тысяч ливров в год, чтобы он мог тратить свое время, и я не хочу от нее ничего, кроме ее привязанности, не претендуя ни на что большее". Бассомпьер отступил перед лицом такого формального приказа, и мадемуазель де Монморанси вышла замуж за принца де Конде. С тех пор король беззастенчиво предавался всем экстравагантностям своей страсти, которая "была столь велика, - говорит л'Эстуайл, - что его видели меняющим одежду, бороду и лик в мгновение ока". Поэт Мальербе охотно отдал свою музу для выражения этой прелюбодейной страсти, которая, если верить строфам, написанным под именем *Алкандра*, не показалась бы *Оранте* бесчувственной. Как бы то ни было, король "проявил такой энтузиазм в охоте за этой прекрасной добычей, ради которой он заставил работать всех, включая мать мужа, что принц Конде горячо упрекал его и, как говорят, даже зашел так далеко, что называл его b..." (см. *Дневники* П. де л'Эстуаля, изд. М. Шампольона, р. 537, царствование Анри IV.) Принц Конде, "прекрасно понимая, что король использует свою мать как подходящее орудие для развращения сексуальности своей жены, вступил с ней в перепалку, называл ее дрянью, *мадам* или другими именами, которые были не лучше, упрекая ее в том, что она нарисовала позор на своем лбу". Этот невероятный отрывок, в котором изображена мать, старающаяся обесчестить своего сына, является одним из самых печальных свидетельств моральной деградации придворных того времени. Пьер де л'Эстуаль добавляет последнюю черту к этой отвратительной картине, приписывая самой королеве участие в этом общем союзе против добродетели принцессы де Конде: "Я боюсь, - сказала Мария де Медичи, - что на этом прекрасном рынке есть три десятка макерелей; и если я пройду один раз, я пройду три десятка один раз". Принц Конде все же избежал обмана и насилия, угрожавших его супружеской чести; он похитил свою жену и вывез ее из Франции в Брюссель. Генрих IV отправился бы за ней туда с оружием в руках, если бы кинжал цареубийцы не разорвал нить его преступных планов вместе с его жизнью.

Неистовая любовь Генриха IV к принцессе де Конде привела к удвоению активности любезных посредников, которые были наняты для утех короля. Одной из самых примечательных особенностей проституции в это время было рвение придворных чиновников выступать в качестве неофициальных посредников в вопросах галантности не только для короля, но и для принцев и великих людей. Нравственный смысл, казалось, был

утрачен настолько, что добропорядочный джентльмен без стеснения присоединялся к позорным маневрам агентов разврата, как только это требовалось для удовлетворения амурной прихоти могущественного покровителя. Каждый из них, чтобы расположить к себе покровителя, не стыдился стать, если нужно, гнусным сводником; каждый считал себя счастливым и гордым, производя на свет новое чудо красоты, предназначенное для королевского ложа. Поэтому вину следует возложить на этих жалких сводников, а не на самого короля, который, по общему признанию, был не в силах противостоять их нечистым побуждениям. Самым совершенным типом сводника, главного соучастника расстройств Генриха IV, был итальянец Себастьян Заме, который прошел путь от простого сапожника при Генрихе III до "господина семнадцати сотен тысяч экю", советника короля, губернатора Фонтенбло, управляющего хозяйством королевы, барона Билли и Мюрата и так далее. Замет, которого Генрих IV привычно называл *Бастьеном* и чей веселый нрав, ловкий ум и раболепную преданность он ценил, был, так сказать, вовлечен во все любовные дела своего господина; именно он исполнял таинственные обязанности суперинтенданта королевских удовольствий; Именно в его великолепном отеле на улице Серизе король предавался разврату с молодыми придворными лордами; именно в этом отеле король часто проводил ночи с женщинами, которых ему часто предоставлял Замет; именно там все любовницы короля оплачивали свои счета. У Замета было два конкурента в гнусном ремесле, которым он с большим мастерством и цинизмом занимался на службе у Генриха IV: герцог де Беллегард и маркиз де ла Варенн. Первый, который был одним из тех, кого называли *обычными сутенерами Его Величества* (см. *Tocsin des Massacreurs*, ed. 1579, p. 47), преуспел в искусстве выбора лакомых кусочков для королевских уст; он также знал, как внушать девушкам и "готовить их для королевского манежа, как желающих кобыл": он *произвел* на свет Габриэль д'Эстре, а затем Жаклин дю Бюи. Вторая, начав с должности повара в доме мадам, сестры короля, настолько продвинулась в фаворе принца, что стала генеральным контролером почтового ведомства и государственным советником. ("Les maquereaux s'en vont marquis!" - восклицает д'Обинье в *"Исповеди Санси"*, говоря о ла Варенне, который "превратил кухонные супы в tripe d'estats, а бумажных цыплят - в цыплят из человеческой плоти").

Женщины и знатнейшие дамы также были вовлечены в этот бесчестный оборот, что снискало им благосклонность принца. Выше мы видели, что вдовствующая принцесса Конде объединилась с этим *галантным* седобородым *грином* против целомудрия своей невестки и чести своего сына. Мы видели, что мадам де Сурди поощряла прелюбодеяния своей племянницы Габриэль д'Эстре. Принцесса де Конти (мадемуазель де Гиз), которая также была одной из любовниц своего *великого Алкандра*, постоянно искала для него новых развлечений и сама становилась развратницей своих соперниц. Можно назвать еще много знаменитых женщин, которые всегда были готовы поддержать распутные фантазии самых развратных королей. В *"Библиотеке воображения" мэтра Гийома*, сатирической насмешке, часто цитируемой в примечаниях к *"Исповеди Санси"*, мы находим следующие два произведения: *Sept livres de Chasteté, составленное ла Варенном и посвященное мадам де Рец*, и *les Préceptes de production, autrement de maquerellage, составленное мадам де Виллерс, прокомментированное мадам де Вумри и посвященное ла Варенну*. Насмешка того же рода, известная нам только по выдержке из журнала П. де л'Эстуаля (датируется июлем 1609 года), является еще лучшим примером скандальной *торговли лошадьми*, которая велась специально в интересах Анри IV : В приятной просьбе к королю названный Клавель, называющий себя *компаньоном Дюре*, смиренно напоминает Его Величеству, "что он занимался и занимается не хуже и не лучше Люя (Дюре) ремеслом сводника (которое является одним из главных, и в котором больше всего проявляется ум человека), занимаясь очень трудной практикой в этой области с гораздо большей честью и меньшими шансами,

чем Дюре (и не умея ничего показать, чего он и каждый человек не доверяли). *Tesmoins les maquerellages (disoit) de telles et telles (qu'il spécifie en sa requete), un tel et tel marché (dont vous-mesme n'estes ignorant, sire), venus à leur perfection et effet, par sa diligence et principal entremise, et où un autre, bien que versé en l'art, aurait perdu ses pas et ses peines, et mille autres petits services de pareille estoffe dont il avait obligé grands et petits à la cour.*" Таллеман рассказывает, что одноглазый маршал де Рокелор, сопровождавший короля в его карете, обратился к продавщице скумбрии и спросил ее, как она отличает самцов от самок: "Господи!" - ответил продавец рыбы, - "нет ничего проще, самцы одноглазые". А Таллеман добавляет: "Ее обвиняли в том, что она иногда разыгрывала *из себя грубиянку* перед своим хозяином".

Безусловно, бесчисленные любовные похождения королевы Маргариты и *великого Алкандра*, рассказанные очень суммарно, как мы и пытались, составляют самый любопытный и характерный эпизод в истории проституции конца XVI века.

ГЛАВА XXXIX.

Sommaire.-Les annales de la cour sous Henri III et Henri IV.-La belle Châteauneuf.-Le souper des trois rois chez Nantouillet.-Le mariage de la maîtresse du roi.-L'assassinat de madame de Villequier par son mari.-Indignes violences de Henri III et de ses mignons.-La comédie du *Paradis d'amour*.-Библиотека мадам де Монпансье.-Манифест *придворных дам*.-Почетные дочери королевы.-Мальербе и сеньор де ла Луэ.-Ла Сагонн и барон де Термес.-Индальгенция Генриха IV.-Зарождение галантности.-Последствия роскоши.-Платок за 19 000 экю.-Гобелен.-*Тайны богов*.

В своей "*Истории Парижа*" (изд. в-12, т. IV, стр. 492), что сцены похоти, благодушно описанные Брантомом, чтобы представить состояние нравов при дворе, "напоминают те, которые можно найти в анналах места разврата"; но Брантом, который прожил до 1614 года, покинул двор в 1582 году в результате придворной злобы, чтобы удалиться в свои земли, где он написал свои мемуары, не все из которых сохранились. Его племянница, мадам де Дюреталь, позаботилась о том, чтобы сжечь самые скандальные из них, и мы можем судить о том, какими они были, по тем, что сохранились. Таким образом, Брантом не мог своими глазами увидеть ни конец правления Генриха III, ни весь период правления Генриха IV; он знал о происходящем в Лувре только по переписке оставленных им там друзей и воздерживался от записи, согласно их более или менее пристрастным показаниям, всех фактов, свидетелем и поручителем которых он не являлся. Так, мы не можем обратиться к нему за информацией об истории проституции при дворе Генриха III и Генриха IV. Брантом, если судить по нескольким страницам, где он проявляет себя непримиримым врагом итальянского разврата, несомненно, стонал от позорного отклонения, в которое впал последний из Валуа, окруженный гнусными возлюбленными; он считал, что под влиянием этих иностранных ужасов прекратился *хорошенький поезд* французского двора и что любовь к дамам, столь рекомендуемая французскими традициями, теперь существует только среди старых придворных и неподкупных кавалеров. Однако не следует думать, что отвратительная секта миньонов и гермафродитов уничтожила всю честную галантность, и что дамы при дворе Генриха III стали нейтральными или равнодушными в деле, в котором они всегда были заинтересованы первыми. К чести миньонов следует даже сказать, что они не были столь небрежны к представительницам прекрасного пола, как можно было бы подумать, исходя из их дурной репутации. У Генриха III были любовницы, как и у его фаворитов, и в трагической гибели некоторых из них можно было винить только женщин.

Анри III, когда он был еще только герцогом Анжуйским, любил Рене де Рье, известную как прекрасная Шатонеф; она была одной из дочерей Екатерины де Медичи, которых знаменитый гугенотский пасквиль под названием *Le Tocsin des Massacreurs*, вероятно, не оклеветал, когда пометил их печатью проституции: "Никто не знает, - гласит этот пасквиль (р. Никто не знает, - говорится в этом пасквилье (стр. 49 эдикта 1570 года), - о блуде дочерей королевы-матери, свидетельниц Ла Руэ, Монтины, Шастонеф, Атри и других, чье целомудрие так мало известно, что оно не нашло бы ни одного свидетеля среди всех придворных". Когда герцогу д'Анжу пришлось уехать в Польшу, куда его позвали желания польских вельмож, предложивших ему корону, он хотел найти мужа для мадемуазель де Шатонеф, которой, как говорят, он дал письменное обещание жениться. Он искал среди придворных лордов того, кто мог бы занять его место. Мадемуазель де Шатонеф, обладавшая гордым и непреклонным характером, не поддавалась на эту матримониальную торговлю. Герцог д'Анжу положил глаз на Нантуе, проректора Парижа, одного из своих товарищей по застолью и развлечениям; Нантуе очень гордо отказался от бесчестия, которое ему предназначалось, и ответил новому королю Польши, что, "прежде чем жениться на *fille de joie*, он подождет, пока Его Величество не установит кларет в Лувре". Об этом ответе было доложено Карлу IX, который затаил на Нантуе обиду. Через несколько дней (в сентябре 1573 года) было перехвачено письмо одного из придворных, написанное из Парижа, в котором только что произошел большой скандал, о котором говорили в городе и при дворе: "Я видел, - писал автор этого письма, - трех королей, которых называют Тираном, королем Полонга и третьим, королем Наварры, которые, воздавая благодарность Богу за мир и свое избавление, не перестают презирать и провоцировать его на жизнь своим развратным зловоением и другими подобными сарданапалениями. Я знаю, как на торжественном банкете, который они устраивали, этим трем красивым господам прислуживали голые шлюхи...". В своем издании "*Журнала Анри III*" месье Шампольон воздержался от воспроизведения некоторых непристойных отрывков, которые Пьер де л'Эстуайл подробно изложил в своей рукописи. Банкет был лишь прелюдией к еще более неслыханным сценам. Три короля, "не зная, чем занять остаток ночи", послали Нантуе сообщение, что они соберутся у него дома, в отеле "Эркюль", на углу улицы Огюстен. Нантуе тщетно извинялся за то, что принимает таких гостей, но был вынужден подчиниться приказу короля и распорядиться о приготовлении еды. Полупьяные гости задумали разграбить отель д'Эркюль: они захватили серебряную посуду, взломали сундуки и шкафы, забрали все ценные вещи, которые смогли найти, и ушли, нагруженные добычей, несмотря на жалобы и мольбы Нантуе. На следующий день прошел слух, что сумма в пятьдесят тысяч франков, украденная из казны Нантуе, вместе со многими драгоценностями из того же источника была отдана красавице де Шатонеф, чтобы возместить ей ущерб и отомстить за отказ от руки Нантуе. Последний отправился жаловаться первому председателю парламента, который, не дождавшись расследования, посоветовал королю Карлу IX: "Не берите на себя труд, - ответил король, - дайте Нантуе понять, что у него будут слишком веские аргументы, если он захочет спросить о причине". Нантуе промолчал и отозвал свою жалобу.

Герцог д'Анжу уже порвал с мадемуазель де Шатонеф или, по крайней мере, публично назвал ее своей соперницей - принцессой де Конде, чей портрет он носил на шее. Его любовь к этой очаровательной принцессе пережила даже его отсутствие. Когда он вернулся из Польши, чтобы стать преемником Карла IX на , он нашел свою любовницу, но был огорчен тем, что почти сразу же потерял ее. Тогда мадемуазель де Шатонеф попыталась вернуть себе прежние права на сердце принца, который не переставал проявлять к ней большую привязанность. Некоторое время она еще оставалась любовницей короля, хотя нравы Генриха претерпели печальную метаморфозу: она была настолько нетерпима к возлюбленным, что Генрих III вернулся к идее выдать ее замуж, чтобы избавиться от нее. Он

сам женился на Луизе де Водемон; он знал, что эту принцессу искал граф де Бриенн, который все еще был влюблен в нее: "Граф, - сказал он ей властным тоном, - я только что отнял у вас вашу любовницу, но взамен я хочу отдать вам свою, и чтобы вы женились на Шатонефе". Это была не шутка, и граф де Бриенн мог избежать этого брака, только поспешив покинуть двор. Прекрасная Шатонеф была очень довольна. У нее не было желания искать себе мужа, и она по-прежнему стремилась сохранить за собой титул любовницы короля; но она была достаточно неразумна, чтобы вступить в открытый конфликт с молодой королевой, и Екатерина де Медичи запретила ей снова появляться при дворе. Король старался не поддерживать ее, а когда она оказалась брошенной этим принцем, которого разгневали маленькие принцы, злоба заставила ее совершить поступок, в котором она вскоре раскаялась. Эта девушка, "столь полная себя и столь пренебрежительная, - говорит Брантом, - что, когда какой-нибудь искусный и галантный мужчина пришел, чтобы посвататься к ней и искусить ее в любви, она ответила ему так гордо, с таким презрением к любви, с такими высокомерными словами, ибо говорила самое лучшее, что никогда не возвращалась назад, так хорошо уступила тому, кто получил от нее все за несколько дней до ее свадьбы". Это был итальянец по фамилии Альтовити, "который не шел ни в какое сравнение со многими другими честными джентльменами, желавшими служить ей". Два года спустя, *найдя его плачущим*, пишет L'Estoile (сентябрь 1577 года), она убила его собственной рукой. Анри III не нуждался в титулованной любовнице, и он был счастлив избавиться от вечных упреков мадемуазель де Шатонеф, которая заставляла его стыдиться своих постыдных привычек. С тех пор он больше никогда не попадал под власть женщин; но, несмотря на своих *новоиспеченных возлюбленных*, он время от времени возвращался к первым склонностям своей юности. Его обвинили в том, что он подговорил своего фаворита Рене де Виллекье убить свою жену (август 1577 года), которая была беременна, "хотя ее муж, более десяти месяцев назад, не спал с ней". Любовником этой дамы был господин Барбизи, красивый молодой парижанин, которого она отказалась принести в жертву ревности короля. "Это убийство считалось жестоким, - пишет л'Эстуаль (*Journal de Henri III*, старое изд.), - поскольку оно было совершено над женщиной с двумя детьми, и странным, поскольку оно было совершено в королевских покоях (в Пуатье), при Его Величестве, и все еще при дворе, где публично разврат и известная практика среди дам, которые считают его добродетелью. Но легкость и непринужденность милости и отпущения грехов, которые Виллекье упорно и безропотно выполняла, заставили поверить, что в этом факте заключалось тайное повеление короля, который заплатил этой даме за отказ в подобном случае". Это последнее предложение принадлежит Пьеру Дюпюи, который, будучи лучше осведомленным, чем Пьер де л'Эстуаль, вставил его в свою копию вместо предложения, существующего в оригинале, где мы находим только: "Pour un rapport qu'on lui avoit fait, qu'elle avoit mesdit de Sa Majesté en pleine compagnie." В сатирической *гробнице*, которая была написана в то время по поводу этого трагического события, *бесстыдную* женщину пощадили не больше, чем ее *позорного* мужа:

Не гнев, не честь, не ревность

Заставили его пролить кровь своей жены.

Была ли у него честь? Ревновал ли он

К той, которая, как он знал, была общей для всех,

И кого он даже воспитывал во всех наслаждениях,

и тысячу раз соглашался с ее пороками?

Продолжайте, между прочим, она была справедливо вознаграждена

Что жена-прелюбодейка по праву заслуживает,

А его навсегда назовут позорным палачом

Того, чьим сутенером он когда-то был!

В сборнике Соваля, опубликованном в 1739 году под названием *Mémoires historiques concernant les amours des rois de France*, содержится несколько анекдотов, доказывающих, что миньоны были более склонны к женщинам, чем король. В одном случае Анри III "взял себе в голову завоевать жену одного из советников парламента, которая была не только красива, но и добродетельна, и, наконец, добившись этого в Лувре, в своих покоях, он бросил ее своим приспешникам; но эта бедная дама, впавшая в отчаяние и охваченная таким бесчинством, упав за смертью, испустила дух в их объятиях". В другой раз, когда Ла Гиш, один из принцев, был безумно влюблен в мадам де ла Миранд, "женщину проверенной добродетели", король не преминул послужить интересам своей фаворитки и заманил эту даму в Лувр под предлогом предоставления ей "в дар кареты". Прекрасная поверенная прибыла в то время, когда король был за столом; ее ввели в таинственный кабинет, и туда явился сам Анри III, чтобы оправдать бесчестное дело Ла Гиш: "Видя ее непреклонность и то, что, чтобы избежать опасности, в которую ее ввергла жадность, она утверждала, что неудобство, обычное для людей ее пола, не позволяет ему предоставить ей желаемое, он велел привести к себе двух камердинеров: остальное слишком очевидно. После этого Тарквини отпустили свою Лукрецию, не потрудившись выслушать ни ее плач с кровавыми слезами о нарушенном благоразумии, ни жалость и ужас, которые она вызывала у всех своими воплями и ужасающими ударами". На другой день король приказал привезти в Сен-Клу *самых лучших бегунов Парижа* в своих кочах. Как только они прибыли, он приказал снять с них одежду; он также приказал швейцарцам из своей гвардии раздеться догола и передал им несчастных женщин, которые с непристойными криками разбежались по садам. В сопровождении своих возлюбленных и *самых доверенных лиц* "он получал удовольствие от тщательного рассмотрения того, что покрыто завесой тьмы, даже при любых встречах". Подобные ужасающие зрелища не были редкостью при дворе, но в бесконечно меньших масштабах, и расплачивались за них не только курехи и швейцарцы. Брантом с необычной сдержанностью говорит (см. *Dames galantes*, 4e discours, art. 2, de l'Amour des filles) о прекрасной комедии под названием *le Paradis d'amour*, которую придумала одна придворная девушка и которая была представлена ею самой "в Бурбонском зале, à huys clos, где были только актеры, служившие вместе игроками и зрителями"; в ней было всего шесть персонажей, трое мужчин и три женщины, а именно: принц и его любовница, лорд и знатная дама с богатым состоянием, джентльмен и дочь, автор пьесы: "Конечно, каждая девушка, какой она была, играла свой характер так же хорошо или даже лучше, чем невесты": *aussy avoitu son monde ailleurs qu'en son pays, et, comme dit l'Espagnol: Rafinada en Segovia, c'est-à-dire raffinée en Ségovie, qui est un proverbe en Espagne: d'autant que les bons draps se raffinent en Ségovie.*"

Во время правления Франциска I придворные дамы извлекли немало пользы из этой школы проституции, которая никогда не прекращала своих скандальных уроков; но их расстройство, долгое время скрытые в тени трона, внезапно открылись общественному негодованию, когда Реформация и Лига последовательно сбросили все завесы, окутывавшие частную жизнь королей и великих людей. Неосторожный глаз народа погрузился в неведомые доселе бездны разврата; и когда отвратительная правда открылась со всех сторон, каждый стремился сорвать последние лоскуты, прикрывавшие ее. Так, в сатирическом памфлете, который начал распространяться в Париже в 1587 году под названием "*Библиотека мадам де Монпансье*" и который затем был собран Пьером де л'Эстуалем в его "Журнале путешествий", в нескольких воображаемых произведениях, которые должны были стать частью этой библиотеки, говорится о чрезмерном поведении

придворных дам и девушек. Вот названия этих произведений, которые мы не будем объяснять, поскольку они достаточно говорят сами за себя: *La manière d'arpenter brièvement les grands prez*, par madame de Nevers. "Grandprez, son escuyer", добавляет l'Estoile. - *Secrets pour depuceler les pages*, by M. de Sourdis. - *Les diverses assiettes d'amour*, traduites d'espagnol en françois par madame la mareschale de Retz, au seigneur de Dunes, son escuyer. - *Метод осаждения в клош-пид на любом месте*, написанный мадам де Монпансье (la boiteuse) - *Лес рибандери де ла двор*, собранный сеньором де Лянкур по просьбе Кабоша - *Ле тресбуше де филс де ла двор*, написанный дамой де Сен-Мартен. - *Трактат о буффонных и мастеровых двора*, графа де Молеврие. - *История Жанны ла Пюсель*, мадемуазель де Бурдейль. - *Ла риторика мастеровых*, мадам де ла Шастр. - *Almanach des assignations d'amour*, by Madame de Pragny. - *Le J'en veux des filles de la reine*, en musique, by Madame de Saint-Martin. - *Le Foutiquet des demoiselles*, from the invention of petit la Roche, chevaucheur ordinaire de la paix, etc., by Madame de la Chastre. Мы заимствовали эти цитаты как из издания Ленгле-Дюфренуа, так и из издания господина Шампольона, не утруждая себя вариантами, которые они предлагают друг другу. Пьеса того же жанра и того же периода, "*Манифест придворных дам*", может послужить комментарием к некоторым из этих названий воображаемых книг. Это исповедь величайших грешниц, начиная с королевы-матери, которая обвиняет себя в том, что воспитала своих детей во всех пороках, богохульствах и вероломстве, а своих дочерей - в нескромной свободе, терпя и допуская при своем дворе бордо. Манифест, "врученный Шаршо во время плавания в Нерак" и подписанный *Перикаром*, "с разрешения моего господина архиепископа Лионского", заканчивается так: "Дамуазель Виктри, Бурдейль, Сурдис, Бираг, Суржер и все остальные chou (sic) дочери короля-матери в один голос заявляют: Ах! Ха! Ха! Боже мой! Что нам делать, если ты не явишь нам свою великую милость? Поэтому мы громко взываем, чтобы ты простил нам столько плотских грехов, совершенных с королями, принцами, кардиналами, сеньорами, епископами, аббатами, священниками, поэтами и всякого рода людьми всех состояний, профессий, качеств и состояний, вплоть до мулатов, камердинеров, пажей и лакеев сеньоров, бездельников, бездельников, вымуштрованных, наказанных, перемазанных, облупленных и прогнивших. И давайте скажем вместе с месье де Виллекье: "Mon Dieu! miséricorde, donne-nous la grande miséricorde; et si nous ne pouvons pas trouver maris, nous nous surrons aux Filles-Repenties!".

Легко понять, как много скандальных приключений попало в хроники двора, где старики зачастую были не мудрее молодых; но какова бы ни была распущенность нравов, нельзя было простить неуклюжест, позволившую поймать себя на месте преступления. Сам Анри III проявлял строгость и благоразумие, когда неудачная вспышка выдавала тайну незаконных любовных отношений. Он хотел отрубить голову сеньору де ла Луи, который был вовлечен в интригу с Мальербе, одной из дочерей королевы ; Но он удовлетворился тем, что заставил ее выйти за него замуж, вольно или невольно, а затем отправил его провести с ней медовый месяц в Венсенской тюрьме, угрожая им обоим, "потому что, - пишет л'Эстуаль (22 марта 1578 года), - он совершил возмущение и бесчинства в доме королевы, своей жены, будучи настолько самонадеянным, что оплодотворил одну из ее дочерей." Анри IV, у которого было так много причин быть снисходительным в этом отношении, едва не наказал по всей строгости барона де Термеса, брата герцога де Беллегарда, который оказался в той же ситуации, что и сеньор де ла Луи, "будучи удивленным", пишет l'Estoile (февраль 1604 года), ночью, лежа в комнате дочерей королевы, с Ла Сагонн, одной из дочерей упомянутой дамы, которую он любил и о которой долго заботился, будучи беременной в результате его действий, и сбежав обнаженной и в рубашке." Таллеман де Рео рассказывает об этом приключении иначе: "Он был очень любвеобилен, - пишет он в "*Истории господина де Термеса*". Ничто не наделало столько шума, как галантность дочери королевы-матери по имени Сагонна. Он лег с ней спать в Лувре. Гувернантка подняла шум; он выпрыгнул из окна,

но оставил свой дублет: это было на втором этаже Лувра, на лестнице. Стража у дверей позволила ему скрыться; он был очень любим, а преступления любви легко прощаются". Мари де Медичи, итальянка по происхождению, была настолько оскорблена этим ужасным скандалом, что попросила короля отрубить голову барону де Термесу. Анри IV лишь сослал его на несколько месяцев и не позволил ему жениться на ла Сагонне, которая была с позором изгнана вместе с мадам де Дру, гувернанткой девочек, а королева показала себя непреклонной, "как она всегда делает, - говорит л'Эстуайл, - когда речь идет о чести и целомудрии".

Анри IV не имел права быть слишком суровым в таком случае; поэтому, хотя он и присоединился к возмущению королевы, он не был слишком строг с двумя любовниками, которые позволили себя поймать. Говорят даже, что это приключение привлекло его внимание к Сагонне, и он захотел познакомиться с ней, воспользовавшись отсутствием месье де Термеса. По словам Ле Дюша, Сагонна была не кто иная, как демазель де ла Бурдесьер, одна из любовниц Генриха IV. Этот принц считал хорошим тоном подражать своим придворным, но требовал, чтобы все делалось без скандала, и, следуя примеру Франциска Ier, всегда показывал себя, по крайней мере на словах, очень галантным кавалером *дамской чести*. "Король Анри IV, - говорит Бассомпьер (*Nouveaux Mémoires*, p. 171), - имел в себе ту (слабость) женщин, которую можно упрекнуть: хотя он был терпим, поскольку не отнимал дочерей и жен у их отцов, мужей, тем не менее, было много плохих примеров и скандалов, поскольку он не скрывал ни одного из них и делал достоянием общественности пороки, которые приличия предписывают скрывать".

В предыдущей главе этой истории мы видели, что король приносил отцов и мужей в жертву своей любви и даже своим фантазиям, когда это было необходимо. Обычаи двора не могли отличаться от его собственных. Однако мы должны быть благодарны ему за то, что при его дворе значительно уменьшилась итальянская развращенность, которая в правление Генриха III, как проказа, охватила молодую французскую аристократию. Когда в 1605 году были опубликованы "*Гермафродиты*", он притворился, что считает это произведение сатирой на свой двор, а не на двор Генриха III, и высоко оценил пасквиль Артуса Томаса, "который описывает, - говорит Л'Эстуаль, - нравы и способы поведения при дворе, ясно показывая, что Франция в настоящее время является местом погашения всех пороков, вольности и наглости, вместо того чтобы в прежние времена быть почтенной академией и семинаром веры". Следует, однако, отметить, что *галантность* зародилась в правление Генриха IV, и что, хотя содержание придворных нравов обычно было порочным, форма, если можно так выразиться, часто была честной и всегда элегантной. Чувственные удовольствия в это время казались главными, но они приобрели более утонченный и благопристойный вид; их окружали моральные изыски и своего рода мистика. Книга Оноре д'Эрфе "*Астрея*" служила суверенным кодексом для влюбленных.

Чрезмерная роскошь, воцарившаяся при дворе Генриха IV, несмотря на то что этот принц обладал высочайшим вкусом к простоте, могла только навредить доброй морали. Именно любовницы короля, вопреки ему, задавали тон моде, а мода стала вспомогательным средством проституции. Когда мы видим Габриэль д'Эстре, заплатившую 1 900 экю (12 ноября 1594 года) за вышитый носовой платок, мы понимаем, на что могли пойти ее соперницы, чтобы иметь такие богатые платки. Это, несомненно, послужило причиной множества тайных компромиссов, позоривших тех, чье кокетство и тщеславие довели их до гибели. В "*Любви королей Франции*" Соваль рассказывает необычный анекдот, повествующий о постыдной торговле, которую любовь к роскоши разрешала величайшим дамам. Неназванный великий провиантмейстер королевской гостиницы долгое время

преследовал великую принцессу, имя которой также не называется: он не встречал ничего, кроме презрения и отказа; но наконец они пришли к соглашению, и было решено, что гобелен, который так хотела дама, будет ценой ночи, которую она предоставит великой провиантмейстерше гостиницы. Последний имел несчастье не захотеть доставить обещанный гобелен на следующий день, "потому что ночь прошла так, по его вине, что он встал с постели так же, как и лег в нее". Это привело к спору и дебатам между сторонами. Арбитром была выбрана жена одного из государственных секретарей, которая разрешила спор при условии, "что они вдвоем погрузят гобелен на спину проститутки, а принцесса проведет еще одну ночь с этим ежедневным любовником". Разве это не один из самых отвратительных ликов проституции в то время, когда кларет был отменен по приказу короля? Анри III был очень зол на Русселе, который осмелился сказать ему по поводу эпидемии 1584 года, "что двор - это более сильная чума, на которую не может покуситься другая" (см. *Journal de Henri III* от 19 октября 1584 года); но Генрих IV только рассмеялся бы, прочитав в "Журнале путешественника" Пьера де л'Эстуаля (октябрь 1609 года) по случаю скандала, вызванного любовной связью принца Жуанвиля и графини Морет: "Те, кого при дворе считали самыми быстрыми и мудрыми и кто глубже всех проник в священные тайны богов (хотя чаще всего они жили там так же скромно, как и остальные), говорили, что в этом прекрасном факте был скрытый замысел короля, который заставил графиню поступить так, как она поступила, и что в подобных поступках люди при дворе были настолько беспринципны, что, как говорит Липсий в своих посланиях (и я думаю, что это 22^e): *Mores jam vocentur, nec in veniam modo veniant, sed in laudem.*"

- Imp. Delamain et Sarazin, 8, r. Жит-ле-Кёр Париж

РАСКАЯВШИЕСЯ ДЕВУШКИ

ГЛАВА XL.

Краткое содержание - Развращение народа в конце XVI века.- Пагубное влияние Лиги на нравы.- Непристойные гравюры.- Проституция языка.- Процессии *нагишом*.- Приходской священник Пигенат.- Ла Сент-Бёв.-Портрет благородного лигура.-Насилия, совершенные

людьми во время войны.-Насилия над детьми в Париже.-Преступления скотоложства.- Супруг Жиле-Гулара.-Авторские мучения людей и животных.-Преступления содомии.-Медик де Сильва.-Прогресс порока.-Преступления, связанные с похищением и соблазнением - Пенальти -Отказ в правосудии -Наказание за кровосмешение -Президент Жамбевиля - Безразличие судов к некоторым побуждениям к разврату -Les Amours des Dieux, автор Tempeste.-Трактат Санчеса "*De Matrimonio*", изъятый и защищенный. -*Сумма грехов*, П. Бенедикти, разрешенная. -*Момент прихода*, Бероальд де Вервиль. -Фильмы-отступницы. - Сохранение женских домов в период Лиги. -Бродяги-религиозники.

Никогда еще Франция не была опозорена таким растлением; никогда еще народ не опускался так низко в трясину распада. Роковой пример коррупции в судах извратил нравственное чувство нации, а Лига довершила уничтожение всего, что осталось от скромности в буржуазных и плебейских классах, которых чрезмерность, настоящая или ложная, Анри де Валуа и его приспешников когда-то подтолкнула к восстанию против развращенной королевской власти. Именно в *Registres-journaux* Пьера де л'Эстуаля, этих верных памятниках скандальной хроники Парижа за более чем тридцать пять лет, мы должны искать откровенное и наивное, хотя и несколько озорное, выражение эксцессов общества конца XVI века. Пьер де л'Эстуаль, живший во времена Карла IX, не побоялся отметить упадок нравов при Генрихе IV, которого он любил и почитал как великого короля. В двадцати местах своего сборника этот добрый человек с горечью сетует на *разврат, распутство, развратницу и другие пороки*, которые превышали все границы и *были в то время распространены как никогда*. (См. *Journal de Henri IV* от февраля 1607 года.) "В такой развращенный век, как наш, - говорил он в другом месте (август 1610 года), - хорошим человеком считается тот, кто стоит дорого; но, будь ты только хамом, отцеубийцей и атеистом, тебя не перестают считать человеком чести!

Трудно представить, насколько пагубным было влияние Лиги на мораль. Люди, которые упрекали Генриха III и его двор в стольких мерзостях, придуманных или преувеличенных духом партии лигьеров или гугенотов, не стеснялись впадать в те же расстройства и нагло производить их среди бела дня. В течение всего времени, пока столица находилась под властью Шестнадцати, глаза и уши жителей города были осквернены непристойными песнями, пасквилями и гравюрами, которые всегда имели своим предлогом политику Священного союза. Les Galeries du Palais, - говорит д'Обинье в своей "*Универсальной истории*" (т. III, liv. II, ch. 20), - "*résonnoient des portraits du roy, parsemez de diables, revestus en pantalons, avec les postures de l'Arétin ou choses pires que cela*"; потому что после убийства Гизов Анри III "*passoit envers ce peuple*", - говорит комментатор "*Самур Мениппеу*" (ed. de Ratisbonne, 1726, t. II, p. 346), не только чудовищем во всех видах порока и разврата, но и отвратительным колдуном". Сборники Л'Эстуаля полны этих пошлостей, не уступающих самым зверским клеветам на гугенотов. Язык деградировал и был протасен через трясину перекрестков; проповедники с кафедры не уважали даже святое место, где они осмеливались перемежать свои богохульства нечистыми словами и отвратительными образами. Не было произнесено ни одной проповеди, в которой беарнец не был бы назван *сыном шлюхи и сутенера*. На торжественном приеме, куда собрались самые важные деятели Лиги, чтобы поприветствовать и поносить кардинала де Пеллеве, один из этих членов Лиги, м. де Сермуаз, метрдотель, сказал, что король Наваррский, возможно, откажется от ереси, чтобы стать католиком, кардинал гневно прервал его, сказав: "Я не знаю, вдовец вы или женатый человек; но если бы вы были или есть, и если бы у вас была жена, которая занималась проституцией посреди борделя, вы бы приняли ее обратно, когда она захочет вернуться? Ересь, друг мой, это шлюха!

Мы уже упоминали о скандале, вызванном в народе процессиями *избиваемых*, которые возглавлял сам король во главе всего двора; но народу приглянулись эти красивые процессии, и как только король удалился на баррикады, уже не было никакого сдерживания в набожности, которая была очень близка к самой постыдной чувственности. 30 января 1589 года, - читаем мы в *"Journal des choses advenues à Paris depuis le 23 décembre 1588 jusqu'au dernier avril 1589"* (цитируется по Dulaure, *Hist. de Paris*, ed. in-12, t. V, p. 345), - в городе прошло несколько процессий, с большим количеством детей, как сыновей, так и дочерей, мужчин и женщин, все обнаженные до рубашек, такой красоты никогда не видели, слава Богу! Есть приходы, где насчитывается до пяти-шести сотен голых людей. На следующее 3 февраля появились новые и *очень красивые* процессии, "где было большое количество всех голых и несущих очень красивые кресты". 14 февраля - другие процессии, в частности в приходе Сен-Николя-де-Шамп, где было более тысячи человек в полном обнаженном виде, в том числе священники Сен-Николя и их приходской священник Франсуа Пигенат, "который был полностью обнажен и имел на себе только гильбе (набедренник) из белой ткани". Пьер де л'Эстуаль, который был очевидцем этих *прекрасных* процессий 14 февраля 1589 года, записал такие отвратительные подробности на эту тему, что страница его оригинальной рукописи под номером 452 была вырвана иезуитами из Сент-Ашеля, в руках которых бумаги де л'Эстуаля оставались долгое время. Тем не менее, сохранился очень важный отрывок, который назидает нас о процессиях Лиги. "Люди, - пишет л'Эстуаль, - были так разгорячены и разъярены, если так можно выразиться, после этих прекрасных процессий, что часто вставали ночью с постелей, чтобы пойти и попросить священников своих приходов возглавить процессию, как это было в наши дни с приходским священником Сент-Эсташа, которого некоторые из его прихожан ходили допрашивать по ночам и заставляли вставать, чтобы вести их в процессии, которому, думая как-то возразить, они называли его *политиком* и *еретиком*, и в конце концов были вынуждены заставить их презирать его. И в самом деле, этот добрый приходской священник и еще два или три человека из города Парижа (и не более) осуждали эти ночные процессии, потому что, говоря прямо, все в них было беззаботно, а мужчины и женщины, девушки и юноши ходили пешочком-мешочком все вместе, голые, и приносили плоды, отличные от тех, ради которых они были учреждены. Так, возле Porta Монмартр дочь работника чулочной фабрики принесла плоды через девять месяцев; а один приходской священник в Париже, которому за некоторое время до этого проповедовали, что в этих процессиях белые и мягкие женские ноги очень угодны Богу, посадил еще один, который созрел к концу срока. (См. изд. господина Шампольона).

Разве не худший вид проституции - прикрываться таким образом мантией святых вещей и нагло смешиваться с практикой благочестия? Сомаль, неверно прочитавший выдержку из *"Журнала Анри III"*, опубликованного в 1621 году Пьером Дюпюи, полностью искажает ее в своих *"Исторических и секретных записках о любви королей Франции"* (стр. 103, изд. 1739 г.), где он обвиняет Анри III в процессиях Лиги и скандалах, поводом для которых они послужили. Пьер де л'Эстуаль рассказывал, что шевалье д'Аумаль, который *зарабатывал* на этих процессиях, "обычно был там, и даже на главных улицах и в церквях бросал через трубочку мускусный миндаль с сахаром дамам, которые узнавали его, а затем согревались и пополняли запасы закусок, которые он им давал, иногда на Понте Измены, то на понте Нотр-Дам, на улице Сен-Жак, в Веррери и везде, где не забывали о святой вдове, которая, прикрытая лишь тонкой тканью, с перерезанным у горла швом, однажды позволила провести себя под руки через церковь Сен-Жан, мыча и трогая себя, к большому скандалу нескольких благочестивых людей, которые добросовестно ходили на эти процессии." Демуазель де Сент-Бев, которую л'Эстуаль называет *святой вдовой*, была дочерью Андре де Акевиля, первого президента Большого совета, и кузиной шевалье д'Омаля, который сделал ее своей любовницей. Эта молодая дама, отличавшаяся как красотой, так и легкостью поведения,

играла довольно недостойную роль в этих ночных процессиях, которые служили прелюдией к еще более скандальным закускам. Именно она, говоря о роялистских дамах, сказала, что "ей доставляет особое удовольствие видеть этих девиц со шрамами, которые отправляются в Бастилию, чтобы чинить бриджи своих мужей". Пьер де л'Эстуаль, похоже, почти слово в слово скопировал все, что сообщает Сент-Бёв в своем "*Журнале Анри III*", из пьесы того времени, озаглавленной: *Conseil salutaire d'un bon François aux Parisiens*. (См. *Mém. de la Ligue*, ed. ancienne, t. III, p. 399 et seq.) Из текстовой аналогии этих двух отрывков можно также заключить, что *Conseil salutaire*, который был напечатан в июне 1589 года, принадлежит перу Пьера де л'Эстуаля. Как бы то ни было, приключение в Сент-Бёве, в церкви Сен-Жан, где "не было уважения к месту и компании, что не позволило сделать некоторые прикосновения", вызвало такой скандал, что процессии не восстановились. Они вновь появились только 24 января, но количество обнаженных людей уменьшилось, и только дети из иезуитского колледжа, "которые были все голые", числом триста, выделялись. (См. *Journal des choses advenues à Paris*, цитируемый Дюлором, поскольку в дневниках Пьера де л'Эстуаля нет даже упоминания об этой последней процессии).

Лигеры, которые так много шумели о развратных нравах двора, сами подавали пример самого бесстыдного разврата. "Сегодня, - писал честный Пьер де л'Эстуаль в апреле 1589 года, - грабить ближнего, убивать ближайших родственников, красть алтари, осквернять церкви, насиловать женщин и девушек, выкупать всех подряд - это обычная практика лигера и безошибочный признак ревностного католика". Автор "*Спасительного совета доброго француза парижанам*" (*Le Conseil salutaire d'un bon François aux Parisiens*) не более чем повторяет, почти в тех же выражениях, эти обвинения Пьера де л'Эстуаля в адрес героев Лиги: "Изнасилование женщин и девушек всех возрастов, - говорит он, - даже в святых храмах, святотатство над алтарями, это только игра среди них; это доблесть и галантность, это неотъемлемая форма хорошего лигиста". Большинство подробностей, касающихся всевозможных эксцессов, совершаемых лигерами, можно найти как в "*Санитарном совете*", так и в "*Журнале Генриха III*", как будто эти два произведения написаны одной рукой. Когда герцог Майеннский во главе армии Союза вторгся в предместья Тура и угрожал городу (понедельник 8 мая 1589 года), "около сорока или пятидесяти женщин и девушек были найдены прячущимися в подвале, и все они были изнасилованы, как и остальные жители предместий; И даже в церкви некоторых женщин и девушек, укрывшихся в безопасности, заставили в присутствии их мужей, отцов и матерей, которых палачи принудили стать свидетелями этого зрелища, чтобы еще больше возмутить их". На следующий день, - добавляет автор "*Conseil salutaire*", - я увидел, что ликторы все еще лежат на полу в том месте, где, по словам викария, он видел, как девушек и женщин бросали и таскали за волосы". Когда шевалье д'Омаль, кузен герцога де Майенна, рыскал по Парижу, где находился его штаб генерала, "он заходил в дома, где находил лишь несколько дам и девиц, женщин чести и добродетели, которых, в отсутствие их мужей, людей сердечных и качественных, он брал силой; и, изнасиловав их, бросал своим солдатам". Более того, в те злополучные времена военные люди, к какой бы партии они ни принадлежали, гугенотам или католикам, лигистам или роялистам, рассматривали женщин и девушек, находившихся в захваченном городе, как лучшую часть своей добычи, и было почти невозможно удержать их от применения ужасного насилия к несчастным женщинам, которых им удавалось захватить. Часто в течение нескольких дней город или деревня попеременно переходили в руки двух воюющих сторон, и каждое занятие этого места приводило к новым *актам насилия*, так что жители просто меняли палачей. Королевская армия, которая в 1589 году заняла деревни вокруг Парижа, чтобы блокировать столицу, возможно, превзошла по жестокости *акты насилия*, приписываемые армии Лиги. В "*Правдивых рассуждениях об отступлении и смерти Генриха Валуа*" (Труа, Жан Моро, 1589, in-8°) автор, называющий себя религиозным

деятелем якобинского ордена, обвиняет короля в распространении *рвоты своего гнева* во всех городах, таких как Понтуаэ, Пуасси, Этамп, Сен-Клу и т. д., в которые он вторгся со своей армией, в которые он заставил своих солдат вторгнуться: "Девочки еще в младенчестве, говорит он, а монахини были изнасилованы, а женщины принуждены!" Пять лет спустя, когда герцог Майеннский хотел разместить свою армию под стенами Парижа, чтобы быть готовым к осаде и даже к сражению (декабрь 1593 года), "предмесья Парижа, говорит л'Эстуаль, были заполнены солдатами, которые совершили тысячу виланий и инсоляций, принуждая даже старух и девочек старше десяти лет: о чем были сделаны принудительные сведения, но без наказания".

Суды были бессильны действовать против военных, которые были обязаны своей безнаказанностью пособничеству своих начальников и, более того, относились к судьям и их агентам с таким же безразличием, как к добрым людям, к которым они приставали по первому требованию. Но как только военное положение перестало быть единоличным и гражданская власть восстановила свои права, акты насилия и разврата, совершенные народом и ставшие известными магистратам, были быстро и сурово наказаны. Нельзя отрицать, что пример отвратительных бесчинств солдат часто оказывал самое развращающее влияние на порочные натуры, которые считали себя вправе как в мирное, так и в военное время потакать своим жестоким страстям. Изнасилование, например, было одним из самых частых преступлений того времени, и иногда оно принимало особенно свирепый характер в обстоятельствах. Надо признать, что это преступление стало не менее редким, чем после закрытия мест разврата и отмены легальной проституции. Парижскому парламенту пришлось удвоить бдительность и строгость, чтобы уменьшить число посягательств на скромность женщин и особенно детей. "Во вторник 23 декабря 1603 года, - читаем мы в дневниках Пьера л'Эстуаля, - служанка человека по имени Депрас, судебного пристава пятой палаты расследований, была повешена в Гриве за то, что продала и передала в руки некоего молодого человека очень красивую девочку из его дома, всего девяти или десяти лет, которую этот негодяй, завладев ею, гнусно принуждал и травил газом, к большому сожалению и неудовольствию упомянутого Депраса, ее отца и всех ее родственников." Но нет никаких свидетельств того, что виновник изнасилования был когда-либо обнаружен или наказан. В 1607 году парижский нотариус по фамилии де Несмес, "к несчастью, принудив себя к изнасилованию маленькой девочки, лет пяти-шести, дочери аптекаря Дюфреснуа", укрылся во Фландрии, где, как он полагал, ему не грозило уголовное преследование: его экстрадиции добился король, которого *чужовищность* преступления побудила потребовать наказания. Этот нотариус, подвергнутый обычным и экстраординарным допросам, ни за что не признал своей вины, а поскольку его обвинял только один свидетель, он мог быть приговорен только к изгнанию. Во время ужасных пыток он не переставал заявлять о своей невиновности: "О, я хотел бы, чтобы Бог, - сказал допрашивавший его советник Фейдо, - хотел бы, чтобы я был настолько невиновен в каком-либо грехе, как я уверен, что вы виновны в этом деянии, и что никто другой, кроме вас, не совершил его! Но у вас хороший язык, так что пусть будет так! Подобные изнасилования происходили в Париже постоянно, но не все они были известны, потому что родители жертвы часто соглашались не подавать жалобу в суд в обмен на денежную сумму и таким образом становились соучастниками нападения на ребенка. Пьер де л'Эстуаль сообщает нам, что в августе 1607 года "настоятель *братства невежд* был взят в плен в Париже и помещен в тюрьмы аббатства за то, что принуждал себя к маленькой девочке в возрасте всего пяти с половиной лет, дочери придворного в фальшбуре Сен-Жермен-де-Пре"; но он не сообщает нам, что этот негодяй понес какое-либо наказание за свое преступление. Когда истец, успокоившись за счет денег, отказывался от дела и объявлял себя удовлетворенным, парламент иногда прекращал дело, чтобы избежать скандала.

Однако было одно отвратительное преступление, которое не получало ни прощения, ни пощады, когда общественная молва доводила его до сведения судов: скотоложство, за которое в Книге налогов Римского суда отпущение грехов определено всего в 90 турнуа 12 дукатов 6 карлинов, по-прежнему каралось во Франции смертной казнью, и это странное преступление, которое должно было исчезнуть вместе с варварством, казалось, наоборот, умножилось в конце XVI века. Судебная практика во всех парламентах Франции была одинаковой в отношении этого чудовищного безумия: мужчину или женщину сжигали вместе со зверем. Клод Лебрен де ла Рошетт, ученый юрист из Божоле, в своей работе под названием *"Гражданские и уголовные процессы"* (Руан, Jacq. Hollant, 1647, in-4°), излагает причины осуждения и пыток зверя следующим образом: "Эти животные, говорит он, наказываются не за их вину, а за то, что они стали орудием столь ужасного несчастья, за которое лишают жизни разумного человека: "Это выбор, присущий человеческому сознанию, после столь серьезного преступления, а также потому, что животное все время сохраняет память о своем поступке, который необходимо пресечь и отменить, насколько это возможно; поэтому так часто суверенные суды предписывают, чтобы все процессы над этими животными были отслежены, чтобы сохранить память обо всем." Эти мудрые меры предосторожности, пугающий аппарат пыток, ужас, который повсеместно придавался "проклятому и жестокому сожительству мужчины или женщины с грубым зверем", непреклонная строгость возмущенных магистратов - ничто не мешало тем не менее преступлению повторяться, не только в сельской местности, но и в городах. В "Сводках парижского прево", собранных Совалем после *"Древностей этого города"* (т. III, с. 387), мы находим любопытные подробности о казни человека по имени Жиле Сулар, который был сожжен в Корбейле вместе со свиноматкой в 1465 году. Дюлор в своей *"Истории Парижа"* (т. IV, изд. in-12, р. 563) смело утверждает, что этот Сулар был священником; но это утверждение никак не обосновано выдержкой, на которую ссылается Дюлор. В ней говорится лишь о том, что Жиле Суларт был казнен *за свои проступки* и что расходы на казнь составили 9 ливров 16 солей 4 парижских денье, а именно: 22 соля "за доставку иска вышеупомянутого Жиле в город Париж и за то, что его видели и посетили люди из Совета"; 2 соля "за три пинты вина, которые несли к виселице, за тех, кто делал ямы, чтобы положить галстук и труе"; 2 соля "за галстук длиной 14 футов или около того"; 6 ливров 12 денье Анриету Кузену, душеприказчику верховного судьи, "за два путешествия, которые он должен был совершить в город Корбейль"; 2 соля 1 денье "за три пинты вина, которые были привезены к судье, для вышеупомянутых Анриета и Суларта, с буханкой хлеба"; 7 солей 4 денье "за еду из вышеупомянутых trueye и icelle, чтобы сохранить в течение одиннадцати дней, по цене за каждый день 8 парижских денье"; 40 солей парижского Робинэ и Анриету, известных как братья Фуке, "за 500 бурре и котерестов, взятых в порту Морсан и icеих, чтобы привезти к судье Корбейля."

Дюлор, который искал подобные документы в рукописных архивах Tournelle criminelle, приводит еще две пытки за скотоложство, согласно реестрам под номерами 84 и 105: Гийо Вюйде был повешен и сожжен 26 мая 1546 года "за соитие с коровой, которую вырубил перед казнью". Жан де ла Сойль также был сожжен заживо 5 января 1556 года вместе с ослом, которого также оглушили *в качестве одолжения*, прежде чем бросить в костер. Пьер де л'Эстуаль не упоминает ни одной подобной казни в *"Журнале Анри III"*, но он сообщает о

нескольких казнях, состоявшихся во время правления Анри IV. Из этого следует сделать вывод, что полиция нравов в то время была более тщательной, а суды, в которых было так много просвещенных и респектабельных людей, стремились исправить разврат века. "Некоторое время назад, - писал Пьер де л'Эстуаль в августе 1607 года, - было совершено чудовищное деяние, превосходящее по мерзости все предыдущие: qui estoit d'un homme, qui, ayant eu compagnie d'une jument, avoit en avoir eu deux enfans; pour laquelle abomination ayant été condamné à être brûlé tout vif avec sa jument, ayant en apelé à Paris, la sentence, confirmée par arrest du parlement, fut renvoyée sur les lieux pour y être exécutée, and pour le regard des deux enfans, fust ordonné que la Sorbonne s'assembleroit pour resoudre ce qu'on auroit à faire." К сожалению, Л'Эстуайл не записал приговор Сорбонны, и мы не знаем, были ли эти двое детей сожжены вместе со своим печально известным отцом. Тем не менее мы вынуждены сомневаться не в добросовестности летописца, а в реальности необычного события, о котором он писал в своих дневниках. Далее, в ноябре того же года, он записал в своем журнале: "Мальчик, приговоренный в этом месяце в Ла-Турнелле к повешению и удушению за спаривание с кобылой, кобыла вырубилась у подножия виселицы". Различные решения, касающиеся того же преступления, были приведены французскими юристами по уголовным делам, в частности Папоном, в его книге *"Recueil d'arrests notables des Cours souveraines de France"*. Лебрен де ла Рошетт, писавший свой трактат об *уголовных процессах* во времена правления Анри IV, сообщает о решении Парижского парламента, вынесенном 15 декабря 1601 года "против Клодин де Кулам, уроженки Розе-ан-Бри, обвиненной и убежденной в совершении этого зверства с собакой, была повешена, задушена, а затем сожжена вместе с собакой". Об этом аресте сообщает месье Шену, - добавляет он, - а в прошлом, 1609 году, арест парламента Домбеса был произведен в городе Тревольс над жителем деревни, осужденным за то, что он приставал к корове".

Частота этих ужасных судебных процессов и не менее ужасных казней, повторяем, является достаточным доказательством того, что французская судебная система, напуганная разложением нравов, неустанно работала над их исправлением, внушая спасительный ужас развратникам и всем врагам общественной морали. Таким образом, хотя содомия и связанные с ней отвратительные преступления могли оставаться безнаказанными в суде, они преследовались с особой строгостью, когда попадали под юрисдикцию гражданского или церковного правосудия. Однако, похоже, что во времена правления Генриха III и его приспешников смертная казнь не применялась в качестве наказания за преступление, укрывавшееся, так сказать, в тени трона. Так, Пьер де л'Эстуаль сообщает под датой 30 января 1586 года, что пьемонтский врач, женатый на Аббевилле, по фамилии де Сильва, уже более года находился в заключении в Консьержери "из-за содомии, в которой его обвинила сама жена", когда он убил одного из своих товарищей за столом тюремщика; Этот неистовый человек, заключенный в темницу, задушил себя, проглотив *шарики*, сделанные из лоскутков его рубашки; его труп был подвергнут пыткам, которых заслуживали его преступления: Его протащили на хвосте лошади по улицам Парижа и доставили в ратушу, где повесили за ноги. В книге *Remonstrances très-humbles au roy de France et de Pologne*, опубликованной в 1588 году, автор, который был скорее хорошим роялистом, чем лоялистом, горько восклицал: "Parleray-je de sodomies qui se commettent vulgairement?". Именно Генрих IV приказал парламенту не проявлять милосердия к подобным извращениям и восстановил старое наказание: "Во вторник 12 ноября 1596 года, - пишет л'Эстуайл, - в Сен-Жермен-ан-Лайе были избиты два содомита, которые очернили и отравили газом двух пажей господина ле Принца". Этот одиозный порок, несмотря на пример придворных, мало распространился среди народа, который гордился тем, что сохранил себя от того, что все еще называли итальянским растлением. Анри IV, несмотря на горячее осуждение, с которым он обличал эти постыдные расстройствa, не сумел очистить от них свой двор: "Содомия, которая

является мерзостью из мерзостей, - писал л'Эстуайл в 1608 году, - царит там в такой степени, что приходится накладывать руку на брадобрей..... Бог дал нам принца, совершенно не похожего на Нерона, то есть доброго, справедливого, добродетельного и богобоязненного, который, естественно, отвращается от этой мерзости. Но при всем его дворе нет ни одного человека, ни кардинала, ни епископа, ни капеллана, ни исповедника, ни священника, ни иезуита, который хотя бы открыл рот (хотя это положено по должности), чтобы сказать и возразить Его Величеству, опасаясь навлечь на себя недобрую милость и злобу некоторых вельмож, которых называют *богами двора*". При следующем правлении это зло еще более усугубилось и не нашло более эффективных средств защиты; но тело нации, защищенное благородным чувством человеческого достоинства, не унижало себя, потакая этому прискорбному виду проституции.

Законы, призванные охранять нравственность и наказывать за блуд, были очень строгими, но не всегда применялись с должной мерой. Некоторые из них доходили до жестокости, как будто позволяя судье назначать наказание в зависимости от обстоятельств, складывающихся в пользу или против обвиняемого. Так, похищение и совращение могли караться смертью, даже если виновный предлагал загладить свое преступление браком, который уничтожил бы его последствия. В 1583 году Парижский парламент приговорил к виселице клерка Дворца, который оплодотворил дочь председателя дознания, несмотря на то, что эта девушка в возрасте двадцати пяти лет заявила, что хочет выйти замуж за своего соблазнителя. (См. *"Знатные аресты де ла Рошфлавина"*, т. III, с. 293.) Счетовод, имя которого Пьер де л'Эстуаль не называет, говоря, что он был родом из города Ренн в Бретани, был приговорен постановлением парламента к женитьбе на вдове, которой он подарил ребенка под обещание жениться: "В постановлении (что примечательно) было указано, что он должен жениться на ней немедленно, или, если он этого не сделает, то через два часа после полудня ему отрубят голову: что он и был вынужден сделать, и они обвенчались сегодня утром (18 сентября 1604 года), в церкви Сен-Бартеlemi, в одиннадцать часов. Президент Моле вынес ему решение в таких словах: "Либо умереть, либо жениться, такова воля и решение суда".

Именно в таких процессах правосудие иногда проявляло себя как слишком доступное для разного рода влияний. Достаточно было лишь кредита великого лорда, чтобы взвесить весы Фемиды и заставить их подняться или опуститься по прихоти мести, разврата или любого другого интереса. В делах, касающихся морали, проституция слишком часто служила мотивом для вынесения приговора судьей, который таким образом становился сообщником какого-нибудь влиятельного лица или втайне подчинялся собственным безнравственным страстям. Пьер де л'Эстуаль приводит печальный пример такого отказа от правосудия. В 1609 году в Консьержери он увидел бедную женщину, которая более двенадцати лет бесполезно судилась во всех судебных инстанциях с развратителем и убийцей своей дочери. Девочке было всего пять лет, когда ее изнасиловал мужчина, которому бедная мать доверила ее, и несчастное создание, которое было найдено "испорченным большой оспой", умерло в руках цирюльников и хирургов. Опустошенная мать не только не смогла добиться наказания от бесславного виновника изнасилования, но и сама была приговорена порке как виновная в небрежном отношении к невинной жертве, и ей было отказано в какой-либо денежной компенсации за вред, причиненный ей потерей ребенка. Более того, советник Барон, который был докладчиком по этому делу, не побоялся заявить, что это сама мать "пальцем или каким-то колышком заразила и развратила свою дочь, хотя такими инструментами нельзя заразить оспу и жеребят, о чем свидетельствует отчет хирургов и матрон от 24 июля 1599 года". Л'Эстуайл, получивший этот отчет, сохранил его, по его словам, "как свидетельство доброго правосудия нашего века!".

Пьер де Л'Эстуайл записал в своем дневнике еще более примечательный пример уклончивости судебной системы своего времени. Это ценный документ, который следует добавить к главе, в которой мы рассматривали проституцию в Клеменси (т. IV, с. 299). "В среду 8 июля 1609 года на площади Грев в Париже был повешен и задушен реальный молодой человек по имени Лануэ, сутенер по профессии, женившийся на проститутке. Он был признан виновным в кровосмешении с сестрой своей жены, с которой он обычно спал, и которая была еще одной сукой, которая, хотя и заслуживала того, чтобы занимать другой конец виселицы рядом со своим шурином, если бы ее отпустили присутствовать на испытании, была приговорена к изгнанию и кнута, который она получила у подножия виселицы. Говорили, что господин президент де Жамбевиль, тронутый ее красотой и юностью, которой было всего пятнадцать или шестнадцать лет, был ответственен за спасение ее жизни, так как судьи почти все пришли к выводу, что она должна умереть. И следует отметить, что как только ее отправили, она была посажена в ожидавшую ее карету, которая была специально прислана к ней, поскольку женщины ее качества (даже в наше время) никогда не испытывают недостатка в услугах и хороших знакомых". Карета, приехавшая забрать эту женщину из рук палача, несомненно, была прислана президентом Жамбевиля, которому красавица была обязана своей жизнью. Этот судья, чью строгость и твердость превозносит Мезьерэ (*Abr. chronol. de l'histoire de France*, апрель 1602 г.), отличился тем, что проводил страшные казни над женщинами с дурной репутацией. Именно он сказал президенту Сегье, ссылаясь на мистические труды святой Терезы, которые начали переводиться и распространяться во Франции: "Мы с вами выпороли в Париже пятьдесят мадам, которые зарабатывали не так хорошо, как мать Тереза, о которой так много говорят" (см. *Journal de Henri IV*, 30 июля 1608 г.).

Парижский парламент, который не прощал гнусных распространителей проституции и сурово наказывал за подстрекательство к разврату, тем не менее, казалось, закрывал глаза на дурные книги и непристойные гравюры, которые продавались публично и даже в галереях Пале. Никогда еще перо и карандаш не были столь развратны, и это не привело к малейшему преследованию авторов, художников, печатников и торговцев. Каждый имел право публиковать, не опасаясь, любую ерунду, письменную или образную, которая оскорбляла скромность и пачкала воображение, лишь бы в этих "*салодериях*" и "*фадесах*", как их называли, не было ни малейшего намека на ересь или атеизм. Как будто нравственность и честность хороших людей не пугали непристойности литературы и искусства. Так, торговцы печатной продукцией выставляли фигурки Аретена, а книготорговцы - непристойные стихи Сигоньеса, Морина, Теофиля и т. д., которые впоследствии были собраны в тома под названиями *la Muse folâtre*, *des Muses gaillardes*, *du Cabinet satyrique* и т. д. Добрый человек Пьер де Л'Эстуаль не постеснялся оставить в своих "Записках о путешествиях" такую запись: "19 марта 1608 года я купил за 60 солей маленькие рисунки, которые у меня есть, с новыми фигурами Аретина, сделанными Темпестом в Ромме, виленскими, торговыми и нечистоплотными, которые, кроме того, можно назвать ледяным пассатом "Любимцы диких". Их четырнадцать, которые все находят хорошо сделанными, хотя хорошее не может быть там, где плохое, и я изменил их на D. L. N., с сожалением, однако, но которое я взял, чтобы показать доброту этого скромного века." Л'Эстуайл также с жгучим любопытством собирал все грязные шутки в прозе и стихах, которые свободно печатались и распространялись на улицах, в скверах и особенно на недавно построенной площади Дофине. Полиция не обращала внимания на эти бесчисленные листовки, наполненные гравием и радостными двусмысленностями, которые доставляли удовольствие как маленьким людям, так и самым большим господам. Двум или трем безумным распутникам, таким как граф Разрешение и мастер Гийом, было позволено бродить по городу, предлагая прохожим за несколько грошей буклеты собственного сочинения,

содержащие позорные гравюры и нестерпимые непристойности. Эти брошюры продавались в огромных количествах, и никто ничего не мог сказать о них: как только вы пролистывали их, смеясь, их бросали в огонь.

Тем не менее, в "Журнале Эстуаля" мы встречаем один случай изъятия книги - трактата Санчеса "*De matrimonio*", который парламентский ордонанс поместил в индекс в 1611 году, "поскольку это отвратительная книга, - говорилось в нем, - и чтение ее дурно и пагубно". Л'Этуаль случайно оказался в лавке книготорговца Адриана Перье, когда пришел комиссар полиции Ланглуа, чтобы "запретить ему распространять или продавать в будущем кому бы то ни было" этот большой фолиант, который открыто печатался и перепечатывался, и продавался повсюду, пока в конце работы не обнаружили целую доктрину содомии. Л'Этуаль, поспешивший купить запрещенную книгу, признает, что иезуит Санчес "занимается этим прекрасным искусством содомии, но так гнусно и так отвратительно, что эта бумага, - говорит он, - на которой я это пишу, краснеет от этого; более того, как человек, который, как видно, много занимался этим ремеслом". Эта книга Санчеса не была бы запрещена, несмотря на все, что она содержала, если бы ее автор был кордельером или капуцином, а не иезуитом, но, как и все книги, изданные иезуитами, она, как считалось, содержала некую максиму, опасную для жизни и власти королей. Существовало общее предубеждение против Общества Иисуса, его доктрин и трудов. L'Estoile, только что купивший за 8 фр. большой том Санчеса, переплетенный в пергамент, "за то, что мне нравятся иезуиты", - сказал он с сардонизмом, - оправдывает свою покупку, говоря, что хотел иметь эту книгу, "не потому, что предмет мне приятен, но чтобы все больше и больше свидетельствовать о доброй жизни и здоровом учении этих новых пророков, скрепленных их собственными сочинениями, которые я приобщил к этому одному и сложил с другими, которые найдутся собранными в хорошем количестве". В то самое время, когда в Париже парламент и Сорбонна конфисковывали сочинение Санчеса, в третий или четвертый раз переиздавалась "*Сомма пешей и льда*" бретонского кордельера Жана Бенедикти. появилась в Лионе в 1584 году и ничуть не поколебала угрызений совести церкви и магистратуры. Этот мистический трактат, который автор имел дерзость посвятить Пресвятой Деве, тем не менее содержал больше грязи и позора, чем трактат *De matrimonio*. Правда, отец Бенедикти в своем нечистом просвещении показал себя менее снисходительным, чем Санчес, в отношении содомии, ибо он причисляет к смертным грехам случай, когда муж ведет себя по отношению к жене так, как утверждали еврейские раввины в этих выражениях, которые мы заимствуем из латинского перевода, потому что французский Корделье, по словам Брантома, который сам был скандализован этим, "звучит очень плохо для очень честных и целомудренных ушей": *Duabus mulieribus apud synagogam conquestis se fuisse a viris suis cognitu sodomico cognitis, responsum est ab illis rabbinis: Virum esse uxoris dominum, proinde posse uti ejus utcunque libuerit, non aliter quam is qui piscem emit: ille enim tam anterioribus quam posteriobus partibus, ad arbitrium vesci potest*. Большинство руководств по исповеди и канонических трактатов по делам совести были не более робкими, чем "*Сумма грехов*" отца Бенедикти, и добрые католики едва ли думали о том, чтобы сделать из них исключение.

Небрежность магистратов по отношению к непристойным книгам привела к потоку этих изданий, которые в изобилии распространялись не только Париже, но и в провинциях; типографии Руана, Лиона, Пуатье и других городов постоянно извергали множество грязных и развратных издевательств, которые разносчики мячей, "*бисуары*" и "*мерсье*" разносили по самым отдаленным деревушкам. Эти памятники старофранцузскому веселью оказывали пагубное влияние на нравы, тем более что их передавали из рук в руки независимо от пола и возраста. Полиция не возражала против них, если не нарушались основополагающие принципы религии и королевской власти. Одна из таких веселых книг, самая известная из

всех, *le Moyen de parvenir*, появившаяся примерно в 1609 или 1610 году, имела два или три издания почти одновременно, и, несмотря на дерзость многих еретических предложений, пахнущих пижмой, этот сборник дерзких историй и наглых ляпов не был подавлен ни церковной цензурой, ни приказом короля, ни декретом парламента; Автора, Бероальда де Вервиля, который, будучи каноником из Тура, всегда симпатизировал Реформации и реформаторам, даже не побеспокоили; Он не назвал себя в заглавии своей "*Moyen de parvenir*", но его имя было известно, и капитулу, членом которого был Бероальд, не было нужды доносить архиепископу Тура на распутника, который вдохновился трудами Рабле и даже, как говорили, нажился на неопубликованном произведении *мэтра Франсуа*. Конечно, "*Moyen de parvenir*", этот *прекрасный сборник подлинных тайн*, не менее смел, чем "*Гаргантюа*" и "*Пантагрюэль*"; он также гораздо более вульгарен, гораздо более циничен, и все же он не имеет ничего общего с Сорбонной или парламентом. Именно безрассудство и пошлость спасли книгу и ее автора, который был бы сожжен, если бы время было менее склонно к турлупинадам, сатирам и толстым сказкам. Эти истории, в которых монахи и монахини играли обычную роль, приписываемую им народным шалостям со времен возникновения монастырей, были, надо сказать, не более странными или скандальными, чем факты, ежедневно происходившие на глазах читателей *Средневековья*; В феврале 1610 года Пьер де л'Эстуаль, который гордился тем, что пишет современную историю, и лишь с любопытством записывал шумы города и двора, записал в своем "Журнале" приключение, которое Бероальд мог бы, не меняя ни слова, добавить к своему радостному "*Moyen de parvenir*": "Одна добрая дама из этого города, которую недавно поместили в Filles Repenties, рассказала и призналась несколько дней назад моему другу, который навестил ее там, что со второй ночи, когда она туда поступила, она была в компании священника, который спал между другой кающейся девушкой и ею, и что они не бездельничали в этом *besongne*, при условии, что они были священниками и церковниками: вот почему их называют *посвященными*. Этот же человек рассказал мне, что один знатный человек из этого города часто хотел нанять его, чтобы он отвел его к такой-то и такой-то религии женщин из здешних мест, какая ему понравится, и что он сам отправит его туда, чтобы он развлекался от души и спал с кем пожелает, даже в течение последних восьми дней в Лонгшампе и Гифе, где работа шла свободнее, чем в самом знаменитом борделе Парижа".

Хотя л'Эстуайл доверял показаниям своего друга, которого он всегда знал как "богобоязненного человека", этот рассказ, основанный исключительно на слухах, можно обвинить в преувеличении. Однако несомненно, что *женские религии* в то время были настолько распущенными, что большинство из них пришлось реформировать в течение семнадцатого века. Эта распущенность и беспорядки, которые были ее естественным следствием, восходили к временам гражданских войн и особенно Лиги, когда в монастырях постоянно находились солдаты, а иногда их постигала печальная участь города, взятого штурмом; Настоятельница или настоятельница подавала пример своим монахиням, и если она не была слишком уродлива или стара, то вскоре договаривалась с предводителем отряда. Это были банкеты, песни и оргии, которые продолжались до тех пор, пока в доме Дочерей Господних был гарнизон. Наконец, после всего этого веселья наступало время расходиться: кавалеры садились на коней и уезжали к врагу; сестры же получали время, чтобы заняться своими обязанностями и вернуться к управлению общиной. Затем, возможно, на следующий день, через монастырь пройдет еще один отряд католиков, и монастырь примет своих новых гостей с тем же рвением и урбанизмом. Мы видели, как Генрих IV и его офицеры утвердились со всеми правами войны в аббатствах Мобюиссон, Лонгшамп и Монмартр. Понятно, что привычка жить с солдатами сильно подорвала монашеское целомудрие. Монахини настолько привыкли к этому сладострастному и мирскому существованию, что не побоялись нарушить обет и покинуть затворнический

режим. В 1593 году, когда Париж находился под властью Лиги, "во Дворце и повсюду, - рассказывает Пьер де л'Эстуаль, - можно было увидеть только кавалеров и монахинь, которые занимались любовью и облизывали друг другу губы". Эти бесстыжие монахини, расхаживавшие со своими любовниками в общественных местах, "столь же непослушные и беспорядочные в словах, как и во всем остальном", носили под вуалью, которая служила единственным признаком их профессии, "настоящую одежду шлюх и куртизанок: фардеи, мускеи и пулдеи". Проповедники тщетно выступали против этого скандала, а отец Коммоле, который, как одержимый, бился на своей кафедре, называя этих несчастных грешниц *гнусными* и *шлюхами*, а их сообщников - *мерзкими грубиянами* и *шутами*, кричал во весь голос, что народ должен бросать им в лицо камни и грязь, как он поступает с женщинами дурной жизни и гнусными развратницами, которые осмеливаются показываться среди бела дня за пределами своих притонов проституции.

ГЛАВА XLІ.

Резюме.- *Терпимость* к местам разврата.- Недостатки этой системы охраны порядка.- Мнение Монтеня.- Министр Кайе - адвокат Бордо.- Его *речь против публичных расторжений*.- Эта речь попала в руки печатника Робера Эстьенна.- Кайе смещен консисторией.- Доводы протестантов о приписываемой ему книге.- Д'Обинье утверждает, что Кайе составил две позорные книги, а не одну.- Мнение Кайе, основанное на авторитете папы.- Королевский ордонанс 1588 года против кларета.- Ордонансы Провосталя 1619 и 1635 годов для исполнения эдикта 1560 года.- Парижские *руфисты* в конце XVI века.- Советник Жан Левуа и его любовница.- Капитан Ришелье.- Беспорядок полиции нравов в 1611 году.- Дом президента де Харлей.

Ордонанс 1560 года, провозгласивший *отмену бордо*, продолжал действовать, хотя и не очень строго соблюдался; но время от времени ряд жестких мер, принятых против проституции и ее отвратительных агентов, наглядно доказывал, что от принципа запретительного закона не так-то легко отказаться магистратам, считавшим, что общественная мораль заинтересована в поддержании этого закона. Однако система абсолютного запрета в отношении мест разврата привела к таким же плачевным последствиям, как и правовая защита, которая так долго предоставлялась этим притонам. Число проституток не уменьшилось, более того, можно сказать, что оно увеличилось; старые великие клубы Бордо были упразднены, но множество других, скрытых в тени или замаскированных под малейшей подозрительной внешностью, тайно образовались за счет старых оплотов проституции, которые могли иметь только признанное и патентованное существование. Легко представить, что эти "*кагнарды*", как их тогда называли, уже не были под присмотром и контролем городской администрации, а превратились в позорные лещатники и ужасные потрошители, где несчастные, позволившие заманить себя в них, часто теряли кошелек, пальто и даже жизнь. Что касается их здоровья, то о нем не могло быть и речи: венерические болезни, самые ужасные, самые неизлечимые, денно и ночью караулили в этих страшных борделях. Там были девушки радости, которых били плетью, клеймили, брили и изгоняли на всю жизнь; там были мадам, которых катали на ослах, пороли и штрафовали; там были грубияны и *берландисты*, которых кастрировали, сажали в тюрьму и отправляли на галеры: Но наказание одного не делало другого мудрее, и что бы ни делалось для борьбы с бедствием проституции, она постоянно распространяла свои

бедствия и грязь в городах, и, казалось, подобно чуме, с удовольствием бросала вызов всем усилиям человеческой предусмотрительности и мудрости.

Факты слишком ясно показывали необходимость восстановления легальной проституции, чтобы избежать свободной и тайной проституции. Законодатели уклонились от скандала, вызванного этой необходимостью, и не осмелились тронуть указ Карла IX; но в то же время, как мы уже говорили, сохраняя принцип закона, они не отказались согнуть его до *терпимости* к бордо. Мы не знаем, когда эта терпимость была принята местными полицейскими правилами; мы должны предположить, однако, что она практиковалась в Париже во время правления Генриха III. В записях конца XVI века мы находим официальные упоминания о некоторых кларетах, которые были настолько известны, что их создание могло сохраниться только с молчаливого разрешения Провоста и Шатле Парижа. Пьер де л'Эстуаль в отрывке из своих "Журналов", который мы цитировали выше, упоминает о *самом известном бордо* в столице, но не называет его. Поэтому мы не знаем, в каких местах проституция *была терпима*, и склоняемся к мысли, что улицы и площади, которые когда-то были отведены ей по привилегии, постепенно перешли в ее подчинение. Однако этих нехороших мест, ограниченных по количеству и подчиненных определенным условиям внутреннего надзора, было уже недостаточно для разрастания постыдных страстей и вспышек разврата: вместо того чтобы ограничиться отведенным ей узким пространством, вместо того чтобы принять скрытое покровительство парижских властей, проституция не знала границ и вторглась в каждый район, каждую улицу и каждый дом города. Самые заразные ее очаги находились в Кур де Чудес, где она создавала себе убежище, недоступное для закона: именно там порок мог безнаказанно бросать вызов общественной скромности, именно там преступность могла омыть свои кровавые руки в трясине разврата.

Отмена кларета не была полностью лишена связи с таким плачевным положением дел; многие просвещенные и благочестивые люди думали так, но старались не говорить об этом. Мишель де Монтень, который сказал все это, не осмелился высказать нам свое мнение по этому серьезному вопросу морали и полиции; но мы должны предположить, что его мнение совпадало с тем, которое он приписывает *некоторым*, в этом отрывке из его *Essais*, впервые опубликованном в 1580 году (*Бордо, Millanges*, 2 тома in-8): "То, что мы называем *честностью*, говорит он (liv. II, ch. 12), - не допустить того, что для нас почетно допустить до куверта, - они (стоики) называют *это софизмом*; а допустить то, что природа, кустум и наше желание, публикуют и провозглашают наши действия, - они называют это пороком": И казалось им, что выставлять тайны Венеры на всеобщее обозрение - значит огорчать их, а выводить ее игры из-под занавеса - значит унижать их: что это не так, как честь, реляция, оговорка, круговая порука, стороны оценки: что волюнтаризм, под маской верности, не может быть проституирован в окружении кварталов, нечистых на руку и нежных на вид людей, имеющих при этом достоинство и товарность своих шкафов. Поэтому некоторые говорят, что убрать публичные бордели - значит не только распространить повсюду ту пошлость, которая была присуща этому месту, но и подтолкнуть бродячих и праздных людей к этому пороку через *malaysance*". Монтень, как бывший член парламента Бордо, не мог открыто выступать против закона, который считался одним из самых совершенных во французской юриспруденции и который каждый день применялся в каком-нибудь месте королевства; но его взгляды на философию и политику были слишком возвышенными, чтобы не осуждать средство, которое хуже зла.

Поэтому не он пытался возвысить свой голос в защиту легальной проституции в интересах общественной морали и просить о восстановлении старых привилегий разврата; говорят, что это был ученый служитель реформатской религии Пьер-Виктор-Пальма Кайе, который считал

полезным предоставить пороку ограниченную область, где он мог бы истощать свои яды, не заражая здоровую часть населения. Кайе, родившийся от бедных родителей в Монтришаре в Турени, приобрел обширные познания во всех науках, даже в так называемых оккультных и дьявольских; он занимался магией и хвастался тем, что общался с дьяволом, который наделил его даром косноязычия. Именно его огромные знания, а не демономания, привели к тому, что он был прикреплен в качестве проповедника к дому принцессы Екатерины Наваррской. Он уже написал несколько работ по магии, религиозной полемике и истории, когда решил заявить о себе как о реформаторе нравов и написал "*Рассуждение*", *содержащее средство против публичных распутий, которое представил членам парламента*. По его словам, эта речь была всего лишь переводом или пересказом итальянского опуса, напечатанного пятнадцатью или двадцатью годами ранее, под названием *Discorso del remedio delle pubbliche dissolutioni* и под именем знаменитого Николо Перотто, архиепископа Сипонто. Вполне вероятно, что Кайе не просто перевел своего автора, а вложил в эту апологию легальной проституции много своего. Утверждалось, что Кайет вел в то время развратную жизнь и "был нечестен с девицей". Это обвинение, сформулированное Коломийцем в его *Gallia orientalis* (р. 144), не имеет прямого отношения к проекту, который проповедник мадам Екатерины питал в то время, чтобы сделать себя реставратором бордоских вин. Однако мемуары, написанные им с этой целью, содержали моральные, экономические и порнографические соображения, которые не очень-то гармонировали с характером и одеждой автора. Рассказывают, что он жил в кабаре на улице де ла Юшетт, которое в "*Мемуарах Лиги*" (старое издание, т. VI, с. 347) названо "*бордо сигнале*", и пробыл там более трех месяцев с известным фокусником по имени Жуж де Кудон. Это было в 1595 году, и с тех пор реформаты подозревали Кайе в желании перейти в католичество из честолюбия. Завершив свою книгу о дурных местах и необходимости их создания в любом хорошо охраняемом государстве, Кайе переписал ее у своего писца и добавил несколько греческих и латинских примечаний своей рукой; эта рукопись, таким образом подготовленная к печати, была доверена протестантскому печатнику Роберу Эстьенну, который, по-видимому, не решался отдать ее в печать и посоветовался с общим другом. Предполагается, что этим другом должен был быть Пьер де л'Эстуаль, с которым у Кайе сложились *более тесные отношения*, чем с кем-либо другим. Однако случилось так, что рукопись была украдена из рук печатника, а Кайе был обвинен в распутстве перед консисторией реформатских священников, которые заслушали свидетелей, допросили обвиняемого и осудили его как автора отвратительной книги, хотя Кайе энергично утверждал, что эта книга, которую он имел право хранить в своем кабинете, была "полна" хороших средств против недержания. Он резко упрекнул Робера Эстьенна в том, что тот его предал: "Сэр, я вас не предавал, - ответил печатник, - меня удивил другой, которого я сам считал другим. Я никогда не говорил, что вы автор, и вы признаетесь, что я обещал вам не показывать ее никому". (*Chronologie novennaire*, автор Palma Cayet, под 1595 годом).

Кайет, только что торжественно низложенный консисторией, тут же заявил, что переходит в римско-католическую религию, и покинул службу сестры короля. Трактат *о создании Бордо* не был напечатан, а евангелические священники, у которых был оригинал рукописи, постоянно угрожали честь писателя, который стал доктором богословского факультета и не меньше посвятил себя оккультным наукам. Утверждалось, что он отдался дьяволу и подписал договор с князем тьмы собственной кровью. Протестанты преследовали его, правда, с клеветой и сатирой, в которых постоянно появлялась отвратительная книга, которую никто не видел, кроме печатника Робера Эстьенна, Пьера де л'Эстуаля и членов консистории. Вот как рассказывает о ней в своих "*Журнальных записках*" л'Эстуайл, которого подозревали в том, что он является настоящим автором этой книги: "В это самое время и в конце года (1595) служитель мадам, по имени Пьер-Виктор Кайе, отрекся от религии и оставил сан, чтобы стать

римско-католическим священником; накопил много бумажек против служителей, своих соратников, которые обвинили его в том, что он начал свое обращение с бордо, потому что они предъявили книгу, которую он составил с разрешения и терпимости упомянутого бордо, из которой было следующее четверостишие:

Кайет, желающий стать священником,
показал, что у него хороший ум;
Car il veult, avant que de l'estre,
Faire restablir le bordeau".

Этот отрывок говорит о том, что Пьер де л'Эстуаль знал о книге и что с нее были сделаны копии; однако Кайе никогда не признавал, что эта книга действительно его работа, что говорит о том, что ему было стыдно за то, что он ее сделал. Агриппа д'Обинье, который не простил Кайету его отступничества, описывает причины этого в своей *"Универсальной истории"* (т. III, гл. IV, ч. 41): "Кроме того, Кайет, занимавшийся магией, через некоторое время после этого был отлучен от церкви, а также обвинен в том, что написал две книги, одна из которых доказывает, что, согласно Шестому повелению, блуд и прелюбодеяние не являются порицаемыми, а только печь Онана (*sola masturbatio inhibita*); другая же доказывает необходимость восстановления всех бордо". Д'Обинье не переставал очернять Кайе за эти два произведения, которые, по словам автора примечаний к *"Исповеди Санси"* (стр. 58 издания, опубликованного Ледушатом в 1744 году после *"Журнала Анри III"*), были одним и тем же. Однако в *"Исповеди де Санси"* д'Обинье возвращается к этим двум книгам с настойчивостью, свидетельствующей о твердом убеждении: "Мы не считали бы грехом простой блуд или прелюбодеяние по любви, - говорит он своему герою, сьеру де Санси, - согласно записной книжке Кайе в его ученой книге о восстановлении кларетов и его ученому аргументу о седьмой заповеди..... Эта седьмая заповедь, которая гласит *"Non mœchaberis"*, запрещает только грех сынов Онана, ибо $\mu\omicron\chi\epsilon\upsilon\epsilon\iota\nu$ выводит, согласно этому современному богословию, $\acute{\alpha}\pi\omicron\tau\omicron\upsilon\ \mu\omicron\chi\omicron\upsilon\ \kappa\alpha\iota\ \chi\epsilon\epsilon\iota\nu$, *quod est humidum fundere.*" В *"Бароне де Фœнесте"* д'Обинье по-прежнему занимает две книги, хотя эта язвительная сатира была написана уже после смерти Пальма-Кайе: "Le chassastes-vous pour la magie?" - спрашивает барон. - Вначале, - отвечает Эней, который является не кем иным, как самим д'Обинье, - его обвиняли только в двух книгах, в одной из которых он утверждал, что блуд и прелюбодеяние не являются грехами, запрещенными седьмой заповедью, но что он не только $\tau\omicron\ \mu\omicron\chi\omicron\upsilon\nu\ \chi\epsilon\upsilon\epsilon\iota\nu$, но и коснулся пера Онана, а также, что священное общество (Общество Иисуса) его враждовало с ним"; другая книга должна была восстановить бурду." Глава (кн. II, гл. 22) заканчивается отвратительным сонетом, который также находится в конце *"Исповеди Санси"* под таким названием: *Syllogisme expositoire sur la controverse si l'Église est des éleus seulement*. В этом сонете, заключительная строка которого имитирует отрывок из *"Пассаванта"* Теодора де Беза, к Римской церкви применяются слова пророка Иезекииля о женщине, которая разводила свои голени под всеми деревьями; этот сонет, вдохновленный отречением Пальма-Кайе, напоминает о том, что этот вероотступник, когда он еще был гугенотом, "хотел бесплатно селить шлюх":

Став католиком, он все еще продолжает свое предприятие.

Агриппа д'Обинье, который был личным врагом бедняги Кайе и не переставал изрыгать него самые зверские оскорбления, считает, что может охарактеризовать его именно так:

L'avocat des putains, syndic des maquereaux.

Наконец, в другом месте "*Исповеди де Санси*" д'Обинье снова упоминает одну из двух книг Кайе, говоря о великом папе Сиксте V, "который подверг остракизму кларет женщин и мальчиков, потому что не читал книгу месье Кайе". Из этой фразы можно с определенной долей вероятности заключить, что Кайе в речи, которую он собирался представить парламенту и которую он напичкал греческими и латинскими цитатами, касался всех видов разврата у всех народов и во все времена, и что он не забыл упомянуть в подтверждение своего мнения авторитет папы Сикста IV (а не Сикста V), которому приписывалось создание мест проституции, посвященных двум Венерам. *Lupanaria utrique Veneri erexit*, сказал ученый Корнелий Агриппа Неттесгеймский в одном из первых изданий своего знаменитого трактата *De vanitate et incertitudine scientiarum* (гл. 64, *De lenocinio*); но впоследствии он изменил это довольно бессистемное утверждение и просто напомнил, что этот развратный папа построил знатный бордель в Риме: *Romæ nobile admodum lupanar extruxit*. (См. статью о Сиксте IV в "*Dict. hist. et crit.*" Бейля).

Таким образом, порнографические планы Пальмы Кайе не были представлены на рассмотрение парламента или оценку компетентных судей; в полиции нравов не было ни реформы, ни нововведений, и некоторые плохие места оставались открытыми с молчаливого согласия гражданских и уголовных лейтенантов. Однако есть основания подозревать, что в этом произвольном попустительстве некоторым приютам проституции имели место серьезные злоупотребления; У нас есть основания полагать, что следственные комиссары или их агенты иногда получали денежные вознаграждения или подарки от отвратительных поборников разврата, поскольку ордонанс Анри III от 15 октября 1588 года свидетельствует о том, что в некоторых обстоятельствах магистраты пренебрегли эдиктом 1560 года о Бордо и проявили благосклонность к нечистым интересам развратных людей, зарабатывающих на жизнь проституцией. В этом указе "против богохульников, берландистов, трактирщиков, кабаре, бастельеров и лиц, занимающихся развратными играми" следует отметить следующие два пункта: "Запрещает всем устраивать бордо, бреланы и игры в дэз, что желает быть чрезвычайно наказанным без уговоров и попустительства судей и под страхом лишения их должностей. Запрещает всем владельцам сдавать дома внаем, кроме известных и именитых людей, и не допускать в этих домах ни дурного поезда, ни тайного или публичного бордо, под страхом штрафа в шестьдесят парижских ливров в первый раз, шесть двадцатых парижских ливров - во второй, а в третий раз - лишения права собственности на дома". (См. *Эдикты и ордонансы королей Франции*, собранные Антом Фонтаноном и дополненные Габром. Мишеля, изд. 1610 г., т. IV, стр. 243). Таким образом, между судьями и заинтересованными лицами существовал *сговор*, и король предписал им воздерживаться от любых *укрывательств* при расследовании и преследовании тайных и публичных бордо. Этот королевский указ соблюдался не более скрупулезно, чем другие, и проституция, этот необходимый выход для постыдных страстей, всегда бродивших в большом городе, продолжала находить приют у парильщиков, цирюльников, содержателей гостиниц, постоянных дворов и хозяек, хотя довольно дурно известные дома этих людей днем и ночью подвергались инспекции, которую обязаны были проводить комиссары Шатле, но делали они это не очень часто. "Всегда существовало, - говорит Деламар (*Traité de la Police*, t. I, p. 525), - множество частных лиц, которые были достаточно коррумпированы или заинтересованы, чтобы сдавать все или часть своих домов для этой гнусной торговли". Полицейский магистрат позаботился об этом, время от времени возобновляя публикацию предписаний и возвращая их в силу для исполнения с помощью новых ордонансов".

Деламар впервые приводит один из таких приказов, датированный 19 июля 1619 года и изданный сэром Генри де Месмесом, сеньором д'Ирвалем, советником короля, гражданским лейтенантом города, прокурором и виконтом Парижа. Прокурор короля жаловался, что "несколько человек с дурным характером останавливаются и уединяются в этом городе, устраивая публичные бордели, что стало причиной ряда грабежей, убийств и покушений", и гражданский лейтенант прямо запретил "всем лицам, какого бы качества и состояния они ни были, размещать и удалять из своих домов лиц с дурной репутацией под страхом потери ренты, которая будет выплачиваться бедным приютам, даже их дома должны быть арендованы по приказу королевского прокурора на три года, а деньги от них сданы в аренду и переданы упомянутым бедным приютам." В то же время гражданский лейтенант приказал "всем бродягам и нищенкам покинуть город и предместья Парижа в течение двадцати четырех часов после опубликования этого постановления под страхом заключения в тюрьму и завершения и доведения до конца судебного процесса над ними". Мещане и жители Парижа должны были помогать первому судебному приставу или сержанту Шатле и другим служащим суда, ответственным за исполнение этого постановления; задерживать нарушителей и доставлять их в жилище комиссара в своем округе под страхом штрафа в сто парижских фунтов. Этот ордонанс, по-видимому, часто возобновлялся в более или менее тех же выражениях; ордонанс от 30 марта 1635 года, изданный Мишелем Моро, гражданским лейтенантом прокуратуры, содержал более строгие предписания, судя по трем статьям, которые Деламаре извлек из него: "I. Мы предписали, согласно вышеупомянутым приказам и постановлениям суда, всем бродягам без условий и без признания, даже всем цирюльникам, портным и всем остальным, а также брошенным девушкам и женщинам, в течение двадцати четырех часов принять службу и условия, В противном случае покинуть этот город и предместья Парижа под страхом того, что мужчины будут посажены на трость и отправлены на галеры, а женщины и девушки будут выпороты, обриты и изгнаны на всю жизнь, без всякого суда.-II. Всем владельцам и главным арендаторам домов в этом городе и его пригородах запрещается сдавать их внаем или в субаренду иначе как лицам с хорошим характером и доброй репутацией, а также допускать в этих домах любое жестокое обращение, игры или брексит, под страхом штрафа в 60 фунтов за первое нарушение, потери арендной платы на три года за второе нарушение и конфискации имущества за третье нарушение, в пользу Hôtel-Dieu этого города.-III. Тот же запрет налагается на трактирщиков, содержателей постоянных дворов, арендаторов меблированных комнат и других лиц, чтобы разместить или принять днем или ночью любых лиц в вышеупомянутых условиях, или дать им любую пищу или питание, под страхом примерного наказания.

Несколько трагических событий, зафиксированных в дневниках Пьера де л'Эстуаля, говорят о том, насколько опасными для безопасности горожан были эти дебоширы, *руфисты* и люди без признания, вывезенные из Парижа. Они всегда были готовы совершить преступление, лишь бы им заплатили. Подобно итальянским *брави*, они всегда держали в руке нож, а когда у них не было оружия, они пользовались жетоном, "который резал, как бритва", чтобы рассечь нос или разорвать щеки врага этим инструментом, которым они владели с большой ловкостью. (См. *Journal de Henri III*, под ред. месье Шампольона, р. 131.) В 1581 году Жан Левуа, советник парижского парламента, хотел отомстить своей любовнице, которая была женой прокурора Шатле по фамилии Буланже. Эта прелюбодейка, которую он публично содержал, вдруг решила исправиться и изменить свое поведение: она умоляла своего развратителя больше не беспокоить ее и сопротивлялась его попыткам еще больше вовлечь ее в порок. "Когда он был вынужден уйти, он обрушил на нее тысячу оскорблений, а уходя, назвал ее *шлюхой* и *хитрой женщиной*, пригрозив, что будет приставать к ней как к женщине своего ремесла". Вскоре после этого, в канун Пятидесятницы, когда бедная женщина была в поле со своим мужем, Жан Левуа в сопровождении нескольких бордосских

грубиянов настиг ее в укромном месте и, сбросив с лошади, приказал приведенным им отрубить ей нос жезлом. Жертва такого ужасного обращения подала в суд на советника Жана Левуа, который был вынужден уладить дело с истицей на две тысячи экю. После того как Руанский парламент оправдал его, мать виновного отправилась благодарить короля: "Не благодарите меня, - сказал ей Генрих III, - а благодарите плохое правосудие, которое есть в моем королевстве, потому что, если бы оно было хорошим, ваш сын никогда бы не причинил вам страданий". Руфины, изувечившие жену Буланже, несомненно, были менее удачливы, чем Жан Левуа. Именно такие руфины убили в 1576 году на улице Лавандьер капитана Ришелье, известного как Монах, "человека с дурной репутацией, известного своими мелкими кражами, грабежами и богохульством, к тому же великого руфиниста и любителя всех бордоских вин". Этот капитан, раздраженный шумом, который производили в соседнем с его домом доме мужчины и женщины с дурной репутацией, около десяти часов вечера бросил им вызов через окно, угрожая выгнать их из дома, "поскольку был недоволен тем, что они затеяли разбой и бордель так близко от его жилища, на его глазах и при его бороде". (*Journ. de Henri III*, p. 65.) В 1607 году другой дворянин, которого Л'Эстуайл не называет, был убит в парижском бордо сыном судебного пристава Рошфора, который поссорился с ним.

Этот последний факт, сообщенный Пьером де л'Эстуалем, советником короля и великим аудитором Канцелярии Франции, доказывает, что, несмотря на указы короля и полицейские постановления, парижские бордели, если и не разрешались, то пользовались скандальной известностью, что иногда приводило к их закрытию и изгнанию заблудших женщин и деградировавших мужчин, которые там обитали. Пьер де л'Эстуаль еще лучше характеризует странный беспорядок, царивший в то время в полиции нравов: "В среду 13 апреля 1611 года состоялось меркантильное собрание, на котором M. le premier président (de Harlay) triompha de discourir sur la nécessité de la réformation en tous estats et principalement sur les graves abus et corruptions de la justice et police de Paris, aus lesquels il estoit nécessaire de donner ordre et mettre la main, comme il délibéroit de le faire (mais j'ai peur que ce *faire* demeure en la proposition)". Он решительно высказался против "бреланов и бордо, терпимых публично и безнаказанно, и за то, чтобы их убрали". Что касается бреланов, то это было обычным делом и легко проверяемым, так как говорили, что в Париже их тысяча; но из них сорок семь были разрешены, известны и очень публичны, от каждого из которых гражданский лейтенант получал и получает каждый день по пистолету: это была большая берландиевская прибыль, не очень почетная по правде, но очень легкая и безопасная и исключающая возможность азартной игры". Если бреланы были разрешены в обмен на ежедневную плату гражданскому лейтенанту провиантской службы, очевидно, что бордо также платили за такое разрешение; но Л'Эстуайл не говорит об этом, и мы вынуждены предположить, что гражданский лейтенант получал по крайней мере один пистолет в день от каждого большого бордо, который при необходимости становился бреланом, так же как бреланы почти не отличались от бордо.

Л'Эстуаль добавляет: "Что касается парижского кларета, то я думаю, что мы могли бы с полным правом применить к этому городу изречение Стратоника, который, покидая Гераклею, оглядывался со всех сторон, чтобы убедиться, что его никто не видит, и когда один из его друзей спросил его о причине, по которой он это делает: На вопрос одного из друзей, зачем он это делает, он ответил: "Тем более что мне будет стыдно, если меня увидят выходящим из бордо", отметив в ответ разврат и пошлость, царившие в городе. И в самом деле, даже сборщики и изготовители айвы на улицах не пели и не кричали об этом громко, а клеветники двора и дворца (большинство из которых занимались этим ремеслом) говорили, что первый президент должен начать реформировать это в своем собственном доме". (*Mémoire et journal de P. de l'Estoile, sur le règne de Henri IV*, ed. by MM. Champollion, p. 661.)

ГЛАВА XLII.

Краткое содержание.- Великий поэт проституции Матурин Регнье.- Его эпикурейская философия.- Его характер и нравственность.- *Добрый естественный закон.- Импуасьон.-* Одно из его ночных приключений.- *Маврский дом.- Рассуждения старого макереля.-* Маделон и Антуанетта.- Масетта.- Уход к сеньору де Форкве.- Болезнь и смерть Регнье.

Мы исследовали физиономию проституции XV века в поэтах этого периода, и особенно в поэзии Франсуа Вийона, который не боялся бичевать свою музу, водя ее из таверны в таверну и представляя ей процессию *потерянных детей, плохих мальчиков* и девочек: Мы собираемся провести такое же специальное исследование поэзии начала семнадцатого века, особенно поэзии Матурена Регье, который, как и Вийон, рисовал картину проституции своего времени и не стеснялся посвящать некоторые свои произведения изображению ее развратных нравов. Вийон был бродячим школьником, жившим в самых постыдных кабаках и притонах; Регниер был почти придворным, почти дворянином, почти священнослужителем, который, увлеченный пылом своих страстей, иногда забывал свое имя, рождение и звание, чтобы инкогнито посещать самые отвратительные приюты общественного разврата. Вийон был привычен к моральной деградации. С другой стороны, для Регье это был, так сказать, каприз и прихоть плохого поведения; это было авантюрное стремление к эротическому удовольствию во всех его обличьях. Поэтому Регнье, покинув двор Генриха IV, где его гений поэта занял почетное положение, отправляется в отвратительные притоны, где тогда укрывалась свободная проституция, порожденная запретительными законами и различными мерами муниципальной терпимости.

Матурин Регнье, сын олдермена из Шартра, племянник поэта Депорта по материнской линии, постриженный в одиннадцать лет и предназначенный для священства, с ранних лет прикрепленный в качестве секретаря к кардиналу Франсуа де Жуазе, который увез его в Рим и держал там десять лет, не мог не поддаться либертинским наклонностям, которые привели его к самым скандальным расстройством. Невозможно сказать, была ли это поэзия, предрасполагавшая его к разврату, или разврат пробуждал в нем поэтическое вдохновение. Регнье, которого любовь "поседела раньше времени", в возрасте тридцати лет охотно признался, что его поэтический темперамент увлек его в поток эпикурейской жизни: именно этот темперамент, именно этот огонь, говорил он,

. который делает поэта пылким и горячим,
Подвластным своим удовольствиям, столь высоким мужеством,
Что он презирает людей и обычные вещи,
И, бравируя благосклонностью, насмехается над судьбой;
Что делает его непокорным, неистовым, обидчивым,
И голову он носит низко, и ум его на ветру,
Чтобы выплеснуть свою ярость над пропастями,
И больше, чем рассудку, подчиняться его прихотям.

Итак, он извинился за то, что *устроил свою молодость по-другому* и никогда не менял своего поведения, несмотря на то что его упрекали только в одном, и он не скрывал этого:

Это то, что мое свободное настроение любить отвергнуто!
(*Satyre V.*)

Других претензий к молодому Матурину не было, к тому же его украшали все качества сердца и ума, усовершенствованные и дополненные учебой, философией и миром. Однако его прискорбные привычки к распутству мешали его продвижению по службе, несмотря на большие дружеские связи, которые он приобрел благодаря обаянию и мягкости своей близости. Кардинал де Жуайез даже не осмелился добиться для него канонического сана или аббатства, и когда он оставил службу у этого прелата, чтобы стать секретарем при легате Филиппа де Бетюна, французского посла в Риме, он был так же беден и так же сильно влюблен, как и тогда, когда прибыл из Шартра под покровительство своего дяди, аббата Депорта. Все деньги, которые он заработал с тех пор, были потеряны в выгребных ямах проституции. Регнье изображает себя с наивностью и откровенностью, которые делают его портрет типом "*курьера из Бордо*" (см. сатиру VIII, адресованную маркизу де Кёвру). Он заявляет, что его любовь к женщинам настолько неистова, что у него не хватает сил и разума противостоять этой исключительной и доминирующей страсти: "У меня нет рассудка, говорит он,

чтобы управлять моей лодкой в этом восторге;
В пучину наслаждений несет меня течение;
Как лошадь с сильным ртом,
Я повинуюсь прихоти.".

Правда, он с восторгом предается этому пылу чувств; его вина добровольна; он доволен своим злом; он слишком счастлив, говорит он,

Чтоб быть, как я, повсюду влюбленным,
И, как тысяча причин побуждает меня любить хорошо,
Так и тысяча красавиц не ограничивает мою любовь;
И, бегая то туда, то сюда, Я каждый день нахожу
В новых предметах новые любви.

Регниер любит без выбора; ему подходят все женщины: и старые, и молодые, и уродливые, и красивые. Он придерживается необычного тезиса, что самое непривлекательное, самое отталкивающее существо все же может играть роль женщины в вечной комедии любви. Такова утонченность чудовищной и развратной чувственности! Из всех поэтов-эротиков, древних и современных, пожалуй, только Регниер произнес подобный парадокс:

Tant l'aveugle appetit ensorcelle les hommes,
Что женщина все еще должна пугать любовников,
Чтобы небо и Венера смотрели на нее с неохотой,
Toutefois, estant femme, elle aura ses delices,
Поднимет ее изящество искусством,
Которые в состоянии любви ее поддержат,
Et par quelques attraits les amants retenir.

Затем он, как знаток и убежденный человек, разрабатывает свою систему компенсаций в любви и приводит тайные достоинства, которые можно найти в женщине, чтобы компенсировать ее внешние недостатки и кажущуюся неполноценность; он соглашается с Овидием, когда встает на сторону даже глупых и невежественных:

Я верю, что когда дело дойдет до любви, она будет скудна,
И что природа, искусно скрывая ее недостатки,
Наделит ее всем необходимым остроумием.

Он считает, что эта дальновидная природа все так хорошо устроила,
чтобы ни одна женщина, ни уродливая, ни красивая,
жила бы, не сделав этого, и умерла бы девственницей.

Оправдав таким образом все недостатки женского пола, он возвращается к своей слепой и
неодолимой потребности повсюду испытывать силу своего недержания; он выражает
жестокость и пылкость своего темперамента с либидинозной яростью, которую мы находим
только у Ретифа де ла Бретонна полтора века спустя: это не любовь, это чувственность, без
деликатности, без сдерживания и без закона:

Но я весь - пламя, ночью и днем,
Кто дышит только огнем, дышит только любовью,
Я позволяю унести себя моей общей пылкости,
И бегу под разными ветрами разных судеб.
Увлекаясь своими предметами, я люблю так сильно,
Что нет у меня ни выбора, ни суждений о любви.
От всякого выбора душа моя лишена,
И ни один объект не ограничивает мой взгляд.
Каждая женщина мне приятна... ..

Невозможно быть более снисходительным к пороку. Понятно, что в своем постоянном
нетерпении к незаконным удовольствиям Регниер должен был иметь не одну неудачную
встречу, как для здоровья, так и для кошелька: отсюда все бедствия Венеры, которые
обрушились на него и переполнили его ранними недугами. Его покровитель, Филипп де
Бетюн, пришел ему на помощь, предоставив ему каноническую кафедру в церкви Нотр-Дам
де Шартр и пенсию в две тысячи ливров от аббатства Во-Серне, титулярным аббатом
которого был его дядя Депорт. Регнье, которому едва исполнилось тридцать, был уже
калейкой, страдающим подагрой и ревматизмом, полным отвратительных воспоминаний о
своих распутствах, и постоянно попадал в руки врачей, которые отчаялись его вылечить. В
нескольких своих стихотворениях он изображает печальное состояние, в которое его привел
так называемый *добрый закон природы*, которому он так нежно поддался:

Боль с ядовитыми чертами,
Как колючая одежда,
Схватила меня ужасной пыткой;
Мои прекрасные дни превратились в ночи,
И сердце мое, полное бед,
Ждет лишь погребения.

Одурманенный сотней различных зол,
Я шатаюсь и схожу с ума,
Так полна моя душа:
Мой разум полон ими,

И так мало осталось мне,
И все равно мне больно.

Но неистребимые страдания, которые он испытывал всем телом, мучительное лечение, болезненные операции, на которые он был обречен, - все это еще не было самым большим наказанием за его расстройства: иногда это был стыд за то, что он не мог вернуться на путь порока, который он проходил так много раз. В одной из своих элегий он в прекрасных стихах, достойных греческих и латинских эротиков, рассказывает об оскорблении, которое однажды пришлось вынести одной из его любовниц в качестве расплаты за то благоволение, которое она хотела ему оказать; он краснеет, обнаружив, что его способности так враждебны его желаниям; он негодует на себя:

Но что! Что будет со мной в глубокой старости?
ведь я в расцвете молодости,
И так устал! Не могу я, молодой и бодрый,
Вкусить сладость любовных утех?
Ах! Я краснею от стыда, несмотря на свой возраст,
Век мало сил и мало мужества!...
Я льщу обиде, но слава служит мне,
Моей бесполезной прошлой любви,
Когда, любя пылко и страстно, я любил,
Чем больше я боролся, тем оживленней становился;
Неутомимым воином в этом нежном упражнении,
Десять или двенадцать раз я возвращался к вшам.

Несомненно, эта неполноценность была временной и вызвана преходящими обстоятельствами; но Регье, льстившему себе, что он сможет любить "даже после смерти", было трудно оправиться от унижения, в котором он мог винить только злоупотребление удовольствиями и позорные болезни. Тем не менее, он снова искал свою судьбу на злосчастных улицах и возобновлял свою энергию в стихии проституции. Давайте проследим за его порнографическими экскурсиями издалека.

Однажды вечером, после нелепого ужина, на котором он неохотно присутствовал в качестве гостя и который закончился всеобщим сражением, он вышел из дома, не попросив света, и хотел вернуться к себе домой; но он жил далеко оттуда и плохо знал дорогу; к тому же ночь была самая темная, и дождь лил потоками. Он шел, удваивая шаг, вдоль домов, укрываясь навесами магазинов и кутаясь в плащ, когда сильно оступился "в плохом проходе". Он пытается ухватиться за стену, но под его рукой оказывается не стена, а дверь, которая не была закрыта и внезапно распахнулась. Он с треском падает на живот у входа в темный и вонючий переулочек:

Они спрашивают, что это такое: я встаю и захожу,
И, видя, что собака не лает по ночам,
Что смазанные замки не шумят,
Что смеются мне в лицо и что горничная
Хотела спрятаться вместе и показать свет,
Я есть, я вижу... Я говорю, они отвечают:
Où, sans fleurs de bien dire ou d'autre art plus profonde,
Мы пришли к соглашению. Я созерцаю мир,

и нахожу себя в месте с очень плохим примером.

Войдя в "этот почетный дом", чтобы приветствовать хозяйку, он развязал кошелек и положил монеты на стол. Когда горничная и экономка видят сияющего экю, они готовы услужить ему, тихонько бормоча: "Какой честный человек!" и спешат угодить ему как можно лучше. Но вот три старые ворчливые женщины подходят размеренным шагом и приседают перед очагом, где пылает маленький костерок с козьим сыром. Одна из них выглядит грозно и дерзко, как театральная Евменида; другая - дряхлая и морщинистая, как субботняя ведьма; третья - такая худая, такая желтая, такая прозрачная, что можно пересчитать ее кости. Эти страшные старухи, покрытые пластырями и язвами, стонут о своих недугах, завоеванных "на поле чести и добродетели"; у этой болят почки, у той - зубы, последняя жалуется на свои прижигания:

В общем, у них было всего два глаза,
все еще очень больные, красные и воспаленные;
Только половина носа, только четыре зуба во рту,
Которые в ветреный день виляют без прикосновенья.
В остальном же все было так, как угодно Богу.
В них здоровье не имело ни огня, ни места,
И каждая, отдельно от себя, представляла идола
Лихорадки, моровой язвы и орды (*ужасного*) вероломства.

- A. Racinet Fils, после Авраама Боссе.
- Drouard Imp.
- Бунтарь, Ск.

ПЛОХОЕ МЕСТО ПРИ ЛЮДОВИКЕ XIII

Таковы были отвратительные прохвосты, которые в то время эксплуатировали нелегальную проституцию и не переставали использовать ее в своих интересах. Регнье, "увидев это отвратительное зрелище", ужаснулся своему пороку и уже готовился удалиться, как вдруг:

. Из шкафа появилось маленькое сердечко,
С салфеткой, с кукольным лицом,
И сказало: "Я так боюсь этих людей надежды,
что если бы я не знала, что вы финансист,
Я бы скорее был распят.
Чем совать свой нос туда, где мне нечего делать.
Жан, мой муж, месье, он апологет?
Прежде всего, да здравствует любовь и отруби для сержантов!
Ардез! Воистину, это я! Я познаю людей:
Вы, я вижу, великий аббат,
Но, кроме того, вы честный человек и хорошо платите своим девушкам!"

Таким образом, среди женщин с дурной репутацией были и замужние, или, по крайней мере, они хвастались этим, чтобы придать себе значимости или внушить больше доверия шаланде. Но, сударь, - сказал *маленький сердцеед* с тысячей добрых слов, - разве вы не ужинали?

Заметьте, сколько времени? Ну, что вы думаете?
Не думаете ли вы, что нам следует спать вместе?

Регнье был весь в грязи до позвоночника и мокрый до нитки; все, что ему было нужно, - это постель, и все, чего он хотел, - это спать. Тогда *хозяйка дома* предложила отвести его в комнату, где он мог бы отлично выспаться; она показала ему дорогу и пошла вперед, все время рассказывая о двух дочерях, Жанне и Масетте, которые составили состояние ее дома:

Ей-богу, Жанна была чиста и непорочна,
Чиста, как ведро, чиста, как копейка;
К тому же, кроме месье, я была первой".

Это была Жанна, с которой Регниер познакомился раньше; но все хорошее, что о ней говорили, не побудило его к более близкому знакомству. Нам пришлось подняться по винтовой лестнице, чтобы добраться до места, где Регнье собирался переночевать:

Подъем был тяжелым и крутым:
До самого верхнего этажа все под нами шаталось.
С лестницы на лестницу, как ландыш в клетке,
Нам приходилось прыгать и цепляться ногами,
как коза, карабкающаяся по скале.
После сотни толчков мы попали в комнату,
в которой не было запаха мускуса, циветты или амбры:
Дверь была низкой и казалась калиткой,
На которой не было никакого замка, кроме крючка.

Как раз в тот момент, когда Регнье, согнувшись вдвое, собирался войти туда, он ударился лбом и сделал неверный шаг, в результате чего кувыркнулся назад, в низ лестницы, "на голову и задницу, считая каждый шаг". Он потащил за собой вниз бедную даму, с которой обращались еще хуже, чем с ним, и которая лежала, уткнувшись носом в пол, "без пульса и дыхания". На шум сбегались люди, принесли свет, подняли даму, которая ожила и стала кричать и бушевать против Жанны и Масетта, которых она обвиняла в том, что они причинили ей зло. Регнье, возможно, впервые в жизни, больше не думал о любви и жаждал лишь остаться в одиночестве, чтобы избежать нечистых соблазнов. Вооружившись свечой, он снова поднялся по лестнице и овладел грязной лачугой, отведенной ему в качестве спальни: кровати он не увидел, поэтому составил опись всех странных предметов, которые предстали перед ним.

Итак, в первом *пункте*, под ногами, я нахожу
Разбитый котелок, кошелек от часов,
Четыре коробки с благовониями, одна из них со жжеными квасцами,
два больших *несочетаемых* предмета, облупившуюся муфту,
Три колбы с синей водой, еще одна со второй водой,
Маленький шприц, губка, зонд,
Белая, немного красной, лоскутная ткань,
Подметальная тряпка для субботы,
Старый фонарь, соломенный стул,
Который был спасен от битвы на трех ногах;
Битый бочонок, две бутылки на ложке,
Который говорит без горлышка: "Мы слишком долго живем!
Маленький мешочек, полный ртутного порошка,
Старая засаленная салфетка из плохого красителя.....

Пока Регнье рассматривал эти жалкие и убогие обломки проституции, пришла Жанна, неся под мышкой достаточно вещей, чтобы обставить кровать, которая состояла из двери, поставленной на два хромы топчана и нагруженной соломенным матрасом; Жанна, которую только что отругала и побила ее *госпожа*, возместила ущерб, извергнув тысячу оскорблений против *этой мерзкой женщины* и жалуюсь на свое состояние:

"Кто здесь живет, моя вера, тот ничего не делает!
Каждое новое зло приносит нам новую беду;
Что же касается меня, то я не знаю, какой у меня здесь дом:
Клянусь Богом, здесь нет ни рабочего дня, ни праздника,
Чтоб эти плетни не разбили мне голову.
Так, так, так, я уйду, как только рассветет!
В Париже есть и другие дома любви!...
Всегда после ужина эти мерзкие крики!
Месье, не пора ли? Пойдемте спать, прошу вас!"

Говоря это, она расстилала постель, "черную, как шлюха", и *откидывала* простыни, слишком короткие и испещренные двусмысленными пятнами:

Бог знает, какие озера любви, какие фигуры, какие цветы,
из каких отделений и скольких цветов,
Усиливали их несуетность и наивную белизну,

Отбеленную в сиве (или в частной?), а не в прачечной!

Постель застелена, Жанна просит Регье лечь, и хотя он засыпает, эта ужасная кровать прельщает его не больше, чем предмет, с которым он там встретится; но девушка не дает ему передышки, она развязывает его носки, силой срывает с него пуловер. Регье все время сопротивлялся, "отрезая по честному", пока наконец не решил испить чашу. Он развязал туфлю, снял подвязку, медленно закончил раздеваться и с ужасом вступил на эти страшные простыни. Он пролежал там недолго, когда в уличную дверь постучали и позвали *Катрин*! Жанна потушила свет, чем, вероятно, привлекла внимание зазевавшегося прохожего; она не ответила, и никто в доме не произнес ни слова. Тогда стук усилился: стучали ногами и руками, трясли дверь, кричали, угрожали, клялись. Жанна тем временем *читает наставления* бедному Регье, обеспокоенному шумом; она упрекает его в том, что он не лег спать быстрее и потерял драгоценное время, которое уже никогда не вернет. "Да и зачем?" - говорит она ему угрюмо, - "что нам делать?". Люди, стучащие в дверь, не устают, но меняют мелодию и переходят от угроз к молитвам: больше не открывают. Тогда они подражают то королевскому сторожу, то сидящему или спящему; иногда они говорят как солдаты, иногда как горожане: "Откройте, клянусь королем!" На шум прибежал настоящий сторож, а собутельники по разврату убежали на соседние улицы. Наступило минутное перемирие, во время которого Регье соскочил с кровати и стал искать свою одежду, чтобы одеться; но чем больше он торопился, тем меньше продвигался вперед; он уже не мог найти разбросанные части своего костюма: вместо шляпы он взял савату; чулки он нашел, когда искал пурпур. Жанна не встает с постели; она уговаривает его привести себя в порядок, чтобы предстать перед часами, не подвергая себя опасности:

"Если мой друг Пьер будет сегодня на страже,
Нет, не волнуйтесь, вас не побеспокоят!"

На этот раз сторож ударил мастерски; изнутри крикнули: "Терпение!" и открыли окно для переговоров. Регье полуодет, он медленно выходит из комнаты, где его место вскоре займет другой; он спускается по лестнице, одна нога обута, другая босая. Он притаился в углу стены, как раз в тот момент, когда дверь в переулок открылась для патруля, который ворвался в дом, "в настроении", по его словам, "сделать нам довольно неприятную штуку". Его никто не видел, и он может сбежать, не сказав никому ни "добрый вечер", ни "доброе утро"; он устремляется прочь от этого головореза и долго бежит, не оглядываясь, пока не натывается на кучу раствора. Уже рассвело, когда он вернулся домой, "грязный, как свинья", поклявшись никогда больше не попадать в такую ситуацию, ибо, сказал он себе, ложась спать, "тот...

. кто, охваченный страстью, входит в бордель слепым,
когда выходит, у него больше глаз и острее взгляд.
Чем у аргонавта Линса и ревнивого Аргуса".
(*Samir IX.*)

Несмотря на все свои клятвы, Регнир был склонен лжесвидетельствовать и предаваться пороку, который он так любил. Все пути вели его обратно в притон проституции, где он так часто терял здоровье, кошелек и честь. В другой раз (см. "*Discours d'une vieille maquerelle*"), поссорившись с одним из своих друзей, которого он называл Филоном, он вообразил, чтобы забыть свой гнев, что отправится прямоком

В место с дурной репутацией,
где ни одна женщина никогда не говорила "нет".

Он вошел в дом в большом волнении и был огорчен, обнаружив там только хозяйку. Хозяйка, очень любезная старушка, улыбнулась и покачала головой:

. . . Простите! Из-за праздников
Из-за этого невозможно ничего найти;
Ведь каждый человек хорош собой:
И если я в душе обещал
Что в этот день не вступлю в богохульство,
То греха бы не совершил.
Но вы - наши друзья,
Парманенда! Клянусь вам,
Это необходимо, чтобы не оскорбить вас,
после того, как вы взяли на себя труд
приехать к нам из такой дали,
чтобы моя горничная послала
В Эску-де-Савоие.
Там, друг мой, одним махом
Мы найдем все, что вам нужно.

Камеристка получила приказ своей госпожи и побежала в "*Эску де Савоие*" - неприличный трактир, где всегда можно было встретить женщин доброй воли. Эта деталь из стихотворения доказывает, что трактиры, таверны и потогонные заведения были излюбленными местами для проституции в то время и что несчастные женщины, занимавшиеся позорным ремеслом, тайно запрещенным законами, постоянно находились в этих местах, где их привлекала компания развратных мужчин; но там не происходило ничего, что могло бы вызвать подозрения полиции, под контролем которой находились все общественные места. Однако на соседних улицах не было недостатка в развратных маклерах, которые предоставляли свои дома для тайного ремесла наемных любовных связей. Именно в домах этих старух, под их присмотром и заботой, бедные девушки, а зачастую и замужние женщины занимались проституцией, рискуя быть арестованными и заключенными в тюрьму как виновные в продаже своего тела. Следует, однако, сказать, что такие аресты были редки, а сержантам было приказано закрывать на это глаза. Жилище "*pourvoyeuses de bordeau*", как их называли, не было, строго говоря, плохим общественным местом, открытым для всех, и применение закона столкнулось с почти непреодолимыми трудностями в отношении такого рода *борделей*, которые не принимали "*filles de joie*", или людей без признания, и которые служили, так сказать, нейтральной почвой для проституции. Возвращаясь к Регье, которого мы видели входящим в один из этих позорных притонов, отметим, что, поскольку горничная не могла вернуться в течение доброй четверти часа, хозяйка попросила его сесть и начала сыпать словами, чтобы он не думал, что время затягивается. Попытавшись завязать разговор, в который поэт категорически отказался вступать, нетерпеливый от ожидания и смущенный тем, что оказался на таком приеме, она принялась пересказывать от точки к точке свою историю, правдивую или ложную, которая, в конце концов, была не более чем реминисценцией поэмы "*Извращенная куртизанка*" Жоакима Дюбеллея. Этим рассказом, который Регье слушал только одним ухом, она пыталась сделать его более терпеливым. Она рассказала о своих многочисленных любовных

похождениях, начиная с того времени, когда ее мать продала три или четыре раза девственность, которую сначала отнял у нее любовник; она не скрывала, что научилась своему нечестному ремеслу, торгуя собой, так же как теперь торгует другими, не имея возможности, теперь уже старой и сухой, продолжать свой образ жизни; но она хвасталась, что она искуснее всех своих сверстниц и что у нее лучшая клиентура в Париже:

Я продаю свечи:

Нет ни одной верной, которую можно было бы увидеть

В таком состоянии, как я.

Я хорошо знаю, что умею делать:

Я не могу любить молодежь

Которая хочет иметь слишком много изящества,

Ибо лучшие из придворных

Не скрывают от меня своей любви.

В церковь часто ходит тот.

Чьи причуды я знаю;

Та, что хочет отринуть свой грех.

Говорит, что причащается;

Но мне это указано:

Она должна быть причащена

Друзьям ее, с помощью моей,

Как Елена троянцу.

Старуха уже дошла до этого момента в своих откровениях, когда перед домом, дверь которого оставалась приоткрытой, прошел следователь; сопровождавший его сержант толкнул дверь и вошел. Регнье успел уйти только через другой известный ему выход и скрылся в соседском доме,

Наполовину инжир, наполовину виноград,

не печалась и не радуясь тому.

Что не нашел свою добычу.

Регнье, который со своими блуждающими аппетитами посещал все дурные места города, в своих стихах не сделал ни одной попытки поднять из их ничтожества несчастных женщин, которых он часто посещал для своих удовольствий и которых он, несомненно, презирал больше, чем кого-либо другого. И все же выражение этого презрения можно найти только в этой единственной строке:

Si moins qu'une putain on estimoit ma muse!

(*Сатира IV.*)

Следует также отметить, что в его стихах, в которых он не стеснялся широкими мазками изображать распущенность нравов, имена скандальных спутниц его развратной жизни не выставляются с той бесстыдной показностью, с которой поэты его времени рассказывали в своих произведениях о своих любовных похождениях, какими бы они ни были. Регниер достаточно уважал себя, чтобы не воздвигать поэтический алтарь бесчестным существам, которых он рассматривал как материальные орудия порока, а не как печальные жертвы страстей. Он назвал только Маделон и Антуанетту в двух эпиграммах, одна из которых просто

непристойна, а другая хорошо характеризует женщину дикой жизни, откровенный и дерзкий тип Проституции; вот они:

Магделон - это не сложно,
как и многие красивые женщины:
Буржуа и бездомные,
Не особо торгуясь, делают с ней:
Любой, кто захочет ее.
По этой причине она говорит следующее:
Нужно быть шлюхой во всем,
Или не быть вовсе.

Поэт как бы набрасывает вуаль жалости и забвения на несчастных женщин, которые слишком часто были невиновны в своих ошибках, заказанных недостойной мачехой или подсказанных отвратительным сутенером. Но он не прощает, с другой стороны, посредников разврата, этих деградировавших старух, этих лицемерных приверженцев, которые, не имея больше возможности жить за счет своей увядшей красоты, все же получали позорный доход от проституции, развращали молодых девушек, отвлекали женщин от их обязанностей и показывали себя непримиримыми врагами скромности своего пола. Именно Регнье нарисовал восхитительный портрет Масетт, женщины-тартуфа, чей аналог Мольер, несомненно, хотел создать в своей комедии *"Тартюф"*. Сатира *Масетт* (а под этим пресловутым именем мы должны узнать одну из знаменитых куртизанок конца XVI века), возможно, была не более чем личной мстью, но она считалась произведением добродетельного негодования против куртизанок любви, Регнье, как бы он ни был развратен, благодарили за то, что он был энергичным выразителем мнения честных людей об этих отвратительных развратницах, которые бесконечно множились и повсюду распространяли яд своей испорченности.

Знаменитая Масетта со своим знаменитым двором,
которая, занимая почетные места, поддерживала свой авторитет,
И которая в течение десяти лет, до последних дней своей жизни,
Держала приз в фехтовании любви;
Устав, наконец, служить народу в качестве квинтета,
Не будучи ни летчиком, ни солдатом, ни капитаном,
От самого дерзкого до самого свирепого,
Чтоб не ослабилась и не оскалила зубы,
Усталая, говорю, и не пьяная, наконец, удалилась.

Эта куртизанка, не знавшая иного рая, "кроме рая своей постели", с головой ушла в набожность и демонстрирует ослепительное раскаяние в своих ошибках; она одевается без искусства, постится, молится, посещает церкви и монастыри, носит четки и благословенные бусы, ее больше не волнует ничего, кроме благочестивых дел: Ее постоянно можно было встретить коленопреклоненной и расprostертой перед алтарями, плачущей, как Магдалина, и бьющей себя в грудь; она была блаженной женщиной, святой, которой все восхищались и чье уродливое прошлое было скрыто за притворством строгого покаяния. Регнье, помнящий деяния этой великой грешницы, очень сомневается ее обращении и не позволяет себе поддаться видимости. Однажды, только что приехав в дом девушки, где у него было свое увлечение, он был не мало удивлен появлением этой старой совы, которая "вошла медленным, сдержанным шагом, со скромной речью и сдержанными глазами" и

приветствовала красавицу "Ave Maria". Регнье успел спрятаться за дверь, никем не замеченный: из своего укрытия он все слышит и внимательно слушает речи святой нитушки, которая после банальностей назидательной морали нагло обрушивается на цель своего визита, говоря девушке, что, "будучи красивой, она должна иметь красивую одежду". Масетт знает богатого человека, который любит бедную невинную девушку и готов пойти ради нее на любые расходы: поэтому ей дадут, когда она захочет, красивые шелковые одежды, жемчуг, рубины и все остальное, что служит для того, чтобы подчеркнуть женскую красоту. Хозяйка Регье с изумлением выслушивает странные советы, которых она никак не ожидала от этой отвратительной развратницы, бесстыдно излагающей ей всю доктрину проституции. Что такое честь "старой святой, которую больше не любят?".

Мудрая женщина знает, как ее продать, а глупая - отдать.

Коварная советчица уже не останавливается на этом постыдном поощрении разврата; она бессовестно раскрывает ужасные тайны своего блуда; она все свое мастерство и все свое красноречие, чтобы извратить эту молодую девушку, которая хотя и не была послушницей, но еще не была опытной проституткой; Она срывает с себя маску благопристойности и лицемерия, чтобы показать себя такой, какая она есть на самом деле, ослепить и очаровать жертву, которую она хочет потерять, научив ее обогащаться за счет бесчестия. Дочь моя, - сказала она ему своим самым ласковым голосом:

Нет, нет, занимайся любовью и продавай любовникам
Твои приветствия, поцелуи и объятия.
В этом сладком горе - слава, а не позор",
От приобретений ее ложа увеличивать ее владения.
Продавайте эти милые взгляды, эти притяжения, эти призывы:
Продайте себя, но не сдавайтесь.
Держите себя в руках, сохраняйте откровенность;
Бери все, если можешь, никогда не бери...
Берись всеми руками, дочь моя, и помни.
Что прибыль имеет хороший вкус, откуда бы она ни пришла.
Оценивайте своих любовников по их доходам:
Кто больше всех дает, тот пусть будет лучшим.
Оставляй шахту в стороне, остерегайся суммы:
Богатый негодяй лучше бедного джентльмена.
Я сужу о людях не по тому, что они собой представляют,
а по прибыли и добру, которые они мне приносят.
Когда деньгами меряются, не отличишь
Слугу от хозяина.
Деньги кордон-блю ничем не отличаются
чем у портнихи или помощника каменщика...
Все эти прекрасные самодовольные люди, которыми засеян двор.
всего лишь триаклеры и продавцы дыма;
Они красивы, накрашены, с красивой бородой на подбородке:
Но когда им приходится платить, к черту тестон!
И делают так, что умирают, и душу захватывает,
Они думают, что вежливость им причитается ни за что.
Но это для их хороших носов! Колодец не общий;
Если бы у меня была сотня, у них не было бы ни одной...

У тех, кто делает это в кредит, мало средств:
У вас есть друзья, но мало денег в кошельке.
Возьмите этих аббезов, этих сыновей финансистов,
чьи отцы-ростовщики на протяжении пятидесяти лет
Воруя всеми руками, вложили в свою семью
Больше денег, чем у короля в Бастилии.
Вот где ваша рука может нанести большой удар.
Я знаю этих людей, которые тоскуют по тебе;
Ибо, будучи столь юной, в своей совершенной красоте,
Вы не можете знать всех ударов, которые вы наносите,
И штрихи твоих глаз, высоко и низко брошенных,
Красавица, не видишь всех, кого ранишь.
Ко мне приходят жаловаться те, кто не смеет вам сказать!...

Регнье, которого этот мерзкий Масетт хотел уволить в пользу того, кто дорого заплатил бы за это место, не смог сдержать гневного движения, и старуха, обернувшись на поднятый им шум, заметила присутствие свидетеля, которого она так боялась. Она тут же подняла кресло и поспешно вышла, сказав полупшепотом: "Увидимся завтра". Прощай, добрый вечер, дочь моя!" У поэта возникло искушение отомстить собственными руками этому врагу его любви и счастья; но он не хотел, конечно, заставлять свою хозяйку краснеть, доказывая ей, что он слышал прекрасный совет, к которому она не должна была прислушиваться. Он проклинал старую сваху, обвинившую его в том, что он навеивает дурные мысли, и решившую отнять у него сердце любовницы. Это сердце, когда-то простое и нежное, благородное и великодушное, теперь было запятнано помыслами о пороке и уже склоняло к проституции. Масетт одержал верх над Регье, который, опустошенный и взбешенный тем, что его вытеснил соперник, чьи деньги были всем его достоинством, заклеил своими кровавыми стихами отвратительную старуху, которую демон похоти отправил в посольство к бедной, честной девушке. Вот несколько строф из "*Оды к старухе*" (*Ode sur une vieille maquerelle*):

Блуждающий дух, идолопоклонническая душа,
Вероломное тело, покрытое гипсом,
Ослепленное развратной повязкой;
Великая нимфа с арлекином,
Которая разбила все эсхины
На мостовой бордо!...

Я хочу, чтобы тебя везде называли
Волчица, стерва и жестокая медведица,
И здесь, и за горами;
Я хочу, чтобы они добавляли:
Здесь великий дьявол сражается
Против ада и дьяволов.

Я хочу, чтобы они кричали на улице:
Люди, остерегайтесь журавля,
который разрушает все маяки,
Спрашивая, приключение ли это
Или следствие природы,

Чтобы рождались колючки.

Из сотни гвоздей она была сформирована,
И затем, чтобы оживить,
Ее натирали зыбучим серебром:
Железо было первым материалом,
Но лучше был последний,
Что сделало ее задницу такой старательной.

С тех пор, чтя свою родословную,
Она показала прекрасный дом
Из грязи и наглости;
А потом, от избытка пламени,
Она произвела дочерей и жен
На ниве своей похоти...

Беззубая старуха, великая алебарда,
Старый горчичный бочонок,
Великий морион, старый разбитый горшок,
Постельное белье, рог для фонаря,
рукоятка палки, тело гитерны,
Почему вы еще не *в темпе*?

Все вы, кто, умны от природы,
Хотите увидеть картину,
Идите к палачу;
Ибо, если его не трогает непостоянство,
Он покажет ее на виселице
Или в комнате бордо!

Месье Регье увековечила имя Масетта, которое с тех пор стало синонимом слова *maquerelle*, еще не отвергнутого письменным и устным языком в лексиконе залов. Поэт еще не был мудрым, несмотря на неудачный исход его любовных похождений, несмотря на ранние недуги, несмотря на преждевременную старость. Однако если он и сохранил прежнюю страсть к женщинам, то уже не искал их в тех же местах; он избегал гибельных мест, лучше заботился о своем здоровье, уже не бежал слепо к удовольствиям, как раньше, говорит он,

Когда моя юность, слишком пылкая в любви,
Делала мою душу буйной от привязанности,
И со всех сторон, без выбора и причины,
Я, как ищейка, гнался за олениной".

В послании к сеньору де Форкево, который, как предполагают, не является псевдонимом сеньора д'Эстернода или Детернода, он с цинизмом, не лишенным наивности, развивает свою новую теорию любви; он по-прежнему испытывает явное отвращение к прекрасным

дамам; его не интересует "служить, держа шляпу в кулаке"; он больше не хочет быть всегда у весла, как каторжник; он предпочитает следующее

..... Молодая девушка
Она уже давно умеет управлять гилетой,
Кто жив и пылок в любви....,
Величие в любви - невыносимый порок,
А тот, кто высоко служит, всегда несчастен:
Лишь бы быть свободным, да при деньгах,
На рынке любви купить хорошее время,
И, по цене общей, выбрать маршандиза.....

М. Виолле-Ледюк в своем издании Регье (Париж, P. Jaunet, 1854, in-18) справедливо говорит об этом послании: "Было бы так же трудно оправдать Регье за выбор темы, как и за то, как он к ней отнесся. Это произведение может лишь создать очень плохое мнение о его деликатности и нравственности".

Регье чувствовал себя старым, а ему не было и сорока лет; к тому же он стал опасаться предстоящего риска и охотно оставил в наследство своим преемникам, "милым, по его словам, слепым в этой игре".

Весенние бутоны и другие цветы,
которые собирают в саду милых амуреток.

Он ненавидел аптекарские снадобья, ртуть, eau-forte, gayac water и потогонные средства, лишившие его сил; он был калекой на одну руку и одну ногу; "как моряк, спасшийся от бури", он поклялся никогда больше не выходить в море проституции и мечтал о счастье безопасной и мирной торговли с *простой хозяйкой*. Но осуществить эту мечту он смог только после того, как покинул руки своих *реформаторов*. Регье, - сообщает Таллеман де Рео в "Истории Депорта", - умер в возрасте тридцати девяти лет в Руане, куда он отправился лечиться от веролечения у человека по имени ле Соннер. Когда его вылечили, он захотел дать своим врачам что-нибудь поесть. Там было новое испанское вино, которое ему дали выпить из снисходительности: от него он заболел плевритом и умер через три дня (22 октября 1613 года)". Этот великий сатирик, каким бы развратным он ни был, был не менее любим и воспет современниками, и никому не пришло в голову упрекнуть его в вольности поэзии, которая не была столь свободной, как у Сигонне, Детернода, Мотена и Теофиля. Хотя Регье можно поставить во главе поэтов "Проституции", следует помнить, что в его время, как отмечает М. Виолле-Ледюк в своей "*Истории сатиры во Франции*", "одно только название "*сатира*" означало непристойное произведение". Строгий Буало не учитывал нравы и обычаи того времени, когда говорил о Регье в "*Поэтическом искусстве*":

Heureux si dans ses vers, pleins de verve et de sel,
Он не часто водил муз в бордель,
И если смелый звук его циничных рифм
Он не часто тревожил благоразумные уши!

Но, чтобы не навлечь на себя упрек, который он адресовал кантору *Масетта* и *Мове*, он, ослабив выражение первых двух строк, усовершенствовал их, не изменив, однако, ничего в том суждении, которое он вынес своему господину в сатире:

Счастлив, если речи его, которых боится целомудренный читатель,
Не пахли местами, посещаемыми автором!

ГЛАВА XLIII.

Резюме.- Подражатели Регье.- Сьер д'Эстернод и его *Эспадон*.- Неплохая судьба сатирика.- Паранимфа из жизни.- *Красавица Мадлен*.- Сьер де Курваль-Сонне.- *Порицание женщин*.- Советы куртизанке.- *Упражнения этого времени*.-Бал.-Променад.-Дебауше.-Процесс Теофиля Виауда.-Список сатирических стихов.-*Сатирический Парнас*.-Месть П. Гарасса и джезуитов.-Ответы против Теофиля.-Новая юриспруденция против скверных книг и непристойных разговоров.

Матурин Регнье был не единственным поэтом этого периода, нарисовавшим яркую и откровенную картину проституции. Большинство поэтов его современников и подражателей не боялись позориться, посещая кабаре и дурные места: вполне естественно, что их постыдные нравы нашли отражение в их произведениях. Более того, поэзия, наиболее ценимая в то время читателями из лучшего общества, предпочитала форму и тон сатиры, даже если она не носила названия сатирической. "Авторы и, вероятно, публика, - пишет М. Виолле-Ледюк в своей *"Истории сатиры во Франции"*, - были тогда ложно убеждены, на основании плохо выполненных или плохо направленных исследований, что стиль сатиры должен соответствовать предполагаемому языку *сатиров*, развратных божеств греков". Отсюда непристойность или, по крайней мере, заурядность большинства сатирических стихов. В наши намерения не входит поиск среди поэтов школы Регье всех сведений и любопытных черт, которые можно найти в них, относящихся к истории общественной морали начала XVII века; мы лишь хотим выбрать из нескольких сборников сатир, опубликованных в это время, различные картины нравов, которые дополнят ту, которую Регье рисовал с натуры в своем *"Macette"* и *"Mauvais gîte"*. Эти новые отрывки, заимствованные из редких и малоизвестных книг, по-новому воспроизведут подвижную физиономию Проституции, хотя в сатирах, которые мы только что рассмотрели с этой точки зрения, мы всегда можем распознать явное намерение с выгодой бороться с автором *Macetta*, обращаясь к скабрёзной области его либертинского гения.

Сьер д'Эстернод был первым, кто появился с очень слабым, но замечательным подражанием *Макетту*, которое вызвало столько оваций, что не давало спать по ночам всем поэтам. Клод д'Эстернод или Детернод не был, как считалось, псевдонимом Франсуа де Фуркево, друга Ренье; он был добрым дворянином из Салинса, который обратился к Музам только после того, как провел свою молодость в военной карьере: поэтому на его поэзии сказались суровость и развязность его первой профессии. Хотя он был губернатором замка Орнан в Бургундии, эта военная должность давала ему достаточно досуга, чтобы приезжать в Париж, где его связи с поэтами часто приводили его к разврату; но, хотя эти поэты были в основном атеистами или *эпикурейцами*, как Теофиль и Бертелот, он продолжал сочетать свои развратные нравы с большим благочестием и почти фанатичным рвением к религии. В одной из частей своего *сатирического "Эспадона"*, впервые напечатанного в Лионе в 1619 году, д'Эстернод с жестокой и солдатской энергией презирает "лицемерие женщины, которая притворяется верующей, а на проверку оказывается шлюхой". Эта женщина, которую он не называет, была одной из тех, кто прикрывает свои пороки маской добродетели и пользуется таким же уважением в мире, как и должен был бы презирать их, если бы знал, каково их

поведение. Тогда таких лицемеров было гораздо больше, чем сегодня, и д'Эстернод не обманулся их уловками и ложью:

И такова будет проповедь, пока светит нам день,
Что я видел в кларете всю ночь напролет.
А я знаю еще одну такую же муку,
Который лаис и делает Полину.

Он дает нам портрет этой развратной женщины, которая "играет в благочестивую девушку, чистит бомжей", раздает милостыню, когда знает, что ее видят, говорит только о святой воде, индульгенциях и юбилеях, постоянно пересчитывает четки и, кажется, не думает о суете мира или о делах сатаны. Однажды вечером сеньор д'Эстернод вышел из дома, "мрачный, печальный, задумчивый" и с пустым кошельком; таков был предмет его печали, ибо азартные игры не оставили ему *и шести экю*.

За тех, кто когда-то подарил мне свой грипп.

Так он и шел, сгорбившись, как старик, и размышляя о нехватке денег, которая не позволяла ему пойти туда, где за все заплачено. Он шел наугад, почесывая свой парик, не представляя себе честного способа найти деньги или обойтись без них. Вдруг он услышал воров, и, чтобы избежать их, хотя ему нечего было терять, кроме пальто, он нырнул в темный переулок, и спрятался под навесом одного из домов. Над его головой открывается окно: он отпрыгивает в сторону, "боясь запаха амбры",

и быть надушенным каким-нибудь горшком".

Но горничная окликает его сверху: "Эй! Господин! Я вдруг открою вам дверь!". Он не отвечает, так как предполагает, что обращаются не к нему, и уже собирается незаметно уйти, как дверь открывается, и горничная говорит ему низким голосом: "Входите, сударь, без огня и свечей?" Он уже не сомневался, что его принимают за кого-то другого; он колебался, стоит ли продолжать это приключение; но, едва он отошел, его втокнули в переулок, и дверь за ним закрылась. Он смирился и позволил подвести себя за руку к кровати *мадам*, которая ждала его или, по крайней мере, другого человека между двумя простынями. К нему обратились, как к старому знакомому: он зашел слишком далеко, чтобы повернуть назад, и лег, не сказав ни слова.

Сьер д'Эстернод начал жалеть, что не попросил прикурить, так как у него возникли ужасные подозрения относительно возраста его таинственного спутника. Наконец, убедившись, что имеет дело с беззубой старухой, он решил выйти из игры; он резко встал и не извинился за свою грубость. Старуха, удивленная и возмущенная такой процедурой, закричала, позвала Жаклин и приказала зажечь свечу. Она спряталась под одеяло, увидев д'Эстернода, который никогда не встречался с ней в таких выражениях и который снова смеялся над своей преданностью проповеди. Какой дьявол, Боже мой, привел вас, - горестно воскликнула отчаявшаяся старуха.

-Моя проклятая судьба,
Кто хотел, чтобы я узнала, что ты лицемер!"

Они огорчены; они умоляют его быть осмотрительным, не терять честную женщину, которую он может обесчестить; он успокаивает ее и одновременно насмехается над ней:

. Мадам, не бойтесь,
Пусть ваша тайна останется на мое усмотрение,
Ибо моя честь привержена ей больше, чем ваша.
Не думаете ли вы, что я какой-то разъяренный дьявол?

Несмотря на эти прекрасные обещания, он заставил их заплатить за свое молчание и не выходил из дома, пока не получил десять экю за свои услуги. У него даже не хватило скромности уточнить, что он раздаст деньги бедным! Неблагоприятный исход этого приключения не дает нам возможности составить лестное мнение о нравственности сьера д'Эстернода, который не спешил обнародовать свою печальную удачу. У нас есть основания полагать, что он даже не скрыл имени дамы, ибо написал *paranymphe* этой старухи в стихах, чтобы вознаградить ее за *добрую услугу*, которой он был ей обязан:

Короче говоря, я вам очень многим обязан,
Старуха, прекраснее дьявола,
За то, что ты занималась со мной любовью,
Что будешь ты моим констеблем,
И посажена за первый стол.
Если когда-нибудь я стану королем.

И пусть я стану королем,
За мигрень, за хирагр,
Запрещено обижать вас!
И, после смерти филантропа,
Два праха, в литаврах,
Вас прямо на небо вознесут!

Этот сьер д'Эстернод, дебютировавший в поэзии с солдатской упряжью на спине, сохранил в своих манерах и языке всю грубость своей прежней профессии; он не считался с кошельком, когда хотел купить новый плод на рынке проституции. В горьких и ядовитых стихах он отомстил женщине, которую называл *прекрасной Мадлен* и которая отказалась продать себя за пятьдесят пистолей. Из некоторых отрывков пьесы можно заключить, что эту женщину держали, как говорили, для уст великого господина, и что *старые жрицы* или сутенеры, обнаружившие ее в одной из бресских деревень, обещали сделать с ней хороший бизнес. Как бы то ни было, они внимательно следили за ней, и сьер д'Эстернод тщетно стучал в дверь. Взбешенный таким сопротивлением, он излил свой гнев в стихотворении, выхваченном из угла дурного места; он обрушил на несчастную женщину, которая больше не хотела его принимать, ругательства, подобранные в потоках воды; он изобразил ее старой и дряхлой, покинутой своими любовниками, "неряшливой, пыльной, угрюмой", сожалеющей о своей безумной жизни, со злобой вспоминающей о выгодных сделках, от которых она отказалась и никогда больше не найдет:

Вот мои слова, обращенные к вам:
"Где пятьдесят пистолей.
Которые мне когда-то подарили?
Лас! Где румяные розы?

Почему я не взяла за уши
Волка, когда он остановился!"

Старость беспутных женщин, несомненно, была не слишком почтенной; д'Эстернод всегда был непреклонен в этом вопросе. Особенно немилосердно он относился к старым грешницам, которые, вместо того чтобы исправлять ошибки молодости, все еще пытались обмануть любовников ложью своего туалета; ему доставляло удовольствие высекать их плетью сатиры,

Эти усталые девы
Склонившие лбы, ожесточившие груди,
Прикрывают грудь, и кожа их морщится,
Подравнивают брови, волосы пудрят,
Красят щеки, инкрустируют лица.

Д'Эстернод взял за образец Регье, а также поэтов таверны и бордо, своих друзей и подражателей; та же праздная и изнуренная жизнь должна была породить ту же поэзию; но от Регье до д'Эстернода было все расстояние, которое отделяло Париж от замка Орнан. Автор "*Сатирического эспадона*" не преминул столкнуться в подозрительных местах с теми постыдными болезнями, которые всегда были спутниками разврата. Следуя примеру Регье, он не постеснялся прославить свое злоключение в стихах; но Регье далеко не на высоте в этой вульгарной оде, в которой он проявляет пылкость, которую поэту следовало бы лучше использовать. Сьер д'Эстернод обладал грубой откровенностью солдата; он использует ее, чтобы обличить перед публикой черную овцу, которую он хотел изгнать из лона проституции. Он не раскаивается в том, что жил в беспорядке, но обвиняет себя в том, что доверился негодяю, который "тысячу раз надевал митру" на перекрестках. Он кричит, неисправимый распутник:

Разве я не истинный жокрей,
Чтобы удовлетворить свои любви!

Мода того времени была на сатиру, и сатирики, не утруждая себя тем, чтобы заставить своих читателей краснеть, не забывали среди всех пороков преследовать разврат и порицать проституцию.

Один из таких сатириков, Томас де Курваль-Сонне, был маленьким нормандским бродягой, который, приехав из Вира в Париж во времена правления Марии Медичи, чтобы изучать медицину, начал писать стихи против столичных нравов. Чтение его стихов, в которых он показывает себя одушевленным ненавистью к злу так же, как и любовью к добру, дает нам очень почтенное представление о его характере и чувствах, несмотря на тривиальные выражения и циничные образы, которыми наполнены его произведения, посвященные королеве. Таков был вкус века, и язык самих придворных казался заимствованным из "*Курса чудес*". Следует, однако, сказать, что Курваль-Сонне не жил в грязи, как большинство его коллег-сатириков; можно утверждать, что он вел очень регулярную жизнь и никогда не пачкал себя в грязи дурных мест. Его первый сборник, вышедший в 1621 году (*Париж, Rolet-Boutonné, in-8°*), свидетельствует о некотором отвращении и недоверии, которые автор испытывал к женщинам вообще. В сатире VIe, озаглавленной "*Порицание женщин*", он рисует довольно непривлекательный портрет представительниц прекрасного пола, который он осыпает градом оскорбительных метафор:

Ад наших умов, рай наших глаз,
Рассвет всех бед, гробница вялых,
Чистилище для тяжелых кошельков,
Repurgées et netyes (*sic*) aux flames plus ardentes
И к горячим печам этого амурного пола.
Который прямо в больнице делает мужчину нищим.

Сеньор де Курваль-Сонне, выступая в роли врача, хочет исправить развратников, рисуя картину материальных разрушений, которые слишком часто наносит любовная женщина лицу своего сообщника:

Она портит цветок зеленой юности,
Она уродует красоту и ускоряет старость;
Она морщит кожу, делает лоб мучнистым,
Она желтит наш прекрасный цвет лица, осыпает его и делает чешуйчатым:
Я имею в виду, когда это ремесло практикуется в избытке,
В развратном кларете, с публичной женщиной.

Поэт всегда может сделать ограничение, заявить, что он полон уважения к добродетельным дамам, но обращается только к женщинам дурной морали. Однако, по его словам, проституция была распространена повсеместно, и величайшие дамы не гнушались *заниматься этим ремеслом*. Любовную женщину он сравнивал с лодкой, на которой человек спускается по реке молодости:

Даже если ялик, баркасо или гондола,
служил только одному мужчине! Но этот неверный пол,
Непостоянный и легкий, часто бросает себя
Первому, кто попросит пройти по течению
Амурных наслаждений... ..
Точно так же мы видим множество хороших торговцев,
служа лодкой, становятся наемниками,
И выставляют свою честь, как говорится, на торги,
Чтобы выиграть костюм или богатую смирительную рубашку,
Кошелек в ремесле, ганды в вышивке,
Кольцо, ошейник и прочую храбрость.
Из их лавки не выходит ничего, кроме подлости,
И редко когда шлюха приносит пользу!

Но Курваль-Сонне тут же изменил свое решение; он боялся, что оскорбил всех женщин, раскрыв расстройства нескольких, и поспешил загладить свою вину перед ними. Вот как он уточняет свои эпиграммы, которые имели слишком общую направленность и, казалось, относились ко всему полу:

Эта речь обращена только к порочным женщинам!

Под *порочными* поэт подразумевает женщин дурной морали, которым безразлично, как они зарабатывают тестон или экю,

лишь бы пощеголять и быть на виду
В самых частых местах, где известны,
Например, в церкви, на балах и роскошных банкетах,
Турниры, кольцевые гонки и театральные игры,
На шествиях, собраниях и деревенских праздниках,
Где они могут свободно играть свои образы,
С накрашенными лбами, чтобы насмехаться над красотками.
И ловить в свои сети все новых и новых рыб;
Или эти шлюхи, как вне дома, так и в браке,
Которые, богатые средствами, содержат по найму
То прекрасного Адониса, то придворную лилию,
Чтобы доставлять им удовольствие и пьянить их любовью,
Который иногда прячется в переулке
Ликта, всегда начеку, в страхе и в мозгах,
Не кашляя и не сплевывая, боясь быть обнаруженной
То ли ревнивый муж, то ли прикрытый любовник.

Таким образом, в этом "*Порицании женщин*", которое не так хорошо, как знаменитая сатира Буало на ту же тему, сеньор де Курваль характеризует прежде всего два вида проституции, которые были очень распространены в то время: проституцию женщин и проституцию мужчин, обе из которых не имели другой цели, кроме как обеспечить содержание туалета этих гнусных ремесленников разврата. Женщины, чьи амбиции не идут дальше тестона или эку при каждом завоевании, проституируют себя с каждым, кто может им заплатить; презренные мужчины, выполняющие более или менее ту же самую жалкую работу, однако, проституируют себя только с тем, кто им платит или их *содержит*. Роль галантов такого рода не ограничивается тайным удовлетворением жестоких страстей нескольких старых распутников: покладистый наемник, приставленный к услугам порочной женщины, все равно должен был водить ее на балеты, заставлять танцевать и отвозить домой, чтобы получить:

... Шелковые чулки или атласные костюмы,
кружевной платочек, вышитый шарфик.

Так что именно за счет своей *возлюбленной* галантный

... храбрится и содержит себя
В очень пышных одеждах, не платя денег.

Можно ли представить себе, что сборник, написанный в таком стиле, был посвящен королеве-матери, этой Марии де Медичи, которую, хотя она и была итальянкой, никогда не упрекали в малейшей распущенности нравов? Можно ли представить себе, что сеньор де Курваль, гордившийся тем, что он джентльмен хорошего воспитания, ввел в свои нравоучительные поэмы грязный жаргон района Бордо? Его оправдание в том, что язык честных людей еще не сформировался, и самое непристойное слово имело право на свое место даже в проповеди, а тем более в поэзии, которая использовала свои старые привилегии, осмеливаясь говорить обо всем.

Сьер де Курваль-Сонне часто преувеличивает, форсируя линии и перегружая цвета, когда, например, показывает нам жениха и невесту, которые тянутся каждый в свою сторону, и

размещаясь наугад, в кларете, в эстапо,
Чтобы деньгами облагодетельствовать Неаполитанское королевство;

Но он не отступает от границ самой скрупулезной правды, когда мастерски изображает куртизанку, которая была знаменита и которая, состарившись, собирается вернуться к своей неясной и жалкой исходной точке. Именно этой куртизанке он адресует свою сатиру XXV:

Отвращенные покупатели переходят на другую сторону.
С каждым днем вы видите, как сокращается ваша практика:
Как этот прокурор, закройте свою лавку.
Вы больше не одна из красавиц,
теперь вы продавец свечей.
Женщина уродлива, прожив тридцать лет:
Les roses à la fin deviennent gratte-cu.

Эта последняя строка до сих пор хранится в памяти каждого, хотя мы не знаем, какой смысл она имеет и кто ее написал. Курваль-Сонне советует этой бывшей любимой девушке воспользоваться тем, что у нее осталось; тянуть, мошенничать, добывать деньги любыми способами; пытаться обмануть своих дурочек, рассказывая им, что она боится сержанта, что она заложила свою юбку и свой *hongreline*; наконец, собрать небольшое гнездышко, которое позволит ей в старости жить трудом своих рук. Но она не желала ничего подобного, она не предвидела, что настанет день, когда средства проституции совсем ее подведут; она и не подозревала, что состарилась; она рассердилась на назойливого подателя советов: "Энне, - кричала она,

Не ждите от меня ни шитья, ни обивки:
Самая легкая работа для меня - лишь мучение;
Ведь мне есть на что жить и что носить,
Пусть говорят со мной о смехе, а не о работе.
Все мое удовлетворение в том, чтобы быть хорошо украшенной:
Влюбленная женщина живет изо дня в день".

Сеньор де Курваль больше не пытается говорить с ней на языке разума, потому что в ней привычка к пороку стала неизлечимой; поэтому он иронично предлагает ей продолжать идти по проторенному пути; никаких угрызений совести, никаких сожалений; у каждого на земле своя судьба: судьба куртизанки - умереть куртизанкой.

Тренируйся, насмехаясь надо мной,
все бордельные трюки, которые вы знаете наизусть...
У вас есть расческа, шарм, зеркало,
Стол на трех ножках, на который приятно смотреть,
Будка, веер, старый стакан без ножки,
Ангельская вода, белая, пудра, киска,
Пара перчаток, которые когда-то были новыми,
Коробочка с мазью, кисточка, узелки,
Волос, котелок, миска, тарелка;
Чтобы служить скатертью, салфеткой.

Это описание домашнего хозяйства *fille de joie* в начале XVII века было бы точным и сегодня, если бы относилось к большинству публичных женщин низшего класса. Эти существа изменились не больше в своей внешности и образе жизни, чем в образе жизни и профессии. Курваль-Сонне продолжает рисовать их всех с натуры, под чертами лишь одной, достигшей возраста декаданса:

Вы не утоляете свой голод никаким лакомством:

Ваше мясо - хлеб, ваше питье - в ведре;

Летом ты набиваешь брюхо салатом;

Чрезвычайно искусен в зевках водопадов,

Сделать нишу для одного, а другого приласкать,

Нарисовать подарок; сделав, прогнать его;

Нечувствительный к доброте, рассказчик сказок,

Дерзкая лгунья, знающая свои обманы;

Твое ремесло позорно и бесконечно сладко:

Вот почему из него так трудно выбраться.

Сеньор де Курваль-Сонне покинул Париж, когда защитил докторскую диссертацию на медицинском факультете; он был уже не молод и избежал всех бурь молодости: он поселился в Руане, чтобы заниматься своим искусством, но, леча пациентов, он продолжал сочинять сатиры, и эти сатиры всегда были направлены на исправление нравов, которые в провинции, кажется, были не лучше, чем в столице. Именно в Руане он анонимно опубликовал "*Упражнения времени*", которые удостоились чести нескольких последовательных изданий (де ла Хей, 1627, in-8°; Лоренс Морри, 1631, in-4°; Деламапп, 1645, in-8^(o)); причем поэт и не думал устранять неправильности и грубость своего стиля. Эти "*Упражнения*" - очень любопытные зарисовки нравов, в которых множество черт относится к истории проституции. Курваль подражал только тому, что было предосудительным в творчестве Регье", - говорит М. Виолле-Ледюк. Виолле-Ледюк (*Catalogue des livres composant sa Bibliothèque poétique, avec des notes bibliographiques, biographiques et littéraires, Paris, Hachette, 1843, in-8°*); он даже не потрудился скрыть свои кражи: его "*Дебауше*", его "*Невежда*" явно скопированы с сатир X и XI Регниера; как врач, он злоупотребляет грязными терминами и описаниями до отвращения". Мы рассмотрим только три сатиры - первую, пятую и одиннадцатую, озаглавленные "*Бал, Променад и Дебауш*".

В первой мы видим, что в XVII веке существовали публичные балы, совершенно аналогичные тем, которые сейчас модны в Париже и крупных городах Франции и которые оказывают столь пагубное влияние на нравы народа. Во времена Курваля-Сонне люди отправлялись на эти балы в поисках приключений. Вот как он изображает их в сатире, в которой он изображает самого себя:

Les desirs depravez se descouvrent au bal,

Место разврата, где юность когда-то

Gooit comme au bordel chercher une maistresse.

Все, что вы видите, - это факелы, блеск и красота,

Купидоны на подхвате, любовь со всех сторон.....

Один идет туда танцевать, у другого другие планы;

Один ищет жену, другой - любовницу.....

Мы видим, что сеньор де Курваль-Сонне не стал честнее в языке, вернувшись в родную провинцию; но он больше не посвящал свои стихи королеве, которая, вероятно, не была благодарна ему за посвящение первого сборника. Второй сборник поэт-врач, несомненно, посвятил сатире на нормандские нравы. Развратный бал, на который он вводит своего читателя, сильно напоминает голландские музыкалы; мы предполагаем, что этот бал был устроен в Руане, где в то время жил автор. Курваль-Сонне встречается там женщину, с которой завязывает разговор, вскоре переходящий в галантность; он настаивает на своем и доходит до слишком оживленных предложений, которые дама сначала отвергает, возмущаясь: "Что!" - восклицает она с наигранной скромностью, - "говорить со мной о любви! Я хорошая женщина!"

А через два часа впереди, рядом с горничными,
молодой кавалер не давал ей покоя!

Однако после некоторого подобия благоразумия и сопротивления она вскоре оказалась в полном окружении нового кавалера, который предложил ей угощения, от которых она не смогла отказаться; она ела и пила так, как будто ее желудок был пуст с самого утра; Обжорство настолько перегрузило ее желудок, что вскоре она была вынуждена покинуть бал, чтобы избавиться от этой несъедобной ноши; но не успела она немного успокоиться, как вернулась в зал и снова стала посещать буфет; на этот раз вкусные яства, которые она проглатывала, больше не беспокоили ее, и она оказалась достаточно подготовленной, чтобы перенести усталость ночи. Именно в таком состоянии сьер де Курваль увел ее с бала, негромко сказав про себя:

Если мы вернемся целомудренными, это будет большое приключение;
От стола к танцу, а от танца к ликту.

Таким был бал и таким был променад. Там наш поэт встретил прекрасную женщину, за которой он ухаживал и которая не давала ему даже надежды. В тот день его приветствовали, улыбались ему и пригласили провести день в увеселительном заведении, где должно было собраться веселое общество. Курваль-Сонне не устоял перед соблазном, согласился на свою долю пикника; он забрался в карету вместе со своей очаровательной спутницей и позволил отвезти себя с закрытыми глазами в маленькое загородное уединение, где уже обнаружил двадцать или тридцать пар влюбленных, которые в течение дня только и делали, что предавались удовольствиям среди лужаек и цветов. Это сатурналии разврата, которые поэт изображает со свойственным ему цинизмом, после описания этого места удовольствий

Где дышит Любовь, где родилась Венера.

Он не говорит нам, поддался ли он соблазнам дурного примера; но если предположить, что он достаточно контролировал свои чувства, чтобы избежать опасностей этого сладострастного путешествия, то он стал свидетелем невероятных актов проституции, которые происходили вокруг него и которые даже не пытались скрыть за прозрачной завесой скромности. Все эти бесстыдные любовники повторяли постыдные сцены древних мистерий Изида.

Сьер де Курваль ничего бы не скрыл из того, что увидел в этом доме, которому не позавидуют самые скандальные притоны публичной проституции, если бы ему не хватало экспрессии и если бы он умел живо и живописно выразить странные воспоминания о своей прогулке в

поле. Кроме того, он сохранил от этого дня распутства отвращение и грусть, которые привели его в негодование по отношению ко всему женскому полу; так он закончил свою сатиру, вспомнив знаменитые стихи Жана де Мена против женщин:

Так порок растет и кишит повсюду;
Если одна творит зло, другая не лучше,
Ибо все вы будете, вы есть иль были,
По факту, или по силе, или по воле - *pustes*.

В сатире под названием "*Дебауше*" сеньор де Курваль в довольно хороших стихах пересказывает причудливый эпизод бродячей проституции, которая, должно быть, не была редкостью в те времена, когда провинции постоянно пересекали группы цыган и богемы, живущие вне общества, не знающие ни запретов, ни законов и с детства предающиеся самому грязному разврату. Именно среди этих бродячих групп порочные люди слишком часто искали корыстных побряжек и разврата в раннем возрасте. Все женщины, составлявшие часть этого кочевого населения, к десяти годам уже занимались этим позорным ремеслом, и, чтобы найти их девственницами, нужно было ждать, пока они выйдут из младенческого возраста. Поэтому общественная мораль и здоровье в равной степени страдали от ежедневного общения с этими несчастными, которые сеяли за собой только грязь. Сьер де Курваль, возможно, драматизировал приключение из своей юности, в котором он предстал в образе *Развратника*, чтобы рассказать нам, как он был наказан за свою первую выходку, которая, по крайней мере, помогла ему стать мудрым и внушила ему ужас перед пороком:

Рабство под рукой нежеланной матери,
Сын одной семьи и избиватель тротуаров,
Без денег, без кредита, погрязший в долгах.
Раздутый амбициями, любовью и безумием,
Гордыней и тщеславием, безумными фантазиями,
Я беру ключ от поля и ухожу, ярко и рано,
Из дома босса, с добычей под мышкой,
Три тестона, два дуката и десять солей в моем кошельке,
А на ногах - новые башмаки, которые помогут мне в пути.

Такова была судьба рыцаря-изгоя, который по счастливой случайности отправился из Руана или любого другого хорошего города Нормандии искать свою удачу в другом месте. Вечером он прибыл в деревню Сен-Мартен (несомненно, де Бошервиль) и встретил труппу цыган, которым предстояло провести там ночь:

. Блестящие и шарлатаны,
богема, маттуа, хорошие игроки на мерирах,
игроки в бокалы, шлюхи и мадам,

девушки, женщины, пажи, камердинеры, обезьяны, ученые животные, телеги, набитые лекарствами, духами, украшениями и галантереей всех мастей, составляющие ремесло этих бродячих *ловцов*. Новоприбывший подходит к их повозкам, "чтобы посмотреть на их утварь" и, прежде всего, чтобы поговорить с одной из их дочерей.

которая покорила его сердце очарованием своих глаз.

Но он не был принят любезницей, которая отругала его и пригрозила выгнать; вскоре она сменила тон и стала такой же любезной, как вначале, когда была угрюмой и суровой. Она сама предложила познакомиться поближе с этим новичком, который говорил с ней о любви, и повела его в комнату в пансионе, где они могли продолжить свой разговор тет-а-тет, который бедному мальчику был не по душе.

Как только они вошли в комнату и сели на край кровати - единственное свободное место, - она разрыдалась и стала сетовать на свою несчастную судьбу, говоря, что она была хорошей девушкой, что ее увезли из семьи эти шарлатаны и что она, очень неохотно, ведет беспорядочную жизнь, которая так же не соответствует ее чувствам, как и ее рождению.

Теперь мой молодой человек тронут и влюблен как никогда. Он поклялся ей, что освободит ее от этого одиозного рабства и вернет родителям.

В тот же вечер назначена встреча: в полночь влюбленные встретятся за конюшней, в ста ярдах от постоянного двора, где они остановились:

Она приходит, я уже там: у нее под мышкой
Коробка, в которую она положила две простыни,
кусок тика, гребень, несколько бюстгалтеров,
Полфунта серебра, тесемочки и подвязки:
Это была ее добыча, это была ее доблесть.....

Этот отрывок доказывает, что женщины с дурной репутацией, изгнанные из городов указом 1560 года, уединились в компаниях странствующих купцов, комедиантов и шарлатанов, которые разъезжали по стране, продавая свои товары, среди которых всегда была самая отвратительная проституция.

Прибытие труппы этих людей в каждую деревню, где она останавливалась, становилось сигналом к всевозможным беспорядкам; и когда гражданские или церковные власти открывали глаза на эти эксцессы, которые внезапно распространялись, как эпидемия, среди мирного населения, авторы скандала уже собирали вещи и уезжали, оставляя за собой своих жертв и своих дурочек.

Девушка и ее похититель, боясь преследования цыган, шли всю ночь, нагруженные, правда, одеждой и деньгами; на рассвете они добрались до небольшой деревушки, где, как им казалось, они были окончательно защищены от преследования; они постучались в дверь последнего дома в деревне. Это была ужасная лачуга, где жили извозчики и разносчики, но влюбленные были бы счастливее не во дворце, а в этом жилище.

На неровной стороне дороги и вдали от соседей.

Им отводят комнату; девушке приносят вино и ветчину: они пьют, ужинают, ложатся; развратник вскоре погружается в глубокий сон. Его сожительница и не думает подражать ему; она встает тихо, когда уже рассвело, а эта хитрая женщина, говорит он, проклиная ее,

. После того как он лег в постель,
Отняв у меня то, что мне дороже всего,

Сонная от работы, утомленная слишком долгим бдением,
Пьяный от ее призывов и избытка бутылки,
Слышу в постели, без пульса, без чувства.....
Собирает киль и багаж и берет мою сумочку;
А потом, прямо там, где я его взял, снова убегает.

Когда бедный дьявол проснулся, он протянул руку, все еще полусонный, и не обнаружил никого рядом с собой; он позвал, он ждал, но обнаружил, что его кошелек ушел с авантюристкой, которая даже не оставила ему достаточно денег, чтобы оплатить их проезд. Единственный способ выбраться из общежития - это оставить часть своей одежды. Ему уже была противна бродячая жизнь и стыдно за то, что он сделал первый шаг к разврату: он зашел в первый попавшийся на пути монастырь и попросил монахов о гостеприимстве. Его намерением было совершить покаяние и посвятить себя Богу. Таким образом он успокоил свою беспокойную совесть и, молясь и причащаясь, забыл бы о жестоком разочаровании, которое испытал, впервые попав в мир греха, если бы о нем не напомнила ему горькая боль. Он все еще хранил печальное воспоминание о проститутке, которая обманула и обокрала его; зло усугублялось с каждым днем и принимало все более серьезный характер: несчастный уже не мог даже скрывать позорные плоды своей невоздержанности; он был вынужден отказаться от обители и покинуть монастырь,

Его руки были полны желчи, а бедра - гвоздей.

Он был слишком тяжело болен, чтобы лечиться в провинциальном городке, а денег на поездку в Париж у него не было. Тогда он обернулся и посвятил Эвменидам того негодяя, который влил в его жилы разъедающий яд; он кричал:

Неблагодарная, проклятая, непостоянная и неверная дочь!
Разве мало тебе было взять мой чемодан,
Оставив меня изможденного, лежащего голым в рубашке,
Не причиняя мне страданий своими объятиями,
Которые ты завоевала слишком частыми переменами,
Дерзкая Лаис, хозяйка Ситера,
Скальдистка всех желающих, Тисифон, землеройка!...

Болезнь успела страшно прогрессировать, прежде чем печальный развратник, страдавший как одержимый, отдал себя в руки парижских врачей. Лечение было столь же мучительным, как и болезнь, и когда пациент думал, что вылечился, он был не более чем скелетом, тенью, дряхлым и отвратительным стариком. В таком состоянии он вернулся к своему работодателю, который сжалился над ним и согласился принять его обратно: он слишком много узнал за свой счет о том, как разврат губителен для покоя души и здоровья тела, чтобы снова попасть в сети проституции.

Сеньор Курваль-Сонне, писавший сатиры пером, которое часто макали в грязь, по крайней мере, руководствовался благими намерениями и стремился исправить нравы своего времени, которые известные поэты способствовали тому, что они стали еще более порочными и развращенными. Можно сказать, что никогда французская поэзия не была столь развратной, столь отвратительной, как во времена регентства Марии де Медичи; казалось, у нее не было иной цели, кроме как возвеличивать исступление чувств и бесстыдно воспевать деяния самого позорного распутства. Именно молодой двор поощрял эту

деградацию ремесла поэта; именно двор своими беспорядками давал материал для этих нескромных сочинений. Следует, однако, отметить, что первые судебные преследования за плохую книгу как за оскорбление общественной морали и честности относятся к тому периоду, когда Сигонны, Мотины, Бертелоты и Теофилы запятнали французский язык, заставив его выражать ужасные непристойности, которые до этого скрывались под маской латинских приапевов. Суд над Теофилом и его сотоварищами по делу "*Парнасского сатирика*" стал отправной точкой для совершенно новой судебной практики, которая классифицировала непристойные произведения как подстрекательство к разврату и призвала к ответу авторов этих виновных попыток деморализовать публику. Но эта судебная практика, хотя и основанная на весьма мудрых соображениях, с большим трудом утвердилась во Франции, поскольку она оскорбляла литературные привычки и свободу французского духа. Еще не подозревали, что публикация одного из этих произведений, которые назывались *gaillardes* и на которые не распространялись никакие законы приличия, при условии, что они не касались ни политики, ни религии, может быть преступлением. Теофил и его друзья были достаточно неразумны, чтобы затрагивать религию и заниматься тем, что называлось атеизмом или эпикурейством, сочиняя свободную поэзию. Эти стихи печатались книготорговцами, которые осмеливались помещать свое имя на фронтисписе книги, которую продавали, на виду у магистратов, в галереях Дворца правосудия. Эти стихи были настолько непристойны, что сегодня можно удивляться, как книготорговцу и автору не было стыдно прикрепить себя, так сказать, к этому столбу. Двор был в восторге от этого, и Теофиль Вио, приехавший в Париж в 1610 году, чтобы выступать в качестве поэта, получил больше почестей и оваций, когда сделал себя прецептором блуда, чем все писатели, которые использовали свой талант только для честных и нравственных сочинений. Повторим вместе с М. Виолле-Ледюком, что в те времена под *сатирой* понимали вольные и часто даже непристойные стихи, а поэтами-сатириками называли тех, кто применял свою бесстыдную смелость к вопросам проституции. В этом отношении Теофилус был мастером, и его неустойчивая мораль слишком хорошо отражалась в его произведениях.

Честные люди с негодованием наблюдали за распространением этих развратных стихов, которые извращали молодежь, предлагая опасную пищу для чувственных страстей. В 1617 году книготорговец Антуан Эсток обнаружил 12-страничный том под названием *Recueil des plus excellans (sic) vers satyriques de ce temps, trouv dans les cabinets des sieurs Sigognes, Regnier, Motin, qu'autres plus signalez poètes de ce siècle*. Этот сборник, в котором разнузданность мыслей соперничает с разнузданностью выражений, пользовался огромным успехом среди либертинов. Полиция, которая и не думала возражать против продажи этого первого издания, не возражала и против его переиздания. Именно Биллен, один из самых уважаемых книготорговцев Парижа, переиздал сборник, значительно расширенный, в 1618 году под названием: *Cabinet satyrique ou recueil de poésies gaillardes de ce temps, composées par Sigognes, Regnier, Motin, etc.* Эти два издания были опубликованы с королевской привилегией! Редактор (это был Бертелот, или Коллете, или Френикль, а возможно, все трое сотрудничали в этой работе) объявил в предисловии к изданию 1618 года, что ему было угодно сделать его "более совершенным и упорядоченным, чем другое, где повсюду было неравенство, смешение, путаница". Первое издание было распродано за три месяца (см. "Авертисмент" анонимного издателя); второе разошлось почти так же быстро, и книготорговец, опубликовавший издание 1617 года, Антуан Эсток, в 1620 году снова переиздал "*Сатирический кабинет*".

Правда, Теофиля приговорили к временному изгнанию из-за его нравов, а не стихов, и в мае 1619 года рыцарь дозора приказал ему покинуть королевство; но он недолго оставался в Лондоне, где его репутация поэта и рекомендации друзей при французском дворе приняли

его с большой готовностью и энтузиазмом. Его упрекали не больше, чем Сигоньеса, Мотена и других сатириков, за то, что он позволил напечатать развратные стихи, которые "любители литературы и поэзии" сочли нужным вывести на свет и спасти от забвения. Теофиль получал пенсию от короля и дома Монморанси, Мотен - каноническую кафедру в Бурже, Сигонь - губернаторство в Гавре. Теофиль имел несчастье поссориться с иезуитом Гарассом, который в своей *"Доктрине любопытных изящных существ нашего времени"* самым яростным образом нападал на него, обвиняя его в атеизме и либертинизме. Пьер Гарасс довел свою ненависть и недобросовестность до того, что стал подделывать стихи своего врага, которым он приписывал нерелигиозный смысл. Теофил привлёк иезуита и его книгу к суду и добился их изъятия и уничтожения, доказав с помощью своей рукописи, что стихи, которые он цитировал, чтобы лишить его, были необычайно искажены. Гарасс не считал себя побежденным; он опубликовал свою *"Апологию"*, в которой не пощадил ни Теофиля, ни прекрасные умы того времени, ни тех, кто считался таковыми: "Никогда, - говорит он (гл. XII, с. 152), - дерзости Карпокраса не были так хорошо известны в городах Греции, как дерзости Виауда, богохульства Лусилио и нечестие Шаррона известны во Франции". За спиной Гарасса стояла могущественная компания, поклявшаяся обречь Теофиля на гибель: иезуиты поддерживали ссору своего соратника Гарасса, который вдохнул в них свое воинственное настроение. Тем временем один книготорговец опубликовал новый сборник непристойных стихов под названием *Le Parnasse des poètes satyriques, ou Recueil des vers gaillards et satyriques de nostre temps*. В этом сборнике было несколько стихотворений с именем Теофиля; они были вставлены в сборник без его ведома и согласия; Не успели разойтись первые экземпляры *"Parnasse satyrique"*, как поэт, предупрежденный о том, что ему уже приписывают это позорное издание, сам отправился с доносом на сборник к прокурору Парижа, заявив, что в нем против его воли были напечатаны различные стихотворения, которые он действительно сочинил, но не собирался печатать. На основании этого заявления прокурор Парижа вынес приговор типографии, конфисковал книгу у книготорговца, который был заключен в тюрьму, и приказал уничтожить ее. Это уничтожение, по-видимому, не было осуществлено, и копии, на которых были переделаны названия без указания места и книготорговца, распространялись под покровом ночи в Париже, где их с любопытством разыскивали все либертины. Заключенный в тюрьму книготорговец (мы полагаем, что это был Пьер Билен) заявил, что Теофиль был не чужд публикации *"Парнасского сатирика"*. Дело было передано в парламент, и Теофиля обвинили как автора инкриминируемых стихов, а также как собирателя и издателя осужденного произведения.

Кроме того, иезуит отец Вуазен, друг отца Гарасса, осудил Теофиля и привел несколько свидетелей в поддержку этого доноса. Теофиля обвинили не только в оскорблении общественных приличий, но и в атеизме, и это последнее обвинение преобладало над всеми остальными, хотя оно основывалось на нескольких стихах, которые были скорее философскими, чем кощунственными. Поэт в присутствии уголовного процесса, который вероломно подняли его враги, считал нужным уйти, и его бегство, по его собственным словам, "которое было вызвано только страхом, породило подозрения в преступлении". Суд продолжался в отсутствие обвиняемого. Гарасс и иезуиты с удвоенной яростью преследовали его в своих книгах и проповедях; они упрекали его прежде всего тем, что он развратил молодежь своей поэзией, своими речами и своим примером. Его представляли как единственного автора *сатирического "Парнаса"*, хотя в этом сборнике были стихи всех самых известных современных поэтов. Иезуит Теофиль Рейно рассказывает об этом позорном издании в трактате *De Theophilis* (p. 229): *Opus item, cui titulus est Parnassus satyricus; supra quasvis Apuleii, Luciani, Romantii a Rosa, ac similium scriptorum, camarinas grave olentissimum, et ad juvenilis pudoris cladem ac totius honesti exterminium, in diaboli incude*

fabrefactum, hujus putentissimi ingenii fœtus est. Credi vix potest quanta mala spurciloquus iste juventuti intulerit: quâ infamibus scriptionibus, quâ colloquiis et consuetudine familiari. Хотя сатирический "Парнас" был отвратительной книгой, заслужившей честь быть предположительно продиктованной демоном похоти, этой обиды, возможно, было бы недостаточно, чтобы оправдать осуждение Теофила, поскольку в то время печатание и продажа непристойных книг были совершенно терпимы, и мы только что видели, какие книги осмеливались посвящать королеве и какие выходили с королевской привилегией; Но против Теофила были выдвинуты и другие претензии. Утверждали, что он провозгласил свой атеизм в трактате *De l'immortalité de l'âme* ("О бессмертии души"), который был всего лишь подражанием "Федоту" Платона; уверяли, что он организовал тайное общество атеистов и распутников, которые своими сочинениями и словами намеревались извратить молодежь; Наконец, было представлено несколько свидетелей, которые утверждали, что слышали, как поэт пел вольные песни на *разврате*, то есть на оргии, и говорили, что научились у него некоторым нечестивым стихам. Парламенту впервые пришлось столкнуться с этими отвратительными книгами, возмущающими общественные приличия, и на суде над Теофилом присутствовали несколько его друзей, которые в той или иной степени сотрудничали в издании сатирического "Парнаса" и других сборников того же рода. Был выдан ордер на арест Бертело, Коллете и Френикля, но он мог быть исполнен только в отношении последнего, который был наименее виновен и не пытался уклониться от правосудия. Бертело и Коллете скрылись, как и Теофиль. Удивительно, что сьер д'Эстернод, написавший стихи, еще более позорные, чем у этих поэтов-сатириков, не был включен в процесс, возбужденный против них.

Парламент был тронут опасностью, которой подвергалась молодежь, когда она сталкивалась с пагубными стимулами непристойной поэзии: он без колебаний создал свод законов для защиты общественной морали и классифицировал сочинение и публикацию плохих книг как преступление божественного и человеческого зла. 19 августа 1623 года суд, Большая палата и Турнель в полном составе, вынес решение против Теофиля, Бертело, Коллете и Френикля, "авторов стихотворных сонетов, содержащих нечестие, богохульство и мерзость, упомянутые в весьма пагубной книге под названием "Сатирический Парнас". Теофиль, Бертелот и Коллете, "истинные контумаксы, пораженные и убежденные в преступлении божественной лезы, для возмещения ущерба", были приговорены "к тому, чтобы они были заключены в тюрьмы Консьержери, в одном ящике, у главного порта церкви Ностр-Дам этого города Парижа, и иллекки в генах, с ногами и ногами, в рубашках, со шнуром на кушетке, каждый из которых держит в руках факел из горящего воска весом в два фунта, говорят и заявляют, что они весьма нечестиво и отвратительно составили, напечатали и выставили на продажу книгу под названием "Парнасский сатирик", содержащую богохульства, святотатства и мерзости, упомянутые в ней, против чести Бога, его Церкви и общественной честности, в чем они раскаиваются и просят прощения у Бога, короля и правосудия: Сделав это, отведите их на площадь Грев в этом городе и там сожгите Теофиля живьем, тело его превратите в пепел, книги бросьте на ветер, а Бертелота повесьте и задушите на виселице, которая будет воздвигнута для этой цели, если они будут схвачены: В противном случае упомянутый Теофиль, в виде фигуры и изображения, и Бертелот, в виде чучела на доске, прикрепленной к упомянутой виселице: все и каждое из их имущества объявляется приобретенным и конфискованным, кого это может касаться, на которые и другие, не подлежащие конфискации, будет предварительно взята сумма в 4 тысячи фунтов штрафа, применимая к благочестивым делам, как посоветует суд." Что касается Френикла, который был заключен в тюрьму, то королевский прокурор должен был более подробно информировать суд о делах, упомянутых в процессе. Кроме того, "указанный суд запрещает и запрещает всем лицам, какого бы качества и состояния они ни были, иметь и хранить при себе какие-либо

экземпляры "*Парнасского сатирика*" или других произведений указанного Теофиля, и предписывает им принести их и поместить в течение 24 часов в уголовный реестр указанного суда, чтобы сжечь и превратить в пепел, под страхом того, что преступники и те, кто окажется схваченным, будут объявлены авторами указанного преступления и наказаны как обвиняемые". Наконец, четыре книготорговца, Эсток, Соммавилль, Билен и Кенель, печатавшие произведения Теофиля, должны были быть "взяты в охапку и доставлены в качестве заключенных в тюрьмы Консьержери дю Пале, чтобы быть выслушанными и допрошенными о любых фактах, вытекающих из упомянутого процесса, А там, где их не удастся задержать, они будут вызваны в три коротких дня, при звуках трубы и всеобщем крике, чтобы явиться туда, их имущество будет конфисковано, а комиссары установлены там до тех пор, пока они не подчинятся." (См. третий том "*Истории наших времен*" Кл. Малингра, Париж, Жан Петипа, 1624, с. 330 и далее).

Это памятное постановление можно считать первым актом репрессий и наказаний против оскорблений нравственности в прессе. Оно было приведено в исполнение в тот же день, когда было оглашено: "Был сделан фантом, говорит Малингр, одетый более или менее похоже на вышеупомянутого Теофиля, который был помещен в мавзолей; его привели в церковь Ностр-Дам, чтобы загладить вину, и затем разбили в Грайве". Как только Теофиль, скрывавшийся в замке барона де Пана, узнал о своей казни, он решил покинуть Францию и, переодевшись, прибыл на границу; но его описание было разослано с приказом арестовать его всем маршалам-провокаторам. Его узнали на дороге в Ле-Кателет, и провиант Леблан схватил его. Его посадили верхом на лошадь и отвезли в Сен-Кантен, а из этого города, где он несколько дней оставался без связи с внешним миром, его в кандалах перевезли в парижскую Консьержери. Его заперли в темнице Равайяка, где он провел восемнадцать месяцев, прежде чем парламент соизволил начать пересмотр судебного дела. Как бы ни были сильны его друзья, они ничего не могли сделать против непримиримого негодования иезуитов. Теофиль упорно отрицал, что он является автором или редактором *сатирического "Парнаса"*, который был предметом всего судебного разбирательства; ведь по остальным пунктам обвинения подсудимый без труда доказал свою невиновность. Парламент был полон решимости разоблачить и наказать со страшной суровостью нечестивцев и распутников, опубликовавших этот ужасный сборник эротической и сатадической поэзии. Книготорговцам посчастливилось оправдаться или, по крайней мере, быть оправданными. Бертело и Коллете, осужденные заочно, не были пойманы, а Френикль только что вышел на свободу. Поскольку Теофиль продолжал заявлять о своей невиновности, прокурор добился от суда разрешения на то, чтобы во всех приходах на большой мессе зачитали церковный монитор от 4 октября 1623 года, в котором парижский чиновник под страхом отлучения от церкви наказывал "всех тех, кто знает, что в прошлом и уже некоторое время некие злоумышленники сочинили, написали и написали или написали, напечатали и опубликовали несколько плохих сонетов, сатир, стансов, элегий и других поэтических произведений, вставленных и содержащихся в некой книге, напечатанной и изданной под именем и названием "*Парнасский сатирик*" или под другим названием, содержащей указанную книгу и другие поэтические произведения указанных квидантов, несколько хулений на Бога и его святых, а также несколько святотатств, нечистот и других мерзостей против чести Бога, его Церкви, добрых нравов и общественных приличий; тех, кто знает, когда и в какое время и в каком месте была напечатана вышеупомянутая книга *Сатирика Парнаса* и другие нечестивые книги этой серии; кто их сочинил; кто написал или предоставил копии для печати; кто видел их снова на прессе; Кому известно, что упомянутые квиданы или злоумышленники, будучи извещены о возбужденном против них уголовном деле, бежали из этого города, чтобы скрыться и избежать исполнения определенного судебного постановления от августа прошлого года, и что, тем не менее, упомянутые квиданы

или некоторые из них, возможно, говорили, декламировали и публиковали в разных местах, разным лицам и в разных компаниях любые из упомянутых сонетов, сатир или других поэм или их частей, как свои произведения и манеру, и говорили и произносили в разных местах те же богохульства и нечестия, которые в них содержатся, а также подстрекали, подговаривали и развращали несколько умов молодежи, чтобы склонить их поверить в те же богохульства и нечестие, и т. д." Но этот мониторинг вызвал лишь туманные и нелепые доносы, которые не содержали никаких новых обвинений против Теофила. Его враги, особенно иезуиты, отличились в этой войне пера, что только обострило вопрос и сделало положение обвиняемого более критическим. Он все еще находился в тюрьме в ожидании суда, когда любовь к наживе заставила провинциальных печатников переиздать сатирические произведения, послужившие поводом для этого грозного процесса. Несомненно, именно в Лионе и Руане были найдены типографии для тайного воспроизведения "*Сатирика Эспадона*", "*Сатирика Кабинета*" и "*Сатирика Парнаса*". Эти подделки, плохо отпечатанные на ужасной бумаге, были полны грубых ошибок, не имели имени книготорговца и были датированы 1625 годом; "*Парнас*" был озаглавлен: *le Parnasse satyrique du sieur de Théophile*, как будто для того, чтобы дать еще одно оружие против несчастного поэта, который был таким образом публично обличен на фронтисписе книги, приписываемой ему. Было ли это зверское вероломство со стороны скрытого врага или позорный результат спекуляций книготорговца?

Как бы то ни было, дело Теофила было почти забыто, когда судебный процесс был пересмотрен в пользу поэта. Это дело, которое, по обычаю, вызвало большой переполох, когда было новым, - писал Мальербе Ракану в письме от 4 ноября 1625 года, - с тех пор о нем почти не упоминают. Худшее мнение о нем у меня сложилось из-за состояния людей, с которыми ему приходится иметь дело (иезуитов). Что касается меня, то я, кажется, уже писал вам, что не считаю его виновным ни в чем, кроме того, что он не сделал ничего стоящего в профессии, которой занимался. Если он умрет за это, вам не нужно бояться; вас не примут за одного из его сообщников". Этому жестокому преследованию пришел конец. Во время суда Теофил привел в замешательство свидетелей, дававших против него показания, и снял с себя большинство обвинений, которыми он был изначально обременен. Парламент отменил приговор и просто изгнал его из столицы. Так было положено начало уголовному законодательству против плохих книг, вредящих доброй морали и наносящих ущерб общественной честности. Бедный Теофиль умер через несколько месяцев в результате долгого и мучительного плена (25 сентября 1626 года). Он только что был помилован королем и смог вернуться в Париж к своим радостным друзьям, которые были поражены его назидательной смертью, что не помешало иезуиту Рейно заявить, что автор "*Парнасского сатирика*" умер в окончательном бездействии (*nullis expiatus sacramentis*) и попал прямо в ад (*abiit in locum suum*). Несмотря на судебную практику, сложившуюся после суда над Теофилом Вио, парламент оставил безнаказанными многие книги того же жанра, что и "*Парнасский сатирик*", а затем возобновил судебные разбирательства против авторов и издателей этих непристойных стихов; похоже, он даже не знал, что повсюду множатся переиздания сатирических произведений, которые он преследовал и осуждал. Например, "*La Muse folâtre*", которая ни в чем не превосходила "*Parnasse satyrique*", переиздавалась каждый год в самом удобном формате; "*Les Muses gaillardes*", "*La Quintessence satyrique*", "*Le Dessert des muses*" и другие подобные сборники, которые были широко распространены, серьезно подрывали нравственность и постоянно разжигали нечистые семена Проституции; Но мы не видим в судебных протоколах, чтобы поэты и книготорговцы были скомпрометированы из-за своих развратных публикаций, вплоть до совершеннолетия Людовика XIV, когда, в интересах доброй морали, началось необычное проявление строгих мер против всех видов разврата. Теофила не сожгли, Бертело не повесили при Людовике XIII;

но сатирик Луи Пети, виновный в том, что сочинял стихи, менее отвратительные, чем сатирический "Парнас", погиб на костре в середине века Людовика XIV.

ГЛАВА XLIV И ПОСЛЕДНЯЯ.

Резюме - Проституция в театре - История французского театра с точки зрения морали - Гистрионы, печально известные при Карле Великом - Основание Конфедерации Страстей - Постановка мистерий - Их непристойность - Чудо святой Женевиевы - Жизнь святой Варвары - Непристойность костюма и пантомимы - Дьяволы и ангелы - Освещение в театре. - *Младенцы-без-сук* и священники Базоша. - *Желье из пильщиков*. - Цензура театра. - Дезордры комедиантов. - В какой период женщины стали появляться на сцене. - Лес *Гелози* и испанские актеры. - Самые древние французские актрисы. - Парламент отказывается играть в мистерии. - Фарсы XVI века - Их грязь - Большинство из них уничтожено - Что от них осталось - Лондрейский сборник и сборник герцога де ла Вальера - *Сборник многих фарсов, как старинных, так и новых* - Выдержки - Фарс брата Гильбера и его "Веселая проповедь" - Шаусы святого Франсуа - Большое количество фарсов. Терпимость гражданских властей по отношению к театру. - Названия нескольких серьезных фарсов. - первые комедианты Бургундского дома. - Турлупен, Гро-Гийом, Готье Гаргиль. - Песни. - "*Восхитительные фантазии Брускамбиля*". - "Театры лагеря и игры". - Театры на Понт-Нёф. - Табарин и барон де Гателар. - Заключение.

Истории театра в его отношениях с проституцией следует посвятить не одну главу, а целую книгу. С самого начала своего существования театр оказывал пагубное влияние на нравы, а в некоторые периоды общественного разврата даже принимал характер настоящего подстрекательства к разврату. В первые века христианской церкви театральные постановки доходили до крайних пределов непристойности, и на каждой странице трудов святых отцов мы находим протест возмущенной скромности против отвратительных излишеств этой школы злословия. Мы вынуждены признать, что ужас, внушаемый христианским философам светским театром, был вполне оправдан отвратительным злоупотреблением театральным искусством в прошлом. Как только христианство вытеснило поклонение ложным богам, театр недолго пережил их храмы и идолов, и в течение нескольких столетий во Франции не было других пережитков античной комедии, кроме маскараров в масленичный вторник, праздника Пьющего Короля и Бобов, сатурналий праздника Дураков и праздника Дьяконов, *мистерий* и *часов* религиозных процессий и *входов* королей, королев, принцев, принцесс, епископов, аббатов и т. д., танцы и песни жонглеров, *декламации* трубадуров и труверов. Если несколько драматических представлений, подражающих Теренцию и Плутусу, и происходили время от времени в монастырях и колледжах, то они избегали церковной анафемы, лишь прикрываясь литературным предлогом и окружая себя крайней сдержанностью; Но эти редкие реминисценции латинской комедии не составляли театральных привычек в том самом народе, который, возможно, не знал, что театр существовал до грубых и наивных скетчей конферансье Страстей в конце XIV века.

Доктрина Церкви, направленная против зрелищ, неизменно утверждалась Отцами и Соборами; можно сказать, что она была вполне санкционирована одиозными оргиями, ознаменовавшими упадок языческого театра. Капитулярии и ордонансы королей соответствовали настроениям католических врачей по отношению к театру и гистрионам.

Последние были печально известны просто в силу своей гнусной профессии (*omnes infamiæ maculis aspersi, id est histriones ut viles personæ, non habeant potestatem accusandi*, capitul. 789 г.); честных людей просили держаться подальше от этих мерзких людей, а церковники не должны были засорять свои глаза и уши, слушая непристойные слова и видя дерзкие жесты (*histrionum quoque turpium et obscœnorum insolentias jocorum et ipsi animo effugere cæterisque effugienda prædicare debent*. См. *Capitul. des rois de France*, t. I, p. 1170). Тем не менее, всегда находились гистрионы, которые бросали вызов отлучению духовенства и принимали позор, связанный с их профессией; ведь были также сладострастные и развратные люди, готовые заплатить любую цену за запретное удовольствие. Поэтому *гистрионат*, или состояние актера, считался разновидностью проституции, и святой Фома без колебаний ставит в один ряд куртизанку, торгующую своим телом со всеми желающими, и актера, который, так сказать, проституирует себя на публике, продавая свои гримасы и развратные позы. Приобретенное таким образом имущество представлялось ученому казуисту незаконно нажитым и нечестным, которое должно быть возвращено бедным (*quædam verò dicuntur male acquisita, quia acquiruntur ex turpi causa, sicut de meretricio et histrionatu*. См. "*Трактат о театральном искусстве*" П. Лебрена. Paris, Ve Delaulne, 1731, in-12, p. 193). Именно поэтому Филипп-Август, проникнутый идеей, "что давать гистрионам - значит давать дьяволу", изгнал их со своего двора и запретил им появляться там вновь, направив на дела благочестия и благотворительности те деньги, которые он потратил бы на поддержание скандальных распутий театра.

Театр стал легальным во Франции только благодаря благочестивой маскировке, под которой он предстал перед Карлом VI. Как мы уже говорили, нравы в то время были уже довольно расслабленными, а любовь к роскоши предрасполагала людей к страсти ко всем чувственным новинкам. Поэтому *игры, проводимые "Конферансье страсти"*, были встречены с некой яростью, когда они впервые появились у ворот Парижа, в деревне Сен-Мор. Примерно в 1398 году труппа странствующих актеров, называвших себя *confrères de la Passion* ("конферансье Страстей"), поскольку они исполняли эту мистерию в диалоге, начала давать представления, на которые стекались люди со всех концов света. Эти представления, перемежавшиеся молитвами и гимнами, были, несомненно, очень назидательны, если учитывать только их цель, но парижский губернатор боялся, что они перерастут в серьезные беспорядки, и ордонансом от 3 июня 1398 года он запретил всем жителям Парижа, а также жителям Сен-Мора и других мест, подпадающих под его юрисдикцию, "представлять любые пьесы, как из жизни Иисуса Христа, так и из жизни святых или иные, без разрешения короля, под страхом навлечь на себя его негодование и лишиться прав." Эти строгие запреты доказывают, что представления в Сен-Море не обходились без скандала, или, согласно мнению, не противоречащему предыдущему, что древний закон Филиппа-Августа или Людовика Святого отменил театр и запретил профессию актера. Как бы то ни было, представления не повторялись до 1402 года, когда Карл VI захотел посетить их и был настолько назидателен, что выдал конферансье Страстей грамоту, разрешающую им исполнять свои *таинства* "когда и где им заблагорассудится". На основании этой грамоты конферансье основали свой театр возле Porta Сен-Дени, на первом этаже больницы Тринита, где паломники и бедные путники находили приют на ночь, когда они прибывали после закрытия городских ворот. В церкви этой больницы конферансье уже основали свое братство Страстей и Воскресения Господня. Из основания этого братства можно сделать вывод, что первые *игроки* или актеры, которые появились в городе Сен-Мор, стали *мастерами игры* и набрали себе коллег из числа столичных мещан и торговцев. С этого момента вкус к театру стал стремительно распространяться среди населения, которое по воскресеньям и праздникам стекалось на представления *тайн* и *чудес* и вносило немалую лепту в расходы драматической братии.

Любопытство, стремление и энтузиазм уже не были преданными, хотя очевидной целью этих представлений было поднять души к созерцанию святых вещей и расположить их к молитве. Можно с уверенностью сказать, что, несмотря на назидательный характер пьес и поощрение духовенством этих благочестивых развлечений, театр с тех пор служил вспомогательным средством для проституции. Представьте себе, например, как проходило одно из таких представлений в узком, плохо освещенном зале, где зрители толпились, большинство стоя, некоторые сидя, но теснились все вместе, без различия возраста, пола и состояния. Зрительный зал был 21 с половиной туаза в длину и 6 туазов в ширину; высота его, конечно, не превышала 15 или 20 футов; он опирался на арки, поддерживавшие верхний этаж. Из общей длины не менее 15 футов приходится на развитие сцены, так как, кроме пола, на котором разыгрывалась драма, в задней части театра находилось несколько *верстаков* или подмостков, дававших изображение различных мест, где происходила сцена, и сообщавшихся между собой лестницами или подмостками. Вверху - рай, заключенный в облачную сферу, открывал свой небесно-голубой шатер, усеянный звездами; внизу - постоянно движущаяся пасть дракона, обозначавшая пасть ада, из которой струями дыма и пламени выходили черти; в центре - несколько плоскостей расписных декораций, в которых переносилась обстановка сцены, когда действие происходило в доме Ирода или Пилата. Таким образом, можно было одновременно увидеть все локальные особенности пьесы, действие которой происходило попеременно на небе, на земле и в аду. И это еще не все: в течение всего спектакля нужно было видеть всех актеров, игравших в нем роли; эти актеры, одетые в свои костюмы, были выстроены на трибунах по обе стороны театра и там ждали момента, чтобы выйти на сцену, наблюдая за спектаклем, как простые зрители; они спускались, каждый по очереди, на сцену, а затем поднимались на свои места, исполнив свои роли. Они не переставали быть на виду, если только роль не требовала от них исчезновения в маленькой занавешенной гримерке, тайной камере, служившей для сокрытия от глаз зрителя некоторых деликатных обстоятельств пьесы, таких как рождение святой Анны, святой Елизаветы, Девы Марии и т. д. Эта гримерка или ниша оказывала сильное влияние на пьесу. Эта ложа или ниша в высшей степени будоражила воображение зрителей. Когда занавески были открыты, люди следили за тем, когда они закроются, а когда закрывались, гадали, когда наступит момент, чтобы открыть их снова. Зритель не мог не догадаться обо всем, что было скрыто от него из соображений приличия, и мысленно следил за самыми скабрёзными поворотами действия; отсюда и поговорка, которая, выражая, что скандальная вещь не быть выставлена на всеобщее обозрение, чтобы она не причинила вреда, говорит, что она остается "за занавесом".

Не хватает точных документов, чтобы показать непристойности и безнравственность, которые сопровождали возрождение театра с самого начала; но несомненно, что эти благочестивые представления были поводом и причиной многих опасностей для нравственности. *Мистерия Страстей* и другие драматические композиции того же жанра, которые исполнялись по воскресеньям и праздникам в театре Троицы, несомненно, не имели иной цели, кроме возбуждения религиозных чувств, и мы можем предположить, что автор этой огромной драмы, охватывающей рождение, жизнь, смерть и воскресение Иисуса Христа, совершил благочестивый труд в форме литературного произведения, в котором мы вынуждены признать великую красоту. Это произведение, по сути, заслуживало того, чтобы его отретушировал и частично переделал Жан-Мишель, епископ Ле-Мана, живший в пятнадцатом веке. Однако, в соответствии с театральным гением того времени, многие сцены из *мистерии Страстей* и других подобных таинств пронизаны непристойностями, а диалог второстепенных персонажей заимствует ряд развратных образов и грязных слов из народного языка. Нередко и сами апостолы и святые, похоже, жили в обществе заблудших женщин и самых отъявленных развратников. Среди множества примеров выделим сцену из

"*Тайн святой Женевиевы*", в которой мы видим монахиню из Буржа, которая, прослышав о чудесах святой, пришла к ней в гости. Святая Женевиева спросила ее, в каком она состоянии; монахиня смело ответила, что она девственница. Ты!" - презрительно воскликнула святая:

Не девственница, нет, а рябая,
Кто в апреле так *развратничал*,
В третий день между собакой и волком,
Чем в саду Готье Шантелу,
Вы пострадали от его бертье.
Vous deflorast sous un peschier!"

Но поэтика мистерий обычно презирала робкие ограничения повествования; она лишь скрывала от глаз публики некоторые сценические постановки, которые были бы слишком живыми и слишком обнаженными для исполнения вне занавешенной ниши. Она доводила действие до крайности, когда интеллект зрителя брал на себя задачу завершить эпизод, прелюдии которого было достаточно, чтобы оскорбить даже самую робкую скромность. Даже когда занавес был задернут, актер своими жестами и гримасами старался истолковать то, что поэт оставил под прозрачной завесой. В "*Жизни и истории мадам святой Барбе*", которая была поставлена и напечатана около 1520 года (см. "Каталоги драматической библии М. де Солейна", автор П. - Л. Жакоб, библиограф. L. Jacob, bibliophile, t. I, p. 107), , хотя мистерия начинается с проповеди на текст из Евангелия, первая сцена открывается в дурном месте, где женщина, *помешанная* на своем теле (*meretrix*, говорится в печатной версии), поет песню и делает непристойные жесты (*signa amoris illiciti*, говорит издатель, на манер глоссы). Император (другого имени у него нет) приказывает этой женщине вовлечь святого в *блуд*, и вот как советник разврата пытается соблазнить мадам Барбе, которая рекомендует себя Богу:

"Я желаю вам счастливого дня:
Я не могу оставаться на месте,
Du jeu d'amour scay bien jouer...
A tous gallans fais bonne chere,
И вы должны.
Ons ne vy si belles mains,
Прекрасные бедра и такие прекрасные дожди,
Как и у вас, клянусь душой!
Мы оба заработаем деньги,
Ведь у тебя прекрасное нежное тело".

Авторы мистерий обращались к самым святым темам в совершенно непристойной манере; но, отнюдь не подражая древнему латинскому театру, они никогда не отводили большого места метафизической любви; они ничего не понимали в том, что мы называем страстной драмой; Они часто грубо выражали похоти плоти; им нравилось жестоко касаться вещей похоти, и только иногда они вздыхали о пасторальной идиллии, полной смутных сердечных побуждений, как в этом очаровательном диалоге двух пастухов в *Мистерии Страстей*:

МЕЛЬЧИ.

Пастухи будут петь.

АЧИН.

Маленькие пастушки будут смотреть.

МЕЛЬЧИ.

Нимфы будут слушать,

И дриады будут танцевать

С нежными Ореадами.

АЧИН.

Пан придет порезвиться.

Возвращаясь с Елисейских полей,

Орфей устроит свои сонады.

Потом Меркурий расскажет баллады

И песни, хорошо разрешенные.

МЕЛЬЧИ.

Пастушки будут угнетены

Внезапно, под пастилой...

Однако это были лишь редкие возбуждения любви, которые могли посеять смуту в юном сердце, нежном и наивном, но не развратить его и не опьянить ядами порока. Слишком часто актеры, движимые скорее *актерской игрой*, чем расчетом на личную испорченность, принимались добавлять к своей роли развратную пантомиму, которую поэт не предусмотрел и которую публика поощряла своими взрывами смеха и аплодисментами. Таким образом, группа дьяволов, известная как *la diablerie*, отличалась не только отвратительными масками и странными костюмами, но и непристойными позами и бесчестными жестами. Эти дьяволы, чьи портреты на рукописных миниатюрах, старинных настенных росписях и старых гравюрах на дереве не столько страшны, сколько смешны, иногда имели головы мартышек или сатиров, высунутые языки вместо их естественных частей или в качестве сосков. Сатана или Люцифер даже имел тело, полностью состоящее из этих гротескных голов, которые закатывали провокационные глаза и, казалось, использовали свой язык в качестве эмблемы нечистоты; кроме того, хвосты некоторых демонов имели непристойные формы и пропорции. Эти либидинозные эксцентричности, несомненно, терпели диаблери, поскольку, согласно верованиям католической церкви, дух зла - это прежде всего возбудитель блуда. Каждое представление проходило под надзором сержанта де ла дузана или сержанта а верже, в обязанности которого входило наблюдение от имени губернатора Парижа за полицией зала и проведением игр, чтобы не было ничего нечестного и не возникало беспорядков. (См. *Requête adressée au lieutenant du prévôt de Paris par les maîtres de la confrérie*, en 1403, в *Variétés histor. phys. et littér.*, изданном Boucher d'Argis в 1752 году, t. I, p. 461).

Это наблюдение, несомненно, осуществлялось между актерами и зрителями. Первые, например, не следовали никаким правилам искусства и предавались любым прихотям собственного изобретения; каждый одевался так, как ему нравилось, каждый придумывал, чем он может выделиться среди своих коллег и заслужить расположение публики. Из этого желания блистать, из этого артистического подражания рождались невероятные озорства и самые причудливые творения. *Диаблери*, как мы уже говорили, предавались серьезным

посягательствам на скромность, и в этом обвиняли дьявола. Но ангельский хор был не более сдержанным, и ангелы иногда заходили так далеко, что забывали о своей немой роли. Ангелы и черти были компаньонами, которые пели гимны, читали оратории, кричали или завывали по поданному им сигналу: их движения, танцы, гримасы и выходки зависели исключительно от прихоти и *изобретательности (ingenium)* каждого игрока. Иногда херувим, возвращаясь в свою кабинку, сворачивал свой длинный белый халат и показывал, что он снял свои *жабо*, чтобы никто не узнал в нем мастера-гардеробщика или рабочего с улицы Сен-Дени; В другой раз другой блаженный, одетый в мантию священника, попадал в ловушку и висел вниз головой, пока кто-нибудь не приходил его спасать и приводить в порядок его туалет. Эти бурлескные эпизоды можно найти на сайте в отчетах о некоторых из этих *игр*. В любом случае, среди *игроков* не было женщин: женские роли поручались молодым парням, которые больше всего походили на внешность, и которые брали на себя всю привлекательность этой работы. Это особенно привлекало мерзких развратников, которых всегда интересовали эти красивые *мальчики*, и которые, любуясь ими на сцене, наверняка пытались найти их и вне ее. Поэтому следует предположить, что, несмотря на надзор сержанта с дюжиной или сержанта с жезлом, полиция нравов не следила и не могла следить за порядком внутри театра: в партере, где никто не сидел и где зрители составляли компактную и непроницаемую массу; в коридорах и на лестницах, которые не всегда были пустынными и тихими во время представлений и которые не освещались вплоть до конца шестнадцатого века. В предписании гражданского лейтенанта, касающемся театра Бургундского дома, от 12 ноября 1609 года (см. *Traité de la Police*, by Delamare, t. I, p. 472), говорится, что "указанные актеры должны иметь свет в фонарях или иным способом, как в партере, монтерах и галереях, так и под дверями на выходе, под страхом штрафа в сто фунтов и примерного наказания. Мы поручаем комиссару полиции внимательно следить за этим вопросом и сообщать в полицию о любых нарушениях". Несмотря на это постановление и аналогичные, возможно, предшествовавшие ему, мы знаем, прочитав его в книге, напечатанной во времена Людовика XIV, что освещением подъемов и коридоров в то время пренебрегали настолько, что эти темные места использовались для свиданий и галантных встреч во время представлений; Ведь цитируемый нами автор, не вспоминая названия своего труда, жаловался, что, придя поздно в комедию после начала представления, честная женщина подвергалась опасности столкнуться в темноте с амурной парой, преградившей ей путь. Что касается интерьера зрительного зала, то он освещался лишь двумя-тремя коптящими фонарями, подвешенными на веревках над партером, и рядом больших сальных свечей, зажженных перед сценой, которая становилась темной, когда *флигель-адъютант* не занимался своими делами. Мы не будем подробно останавливаться на актах разврата, которые совершались, особенно в партере, во время представлений: достаточно сказать, что этот ежедневный скандал, дававший оружие врагам театра, продолжался до тех пор, пока Вольтеру не удалось заставить зрителей в партере сесть. В своих "*Нравственных, политических, исторических и литературных размышлениях о театре*" аббат де Латур в 1772 году (см. книгу IX, том V, с. 6 настоящего сборника) все еще жаловался на разврат в партере!

Однако театр избежал бы отлучений церкви, наговоров парламентов, мстительности полицейских магистратов, если бы сохранил исключительно религиозный характер, который способствовал его восстановлению под покровительством Карла VI; Но когда в провинциях стали возникать драматические братства, подобные Страстному, которые также исполняли *мистерии* и *чудеса* с помощью мастеров и рабочих гильдий, молодежь вскоре устала от назидательного зрелища, напоминавшего проповедь в действии; старое галльское веселье уже не довольствовалось этими благочестивыми представлениями, где все же было над чем посмеяться, и во Франции родилась комедия. В Париже были основаны веселые братства

под названием "*Дети без суки*" и "*Клерки де ла Базош*", которые исполняли фарсы и *шутки*, не требующие театральной пышности *мистерий* и нуждающиеся лишь в небольшом количестве хороших комедиантов. Этот новый шуточный театр сначала открывался под открытым небом, на ярмарочных площадях, в рыночных павильонах и посреди городских перекрестков. Два или три жонглера, установленные на подмостках, одетые в украшения, с почерневшими или раскрашенными лицами, с гравием вели диалог о сценах из народных нравов, почти неизменно на тему любви и брака. Эти сцены, не слишком приличные сами по себе, прекрасно поддавались еще более непристойным импровизациям. Позже за импровизациями последовали пьесы, написанные в стихах, точнее, в рифмованных строках, что не мешало актеру снова импровизировать и давало некоторую свободу действий его развратной пантомиме. Этого было достаточно, чтобы лишить актеров "Страстей" большей части аудитории и сделать их выступления менее продуктивными. Напрасно они пытались соперничать со своими грозными конкурентами, вставляя в мистерии то бурлескные эпизоды, то шутовские персонажи, чтобы хоть как-то отвлечься от серьезности и величия сюжета; ничего не получалось: Фарсеров всегда принимали лучше, чем конферансье из Больницы Тринита, и публика, которую они забавляли, встала на их сторону, когда они подверглись преследованию со стороны прокурора Парижа, который хотел воспротивиться постоянному размещению их театра. Теперь уже было слишком поздно подавлять этот вид развлечений, который так хорошо соответствовал французскому духу: все, что можно было сделать, это установить ограничения и подчинить его, так сказать, привилегиям, предоставленным Карлом VI конферансье Страстей. Поэтому конферансье подписали союзный договор с "Детями-сан-суси", по которому они должны были совместно и на одной сцене эксплуатировать два драматических жанра, которые в то время делили между собой все еще ограниченную область театрального искусства. Между двумя соперничающими труппами было решено, что они будут показывать работы друг друга, а также поочередно играть фарс и мистерию, чтобы разнообразить свои представления. Люди, которых, похоже, позвали в качестве свидетелей подписания договора, прекрасно оценили его значение в интересах своих удовольствий и назвали это сочетание самых несопоставимых жанров, священного и профанного, трагического и комического, назидательного и скандального, *игрой в горошек*. Выражение "*pois pilés*", означающее смесь или попури, очевидно, отсылает к очень популярному в прошлом фарсу, в котором *шутник* изображал, как колотит сушеный горох, подмешивая в него люпин, который очень горький, и нут, который часто использовался в медицине.

Парижский театр, который был, если можно так выразиться, лидером всех театров Франции, оставался таковым до середины XVI века: в нем было две отдельные труппы - Конферансье Страстей и Младенцев-без-сук, которые выступали одновременно или попеременно. Представления проходили между мессой и вечерней по воскресеньям, то есть с полудня до четырех часов; поскольку за это время было бы невозможно исполнить мистерию, состоящую иногда из тридцати актов, сорока тысяч куплетов и двух-трех сотен актеров, они ограничивались извлечением нескольких сцен или целого акта, которые, сопровождаемые фарсом или проповедью, составляли представление. В редких случаях, особенно в провинциях, разыгрывалась полная мистерия, и тогда представление длилось несколько дней подряд. Тогда оно проходило не в закрытом помещении, а в развалинах римского амфитеатра, как в Дуэ, или на открытом театре, установленном на площади или на обширной равнине. В этих торжественных случаях все жители города, *страны* или *региона* участвовали в общих расходах, давали милостыню, еду, оружие и одежду, а также имели право присутствовать *на игре* и *смотре*, которые всегда были прелюдией. Достаточно указать на то, насколько благоприятствовали проституции подобные *пленарные суды* народа, приводившие в движение столько различных страстей, столько тщеславия, столько похоти,

столько престижа и соблазнов. Разыгрывание великой мистерии неизбежно порождало бесчисленные оргии и всевозможные беспорядки; но, по крайней мере в Париже, еженедельные представления "Конферансье страсти" и "Детей без души", хотя и были одинаково опасны для нравственности, не могли породить таких эксцессов: они медленно действовали на общественную мораль и незаметно изменяли чистоту душ, постоянно взбаламучивая ил общественной жизни. Каким бы непристойным, скандальным и развращающим ни был театр, он, похоже, не вызывал неприятия и порицания со стороны гражданской или церковной власти до правления Людовика XI в Париже. В другом месте мы уже говорили, что около 1512 года (см. выше, т. V, стр. 82) "Детям-сан-суси" угрожали изгнанием, и они были вынуждены приостановить свои выступления, пока их коллега Клеман Маро не восстановит их расположение к королю. Причина такого позора неизвестна, но вполне вероятно, что вопрос морали здесь ни при чем, а эти дерзкие проказники, подобно священнослужителям Басоша, позволили себе несколько сатирических шуток над скупостью короля, его политикой или королевой Анной Бретанской. Несомненно, именно по этому поводу Людовик XII заявил, что хочет уважать честь дам и заставит каяться любого, кто посмеет ее подорвать. Вполне вероятно, что причины, приведенные в то время для закрытия Театра детей без соучастия, были порождением обычая, существовавшего уже в XVI веке и сохранившегося до наших дней: *мастера спектакля* должны были сдавать на хранение губернатору Парижа рукописи пьес, которые они хотели поставить, и получать от него или его лейтенанта предварительное разрешение на постановку каждой новой пьесы. Правда, авторы и актеры часто отказывались выполнять это требование, и многие непристойные фарсы, выдававшиеся за импровизированные, таким образом ускользали от внимания цензоров, которые не давали на них разрешения. Гражданский лейтенант в своем постановлении от 12 ноября 1609 года подтвердил запрет на исполнение "любых комедий и фарсов, если они (актеры) не сообщили о них королевскому прокурору, а их роль или реестр подписаны нами". Мы не можем поверить, что прологи Брускамбия, аранжировки Табарина и шансоны Готье-Гаргиля были представлены таким образом королевскому прокурору и получили его одобрение.

Мы уже говорили о развратной жизни комедиантов и всех молодых распутников, которые выбирали эту не слишком почетную профессию, чтобы легче предаваться разврату, безделью и бродяжничеству. Мы видели, что поэты, такие как Вийон и Клеман Маро, испытывали непреодолимую тягу к театру. Легко понять, что набожность и религиозный энтузиазм уже не были, как в ранние времена, связующим звеном и притягательной силой для приверженцев Страстей. Тем не менее Церковь еще не предала их анафеме, несмотря на развращенность их нравов и скандальность их частного поведения. Богословы в своих догматических трудах, правда, говорили, что нельзя, не нарушая канонических законов, давать таинство Евхаристии гистрионам, которые всегда находились в состоянии смертного греха (см. *Traité hist. et dogmat. des jeux de théâtre* Pèrre Lebrun, p. 202), а знаменитый казуист Габриэль Биль, рассмотревший этот случай совести в конце XV века, в то самое время, когда создавалась Конфедерация страстей, включает театральное искусство в число проклятых и запрещенных искусств. Устав Парижского университета предписывал вывести комедиантов за пределы мостов и не разрешать им жить в школьном округе, настолько опасными для нравственности считались их театральные игры (*Ludi...., quibus lascivia, petulantia, procacitas excitetur*, stat. 29 и 35). Однако церковная доктрина никогда не применялась к комедиантам, которых хоронили в святой земле, о чем свидетельствуют погребения и эпитафии некоторых из них, которые можно увидеть в различных приходах Парижа. Что касается актрис, то они были отлучены от церкви не больше, чем актеры, когда стали появляться на сцене без масок во времена правления Генриха III и Генриха IV. Однако эти актрисы были всего лишь наложницами актеров и, подобно им, жили в таком распутстве, что, по выражению

Таллемана де Рео, служили *общими женами* для всей драматической труппы. Таким образом, они всегда были частью кочевых или оседлых актерских объединений; но публика их не знала, и их более или менее бесчестные атрибуты скрывались за театром; как только они претендовали на женские роли, которые всегда исполняли мужчины, их присутствие на сцене рассматривалось как одиозная проституция своего пола.

Эти первые женщины-актеры настолько негативно воспринимались публикой, которая едва терпела их в своих ролях, что эти роли не принадлежали им по праву, и актеры часто ссорились из-за них. Мы считаем, что именно пример итальянской и испанской трупп привел к появлению женщин на французской сцене: итальянская труппа была вызвана из Венеции в Париж Генрихом III; испанская труппа прибыла только во времена Генриха IV. Эти две труппы вызвали множество беспорядков, и виноваты в этом были актрисы, поскольку нескромность их игры и ухоженности придавала представлениям дополнительную привлекательность и скандальность. "В воскресенье 19 мая 1577 года, - пишет П. де л'Эстуаль, - итальянские комедианты, прозванные *i Gelosi*, начали представлять свои итальянские комедии в зале парижского общежития де Бурбон; они брали жалованье по 4 соля за тест со всех францисканцев, которые хотели пойти посмотреть их представление, и там было столько народу, что четыре лучших проповедника в Париже не собирали столько людей, когда читали свои проповеди". Ранее мы уже сообщали об особом очаровании этих представлений для распутников, которые приходили туда специально, чтобы полюбоваться *на этих добрых дам*, чьи полностью обнаженные груди поднимались и опускались "по компасу или мерке, как часы". (См. с. 46 и 47 данного тома.) Парламент счел нужным положить конец этим непристойным представлениям и через шесть недель после открытия театра Гелози запретил им показывать свои комедии под страхом штрафа в 10 000 парижских ливров, который должен был быть внесен в *ящик для бедных*; Но итальянцы не посчитали себя побежденными и в субботу 27 июля вновь открыли театр Бурбонского отеля, "как и прежде, - говорит Л'Эстуайл, - по прямому разрешению и справедливости короля; коррупция того времени была такова, что шуты, буффоны, шлюхи и прислужники пользовались всеми почестями". Что касается испанских актеров, то они обосновались в 1604 году на Сен-Жерменской ярмарке, и их пребывание в Париже было отмечено казнью двух из них, которых пристав Сен-Жермена зажал живьем как виновных в убийстве актрисы, их товарища, которого они зарезали и бросили в Сену. Эта красивая молодая испанка, около 22 лет, по словам Л'Эстуаля, "была давно знакома" с этими двумя мужчинами, которые, несомненно, убили ее, чтобы отомстить ей, а не ограбить ее. Таково, на наш взгляд, происхождение установки комедиантов на французской сцене. Невозможно сказать, кто первым выставил себя на всеобщее обозрение. Имя *женщины Дюфрен* написано от руки на экземпляре *l'Union d'amour et de chasteté*, пасторальной пьесы в пяти действиях и стихах, детища А. Готье, аптекаря из Авранша. Эта пьеса, напечатанная в Пуатье в 1606 году, несомненно, была поставлена примерно в это время (см. "*Библиографию драматических произведений*" М. де Солейна, т. I, с. 189).) В экземпляре другой пьесы того же периода, "*Трагедии Жанны д'Арк, а также Орлеанской герцогини*", напечатанной в Руане Рафаэлем дю Пти-Валем в 1603 году, мы находим имена двух актрис, написанные от руки: редактор Каталога драматической библиотеки М. де Солеанна (*Supplém. au tome 1er*, p. 30) прочитал *V. Froneuphe* и *Marthon Plus*. Мы склонны полагать, что здесь следует читать *Фанюш*, которая была известной куртизанкой, с которой имел дело Анри IV. (См. выше, гл. XXXVIII.) Наконец, аббат де Мароль в своих "*Записках*" (т. I, с. 59 изд. in-12, опубликованном в 1755 году), с похвалой отзывается об актере из Бургундского дома, который в 1616 году играл женские роли под именем *Перрин* у Готье Гаргиля; он также говорит об "этой знаменитой актрисе по имени Лапорте (Мари Вернье), которая все еще выходила на сцену и вызывала всеобщее восхищение вместе с Валераном".

Можно сказать, что женщины никогда не появлялись в *мистериях*: запрет на этот вид шоу не должен, таким образом, объясняться каким-либо скандалом, который могло вызвать их присутствие. В 1540 году парламент впервые счел необходимым вмешаться в театральные дела, но, несомненно, интересы морали уже давно требовали его вмешательства. Парламент начал с того, что вернул госпиталь Тринита в его прежнее использование и удалил Конферансье де ла Страсть, которые перенесли штаб-квартиру своего братства в церковь якобинцев на улице Сен-Жак, а свой театр - в отель Фландр. Театр был устроен с большими затратами в этом большом отеле, расположенном между улицами Платриер, Кок-Эрон, Кокильер и Вье-Огюстен; но после первых представлений новой *мистерии*, *ветхозаветной*, состоявшихся в конце 1541 года, парламент приказал закрыть театр на основании постановления, в котором говорилось следующее: "1° что для услаждения народа эти игры обычно смешиваются с фарсами или насмешливыми комедиями, что запрещено святыми канонами; 2° что авторы этих пьес, играя ради выгоды, должны выдавать себя за гистрионов, шутов или жонглеров; 3° что собрания этих игр порождают вечеринки или увеселения, связанные с прелюбодеянием и блудом; 4° что это заставляет мещан и ремесленников города тратить деньги не по назначению." (*Disc. sur la comédie ou Traité histor. et dogm. des jeux du théâtre*, by P. Pierre Lebrun, Paris, veuve Delaulne, 1731, p. 214). Конферансье де ла Страсть отстаивали свои привилегии, дарованные Карлом VI и неоднократно подтвержденные королями его преемников; они обратились с петицией в парламент и с мольбой к королю, заявив, что с незапамятных времен совершали свои таинства "для назидания простого народа, без общих или особых обид". Король отдал приказ, и парламент отменил свое решение в постановлении от 27 января 1541 года (1542 год по новому стилю). Суд, следуя королевской грамоте, разрешившей Шарлю Леруа и его помощникам, мастерам и предпринимателям ветхозаветной пьесы и мистерии, исполнять эту мистерию, дал им такое же разрешение, "при условии, что они будут использовать ее хорошо и послушно, не прибегая к какому-либо мошенничеству и не интерполируя профанные, развратные и нелепые вещи". В этом указе также говорилось, "что за вход в театры они (мастера спектакля) будут брать с каждого человека только два су, а за наем каждой ложи во время упомянутой мистерии - только тридцать эску; это будет делаться только в неторжественные праздничные дни; начнут в час после полудня, закончат в пять и проследят, чтобы не было ни скандала, ни беспорядков, а поскольку народ будет отвлечен от богослужения и это уменьшит милостыню, они раздадут бедным сумму в тысячу фунтов, если только не прикажут выдать большую сумму." Считается, что это первое применение *закона о бедных*, который впервые был введен в пользу бедных сирот.

Парламенту открылись глаза на неуместность мистерий и непристойность сопровождавших их фарсов; *мистерия Страстей*, отретушированная и исправленная Арнулем Гребаном, содержала не один недопустимый отрывок (см. Dulaure's *Hist. de Paris*, ed. in-12, t. III, p. 501); *мистерия Ветхого Завета*, последняя из исполнявшихся и печатавшихся, содержала сцены, не менее оскорбительные для нравственности, чем для религии. Внезапно король приказал снести Отель де Фландр, и участники "Страстей" снова оказались без дома: вероятно, это было сделано для того, чтобы заставить их закрыть свой театр. Они купили старый Бургундский отель на улице Моконсейль и построили там новый театр; Но когда они уже собирались возобновить свои представления, парламент, к которому они обратились за подтверждением своих привилегий, в постановлении от 17 ноября 1548 года прямо запретил им "исполнять таинства Страстей Спасителя или другие священные таинства под страхом произвольного штрафа, разрешив им, однако, исполнять другие светские, честные и законные таинства, никого не обижая и не оскорбляя." Некоторые из них были переизданы, но исполнялись они только в провинциях. Парламент, запретивший их, на самом деле соответствовал вкусам публики, которая холодно или с негодованием относилась к такого

рода зрелищам. Трагедия и комедия разделяли драматическую последовательность мистерий, но любимым жанром XVI века, который не одобряли честные люди и который не осмеливался запретить парламент, был фарс "Детей без родителей", шутовская и развратная комедия, изображавшая пороки и нелепости народа. Фарсы, - говорит Луи Гюйон в своих *"Разных нравах"* (Лион, Ant. Chard, 1625, 3 тома. in-8°), - ничем не отличаются от комедий, кроме того, что вводятся собеседники, представляющие людей небогатых и своими жестами приучающие народ к смеху, а также, среди прочих, вводятся один или два, подделывающие дураков, называемых Зани и Панталоне, с фальшивыми лицами, очень поддельными и смешными: во Франции их называют *бадинами*, одетыми в те же одежды. И обычно не более чем о добрых трюках, которые фриппоны разыгрывают ради еды с бедными идиотами и неуклюжими людьми, позволяющими себя легко обмануть и убедить; или вводятся похотливые, сладострастные персонажи, которые обманывают некоторых глупых и тупых мужей, чтобы надругаться над их женами, или очень часто женщины, которые изобретают способы тонко наслаждаться огнем любви, никого не замечая... Что касается фарсов, то, поскольку они часто полны всевозможных дерзостей, пороков и жадности, а также менее чем честных жестов, учат людей, как обманывать чужих жен, слуг и служанок, своих хозяев и прочим подобным вещам, они не одобряются мудрыми людьми и не считаются хорошими. Тем не менее, фарсы, большинство из которых остались неопубликованными и последовали могилой за старыми комедиантами, занимали театр вплоть до правления Людовика XIV, когда некоторые из самых известных из них были превращены в комедии.

С тех пор как зрелища мистерий были отменены, театр, вместо того чтобы очиститься и устремиться к нравственной цели, предался разврату, достойному оправдать горькие жалобы его врагов; казалось, у него не было другой цели, кроме как развращать молодежь и учить разврату. В 1588 году в своей *knure Remonstrances très-humbles au roy de France et de Pologne Henry troisieme de ce nom, sur les désordres et misères du royaume* ревностный католик осудил его к ужасу добропорядочных граждан и наказанию магистратов. "В этой выгребной яме и доме Сатана, называемом *общезитием Бургундии*, актеры которого неправомерно называют себя *свидетелями Страстей Иисуса Христа*, происходит тысяча скандальных свиданий, в ущерб честности и благоразумию женщин и к разорению семей бедных ремесленников, из которых нижняя комната (партер) совершенно переполнена, и которые, более чем за два часа до игры, проводят время в нескромных расчетах, карточных и дез-играх, обжорстве, пьянстве, все публично, от чего происходят несколько ссор и побоищ... На эшафоте (театре) устанавливают алтари, увешанные крестами и церковными украшениями; священников, одетых в сюртуки, изображают даже на нескромных фарсах, чтобы над ними посмеяться... и, более того, нет ни одного фарса, который не был бы мытарством, грязным и мерзким, на злобу молодежи, которая его посещает".

Фарсы XVI века были позором нашего французского театра и служили для деморализации общества; но мы знали бы о них только понаслышке, если бы две недавние публикации не вернули нам около ста пятидесяти из них, которые таким образом избежали систематического уничтожения. В своей *"Французской библиотеке"*, напечатанной в Лионе в 1584 году, Антуан дю Вердье, сеньор де Вопривас, писал: "Нельзя сказать, какие фарсы были сочинены и напечатаны, так велико их количество; ведь в прошлом каждый мог позволить себе их делать, и до сих пор гистрионы, известные как *Enfans-sans-souscu*, играют и декламируют их. Теперь фарс - это только один акт комедии, и самый короткий из них считается лучшим, чтобы избежать скуки, которую навевают на зрителей пролексика и длина". Дю Вердье добавляет, что, согласно *"Искусству риторики"* Грациана дю Пона, фарс или глупость не должны превышать пятисот строк. Помимо собственно фарсов,

существовали также легкомысленные диалоги с двумя персонажами, монологи и легкомысленные проповеди, произносимые одним актером. Несмотря на множество существовавших фарсов, сохранилось не более двадцати, потому что церковники и набожные люди успели сделать так, что все экземпляры этих вольных или непристойных сочинений исчезли: легко понять, почему было напечатано так много фарсов, и так много последующих изданий бесследно исчезли. Несколько лет назад в одном из старых книжных магазинов Германии была обнаружена коллекция из шестидесяти четырех фарсов, диалогов, монологов и радостных проповедей, большинство из которых было напечатано в Лионе около 1545 года; *Британский музей* в Лондоне приобрел эту уникальную коллекцию, в которой всего шесть или семь произведений, уже известных по разным изданиям. Именно это собрание фарсов М. Виолле-Ледюк публикует сегодня под названием *"Древний французский театр"* (Париж, П. Жанне, 1854, 3 тома, инв. 18). Ранее М. Франсиск-Мишель издал (Париж, Тешенер, 1831-37, 4 тома, in-8°) на основе рукописи, находившейся во владении герцога де ла Вальера (см. *Catal. de ses livres*, n°3304), которая сейчас хранится в Императорской библиотеке, семьдесят четыре фарса того же периода, которые, безусловно, были напечатаны в новинку, а старые издания были уничтожены, как и многие другие. Этих двух коллекций, столь ценных для истории старого театра, достаточно, чтобы понять, насколько общественная мораль и приличия должны были пострадать от исполнения фарсов, в которых актеры всегда преувеличивали непристойность сюжета и диалога.

Неустанная война с печатными фарсами уже привела к тому, что в начале XVII века они стали настолько редкими, что библиофил, любитель этого вида игривой литературы, попытался спасти несколько из них от гибели, перепечатав в 1612 году у Николя Руссе, книготорговца из Парижа, *собрание нескольких фарсов, как старинных, так и современных, которые были приведены в порядок и изложены лучшим языком, чем прежде*. Авторы *"Библиотеки французского театра"* (герцог де ла Вальер, Марин и Мерсье де Сен-Леже) проанализировали семь фарсов, содержащихся в этом любопытном сборнике, таким образом, чтобы показать нам, что театр того времени мало заботился об уважении публики, которая прощала даже самую грубую ерунду, лишь бы было над чем посмеяться. В одном из таких фарсов, которому подражал Лафонтен в сказке *"Уховар"*, толстая женщина спрашивает у врача, кто у нее родится - мальчик или девочка. Доктор заглядывает ей в руку и говорит, что у ребенка не будет носа. Женщина отчаялась, но доктор утешил ее и пообещал компенсировать ее несчастье. Женщина возвращается к мужу, который ждал ее у двери, и через минуту рождает. Как, - сказал муж, - прошло тринадцать месяцев с тех пор, как я был рядом с тобой, и ты родила ребенка, тогда как в первый год нашего брака ты родила через шесть месяцев! Это, - ответила она, - потому что в первый раз ребенка положили слишком близко к выходу, а во второй - слишком далеко вперед". Заставить женщину рожать на сцене не было ничего; любовников и супругов часто видели лежащими и продолжающими свою роль между простынями кровати! Часто действие также происходило за сценой или в занавешенной нише; но, чтобы избежать недоразумений, зрителя предупреждали о том, что ему нельзя видеть. В фарсе *"Веселая и оживленная женщина, которая требует у своей Мари арестов"* супруги, едва не обратившиеся в суд по этому супружескому вопросу, наконец пришли к соглашению и вышли на улицу вместе. Сосед, который прилагал усилия для примирения сторон, сказал:

"Они ушли туда,
Подумайте, скрепите их соглашение,
чтобы оно было крепче.

Вот как надо умиротворять
Женщин, когда они хотят пошуметь".

В *"Новом фарсе"*, содержащем спор молодого монаха и старого жандарма перед богом Купидоном за девушку, эта девушка приходит изложить свои доводы перед тронем Купидона: она чувствует себя взволнованной амурными желаниями и потребностями; Купидон советует ей взять любовника, а не мужа, и обещает обеспечить ее до лучших времен. За обладание девушкой борются молодой монах и старый жандарм, и Купидон, чтобы привести их троих к согласию, предлагает им спеть вместе песню; они один за другим извиняются за то, что не выполнить этот музыкальный вызов, и причины их отказа - не более чем грубая двусмысленность. Оба конкурсанта не подают голоса, так как Купидон намеревался оценить способности каждого из них; но бог любви полагается на другие, менее обманчивые подсказки и дает девушке понять, что молодой монах лучше *старого* жандарма.

Нужно было бы привести все фарсы, сохранившиеся до нас от XVI века, чтобы увидеть бесчисленные ресурсы их безнравственности и показать, какую роль они играли в обучении проституции. Хорошая женщина, посетив эти нечистые представления, возвращалась с оскверненной душой и помутившимся рассудком. Не только самые непристойные образы, самые грубые слова и самые постыдные сентенции пестрели в диалогах фарсеров, но и их пантомима и сценические игры были ужасными провокаторами к разврату. Невозможно составить представление о том, какими были популярные фарсы того времени, не прочитав несколько из них. В *"Библиотеке французского театра"* герцога де ла Вальера, Марена и Мерсье де Сен-Леже, в *"Истории французского театра"* братьев Парфе и в *"Универсальной истории театра"* общества литераторов дается подробный анализ некоторых из этих развратных пьес; но читатель, желающий изучить истоки нашей драматической литературы еще более пристально, должен обратиться к бесценному собранию фарсов, которое М. Р. Jannet только что переиздал в своей Библиотеке Elzevirienne под названием *Ancien théâtre françois*. Среди шестидесяти четырех фарсов, историй, моралите, диспутов, монологов, диалогов и радостных проповедей, составляющих этот сборник, мы хотели бы особо отметить *фарс брата Гильбера*, который бывший издатель назвал *очень хорошим и очень радостным*; он действительно комичен, и можно оценить успех смеха, который он вызывал на представлениях; он самый свободный из всех, дошедших до нас. Она начинается с одной из тех радостных проповедей, которые часто служили единственной интермедией между актами трагедии или серьезной комедии.

Таков был популярный театр до начала XVI века: анализируя этот знаменитый фарс, мы хотели бы показать, какое печальное влияние он должен был оказать на нравы. Фарсы такого рода были бесчисленны, как говорит дю Вердые; их ставили по всей Франции, в самых маленьких деревнях; они служили, так сказать, темой для самой непристойной пантомимы; они пачкали глаза и уши зрителей, которые поощряли непристойную игру актеров безумными аплодисментами и взрывами хохота. Легко понять, почему католическое духовенство с негодованием осудило это прискорбное надругательство над театральным искусством, и уже неудивительно, что в присутствии такой грязи весь театр оказался под анафемой, которой церковь предала фарцовщиков и комедиантов. Сен-Франсуа де Салес, писавший о религиозной морали примерно в это время, сравнивал театральные представления с грибами, лучшие из которых не полезны для здоровья. Однако гражданские власти, отвечавшие за соблюдение морали, похоже, не были тронуты невероятной разнузданностью французского театра до конца правления Людовика XIII; до этого времени

гражданский лейтенант в ряде постановлений, касающихся актеров, предписывал им исполнять только "законные и честные пьесы, которые никого не оскорбляют"; но комиссары и сержанты, похоже, не следили за исполнением этих постановлений в интересах общественного приличия. С другой стороны, репрессии были очень быстрыми и суровыми в отношении всех личных сатир, направленных на известных людей и знатных особ. Комедианты, потворствовавшие малейшему нарушению личного уважения и тайны частной жизни, подвергались тюремному заключению без суда и следствия. Что же касается фарсов, которые были просто грубыми или неблагородными, то им давали волю, и, казалось, никто не скандалил из-за них, тем более что эти бесчестные представления были очарованием народа, который находил в них изображение своих грубых манер, верное выражение своих низменных чувств и копирование своего банального языка.

Мы уже говорили, что большинство фарсов так и не было напечатано, а те, что были, в значительной степени исчезли. В коллекции *Британского музея* в Лондоне и Императорской библиотеки в Париже их сохранилось достаточно, чтобы составить точное представление о том, до какой степени разврата могли дойти постановщики этих отвратительных пьес. Вот названия некоторых из них, которые, кроме того, выполняют все, что обещает их преамбула: "Новый фарс, очень веселый и радостный, о женщинах, которые требуют от своих супругов разрешения, а те их обязывают; девять персоналий: Мария, Дама, Шамбриер и Буазен. -Farce nouvelle et fort joyeuse des femmes qui font escurer leurs chaulderons et deffendent qu'on ne mette près du trou; à trois personnages, c'est assavoir: la première femme, la seconde et le maignen. -Farce très-bonne et fort joyeuse de Jeninot, qui fist un roy de son chat, par faulte d'autre compaignon, en criant: Le roy boit! et monta sur sa maistresse pour la mener à la messe; à trois personnages, etc.". Таковы были названия, дававшие представление о пьесах, которые афиша объявляла публике и которые пользовались необычайной популярностью. Эти фарсы заучивались наизусть, и каждый, если нужно, был в состоянии сыграть свою роль, когда, за неимением профессиональных *игроков*, братство товарищей, гильдия торговцев, веселое общество, составляли драматическую труппу. В первой половине XVI века объединения мещанских или ремесленных актеров множились по всему королевству, а проституция, которая всегда была мотивом этой необузданной страсти к театру, также множилась пропорционально количеству актеров и актрис, которые жили в самом отвратительном беспорядке.

"В то время в Париже было две труппы, - рассказывает Таллеман де Рео, собравший предание из уст современников (т. X изд. in-12, с. 40), - почти все они были плутами, а их жены жили в величайшем разврате на свете: они были общими женами и даже для комедиантов другой труппы, к которым они не принадлежали". Таллеман де Рео добавляет далее: "Комедия стала в чести только с тех пор, как о ней позаботился кардинал де Ришелье (около 1625 года), а до этого честные женщины не ходили". Три самых искусных шута того времени, известные под своими сценическими именами Турлупен, Готье Гаргиль и Гро-Гийом, играли комедию без женщин и довели бурлеск до бесстыдного цинизма; Tallemant des Réaux, тем не менее, говорит, что Готье Гаргиль был "первым, кто начал жить немного более упорядоченно, чем другие", и что Турлюпен, "пользуясь скромностью Готье Гаргиля, обставил комнату должным образом; ведь все остальные были разбросаны тут и там, и не имели ни огня, ни места." Соваль, писавший свою *"Историю парижской старины"* одновременно с *"Историей"* Таллемана, старается не выдавать свидетельство о доброй нравственности этим трем знаменитым шутам; он даже говорит о Готье Гаргиле, что тот "никогда никого не любил, кроме как в низости"; а эпитафия, сделанная для трех друзей, похороненных вместе в церкви Сен-Совер, содержит строку, которая вполне может намекать на безнравственность их связи:

Готье, Гийом и Турлюпен,
Невежды в греческом и латыни,
Все трое блистали на сцене
Не прибегая к услугам женского пола,
Что, по их мнению, было слишком умно:
Заставляя забыть все печали,
Их игривая театральность
Рассеивали самую сильную печаль.
Но Смерть, через неделю,
Чтобы отомстить за свой мятежный пол,
заставила всех троих найти свой конец.

Гро-Гийом играл с непокрытым лицом, но два его друга всегда были в масках: у каждого из них был характерный костюм, который он никогда не менял во время фарса. Прежде чем присоединиться к труппе в Бургундском отеле, они установили свои подмостки в *jeu de raute*, который был недостаточно велик, чтобы вместить всех любопытных зрителей, которых привлекали эти представления. Кардинал де Ришелье захотел увидеть и услышать их; он был в восторге от них и счел их достойными стать актерами Бургундского дома, где они брали свои фарсы и песни. Можно предположить, что эти фарсы были делом рук Турлупена и Гро-Гийома, поскольку название "*турлупинады*" прижилось к легкомысленным сценкам, которые они исполняли в изобилии, экспромтом, как итальянские фарсы. Более того, мы знаем, что у песен, которые наши три друга исполняли в столь приятной манере, был не кто иной, как Готье Гаргиль, который сам напечатал их в 1632 году (Париж, Тарга, малый in-12), получив для этого под своим настоящим именем привилегию от короля, дарованную, как говорилось в этой привилегии, "нашему дорогому и любимому Гюгу Геру, dit Fléchelles, одному из наших обычных комедиантов, дабы фальшивомонетки не пришли и не добавили других, более развратных песен." *Шансон Готье Гаргиля*, каким бы распущенным он ни был по сути, стал пословицей, и многие, по словам Совалы, ходили в Бургундский дом только для того, чтобы послушать его. Что касается фарсов, в которых Турлупен (так звали Анри Леграна) отличился "поединками, полными остроумия, огня и рассудительности", то они, скорее всего, не были напечатаны: о них известно только по сценам, воспроизведенным на старых гравюрах Мариетта и Абрахама Боссе. Кроме того, эти прославленные шутники пробовали свои силы и в героической комедии, которая иногда опускалась до банальностей фарса.

В начале XVII века в Бургундском доме, где до середины XVII века давались собственно фарсы, появился комедиант, не менее известный, чем Турлупен, Готье Гаргиль, Гро-Гийом и Гийо-Горю. Это был шампенуа по имени Деслорье, взявший себе прозвище *Брускамбиль*, под которым он сочинял и публиковал *приятные фантазии*, изрекаемые им на сцене, чтобы держать публику в напряжении между двумя пьесами и подготовить ее к восприятию фарсовых забав. Использование этих комических и грассирующих интерлюдий, несомненно, восходит к зрелищу *гороховой кашицы*, а *бадин*, пришедший прочитать публике *монолог* или *радостную проповедь*, не жалел гримас и неприличных жестов, чтобы рассмешить зрителей, ведь они не знали, что такое краснеть при непристойном слове или развратной пантомиме. В прошлом люди осмеливались выступать в театре с "*Веселой проповедью деспуцеллера нуррисов*", "*Проповедью фрапперов*" и многими другими монологами в стихах или прозе, не менее радостными и не менее непристойными. Во времена правления Генриха IV Брускамбиль прославился своими язвительными речами, с которыми он обращался к публике до или после комедии и которые на всевозможные причудливые, нахальные или смешные темы; иногда, в суде над вошью и тик-так-ом, он

подражал формам дворца и педантичному красноречию адвокатуры; иногда, в панегирике в пользу больших носов, он перефразировал эту двусмысленность на макаронской латыни: *Ad formam nasi cognoscitur ad te levavi*; иной раз он пытался открыть под женскими юбками тайны прыжков блох; иной раз он утверждал, что совершил путешествие в рай и ад, чтобы расспросить масонов и мананов об этом великом вопросе: *Uter vir an mulier se magis delectet in copulatione*. Зрители знали достаточно латыни, чтобы понять пьесу Брускамбиля, и хохотали до слез, даже когда не понимали его, ведь его молчаливое исполнение говорило не меньше, чем его слова. Иногда Деслорье шутил на серьезные темы, что гораздо меньше нравилось завсегдатаям "Бургундского отеля"; он часто возвращался к апологии театра и оправданию актера, которого он пытался поднять из позора, в который его ввергла профессия; но вскоре ему приходилось возвращаться к своему грассирующему тону и делать свое дело, накапливая, например, все самые эксцентричные пошлости и грязь. Маркиз дю Рур процитировал в своем "*Библейском аналекте*" (т. II, с. 152 и далее) некоторые из непристойных пословиц, фантазий и дерзких парадоксов, которые Деслорье декламировал и имитировал на сцене. Читателя, желающего узнать больше, мы отсылаем к "*Nouvelles et plaisantes imaginations de Bruscamille*", которые автор не побоялся посвятить *Monseigneur le Prince*, то есть Анри де Бурбону, принцу де Конде!

И все это печаталось и перепечатывалось с королевской привилегией! И все это исполнялось и разыгрывалось не только в театре Бургундского отеля, но и во всех *деревенских* театрах, которые заимствовали его репертуар! Все бы ничего, если бы публика, сбежавшая послушать эти мерзости, состояла из пьяниц и распутников, людей без признания и проституток; но буржуа приводил на комедию жену и дочь; молодежь еще более страстно, чем зрелые мужчины, любила это развлечение, возбуждавшее их к разврату, и повсюду театр представлял безумные любовные связи и прелюбодеяния, обманутых мужей, неверных жен, сводников проституции и врачей безнравственности. Именно там люди теряли себя из-за плохих советов и дурных примеров. Но если бы они не ходили смотреть на комедиантов Бургундского дома, театра Аржан или театра Марэ, театра Сен-Жермен и тех, кто устраивает свои театры во всех заведениях моды, они бы развлекались на отвратительных парадах под открытым небом на площади Дофина и Пон-Нёф, чтобы разлагать свое мышление и учиться в школе блуда; Там он мог бы каждый день, не вынимая кошелька, выслушивать *встречи, вопросы, просьбы, фантазии* и т. д., великого Табарина и барона де Грателара, которые продавали свои снадобья, свои приправы, свои духи и свои *секреты* с помощью этих "восхитительных гальярдисов", этих "неслыханных концепций" и этих "веселых фарсов", перепечатанных столько раз, чтобы удовлетворить жажду покупателей, которых не пугала дерзость темы, смелость деталей и несоответствие языка. Табарин и его подражатели имели право говорить на своих подмостках все, что угодно; прохожие - слушать все, что угодно, и если там оказывался полицейский комиссар-следователь с серьезным и строгим видом, он старался не прерывать удовольствия маленьких людей, навязывая молчание дерзким актерам табаринских фарсов, которые лишь позднее были запрещены декретом парламента.

КОНЕЦ ШЕСТОГО И ПОСЛЕДНЕГО ТОМА.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Наконец-то мы подошли к концу нашей работы. Мы сожалеем, что, учитывая небольшое количество томов, мы не смогли воспользоваться большим количеством ценного материала, который значительно увеличил бы объем книги. Так, например, нам пришлось сократить целый раздел, посвященный древним временам и истории обычаев в Греции, Риме и Поздней империи; мы, например, опустили два знаменитых отрывка, опущенных в старых

изданиях Прокопия (см. в *Menagiana*, ed. of 1715, t. I, p. 347 ff, эти два отрывка восстановлены по ватиканским рукописям); но, с другой стороны, мы довольны тем, какое развитие получило наше исследование истории нравов во Франции, начиная с варварских времен и кончая царствованием Генриха IV, на котором заканчивается наш труд. Не следует забывать, что эта работа является первой, предпринятой на тему, которая представляет не меньший интерес для моралиста и философа, чем для законодателя и археолога. Сама неторопливость, с которой осуществлялось это важное издание, свидетельствует о том, что автор не желал связывать успех столь серьезного труда с нетерпеливым любопытством легкомысленных читателей.

Мы считаем, что в этом обширном историческом сочинении мы доказали, что древние философии и религии были более или менее виновными помощниками проституции; что истинная мораль честных людей не существовала до установления христианства; что главная роль этой возрождающей религии посреди языческого и идолопоклоннического мира заключалась прежде всего в основании культа морали, и что мораль, очистившись в горниле христианской семьи, создала современную цивилизацию. Мы беспристрастно изучили ужасные и тайные расстройств проституции в лоне общества; мы показали, что с незапамятных времен это отвратительное проявление порока смело возникало перед лицом божественных и человеческих законов, которые пытались его подавить и которые могли только ослабить и сковать его; наконец, мы тщательно отметили различные и многочисленные формы, которые разврат принимал в каждую эпоху под влиянием общих событий и индивидуальных воздействий, которые оказывали влияние на общественную мораль.

Из наших убеждений, подкрепленных длинным рядом фактов, следует, что легальная проституция, то есть проституция, разрешенная или скорее терпимая законом, никогда не имела никаких связей или отношений, даже косвенных, с постоянным состоянием нравов в стране, и что она всегда остается замкнутой в ограниченном кругу, который только расширяется по мере роста населения; Но, напротив, самые опасные и захватнические из дурных нравов, не имеющие ничего общего с этим гнусным видом Проституции, могут ужасающим образом развиваться в высших классах и вызвать, так сказать, гангрену сердца нации, если правительство и люди, которые его представляют, не будут бороться с подражанием пороку среди молодежи и закрывать глаза на худшую из проституций, на эту свирепую и ненасытную любовь к деньгам, которая пожирает нынешнее поколение.

Из нашего скита в Сен-Клоде, 1^я января 1854 года.

Пьер Дюфур.

ОГЛАВЛЕНИЕ ШЕСТОГО ТОМА.

ФРАНЦИЯ.

ГЛАВА XXXV.

Резюме -Проституция в моде -История костюма с точки зрения морали -Любовь к роскоши ведет к разврату -Сумптурные указы королей -Простота национального костюма французов - Зарождение разнузданности в одежде -Монахи Сен-Реми де Реймс.-Крестовые походы принесли во Францию восточные моды. -Кульм моды, по мнению Робера Гагена. -Человек

стремится походить на дьявола.-Рога и хвосты при Карле VI - Преувеличения *формы одежды* - Определение честной одежды, по мнению Кристины де Пизан - Мода Изабеллы Баварской - Робы *à la grand'gore* - Предрассудки против женщин, которые моются сами - *Мюгеты* - *Молитвенные пояса*.Бани и парилки.- Мужская мода в пятнадцатом веке.- Маготры.- *Брагеты*.- Баскины и вертухаи.- Их происхождение и использование.- Женские *кальсоны*.- Обнаженные ущелья.- Черные атласные кровати.- Позор наглости.- Прогресс общественных приличий.

ГЛАВА XXXVI.

Резюме.- *Кабинет короля Франции*.- Николя Барно не является автором этой работы.- Рефюм о Моннуа.- *Секрет финансов Франции*.- Кем является автор.- Анализ *кабинета* и объяснение трех ценных перлов, которые он содержит.- *Предание о священной полигамии*.- Статистика проституции в 1581 году.-Персонал Лионского архиепископства.-Курьезные цитаты из книги о *многоженстве*.-Подробное описание беспорядков в одной епархии.-Автор доказывает точность своих расчетов каталогом дьявольской монархии.-Подробное описание епархий Франции, с точки зрения проституции, с доходами и расходами.-Сингулярные доказательства, представленные автором в поддержку своей статистики.-Кардинал Лотарингии, оправданный Брантомом.-Камердинеры кардиналов.-Персонал епископского дома.-Епископский бал.-Камердинеры аббатов, приоров, монахов и т.д.-Пять статей из коллоквиума в Пуасси.-Полигамия дворянства.-Проституция дворянства Берри.-Коллаж аббата.-*Торговец лошадьми*.-Доходы духовенства.-Заключение этого гугенотского памфлета.-Церковные нравы в XVI веке.-Свидетельства Жана де Монлюка и Брантома.- Расследование против аббата Орильяка.-Держава подвергается моральному влиянию Реформации.

ГЛАВА XXXVII.

Проституция возлюбленных Генриха III - Прибытие итальянцев к французскому двору - Влияние их нравов - Искушение содомского греха - Сорбоннист Николя Майяр - Мнение честных людей, выраженное Брантомом - Отвратительные мужья.Анри III возвращается из Польши - Его приключения в Венеции - Точная дата его развращения - Школьники и итальянцы - Капитан Ла Вижери - Происхождение миньонов - Их портрет, написанный П. де л'Эстуалем - *Унижения при дворе* - Варианты.Каталог миньонов.- Сонет *vilain*.- Роль каломни.- Поэзии и сатирические пасквилы на гугенотов и лигуров.- Письмо одного парижского ребенка.- *Злоключения Анри де Валуа*.- Маскарады и процессии.- Конферерия певиц.-Монах Понсе.- Имена миньонов.- *Трагедии* Агриппы д'Обинье.- *Гермафродиты*.- Алтарь Антиноя.- Девушка Саламбона.- Приключение в Сарбакане.- *Исповедь Санси*.- Ювенал двора Анри III.

ГЛАВА XXXVIII.

Sommaire.-*Сатирический развод*.-*Мемуары* королевы Маргариты.-*Любовь великого Алкандра*.-Первые любовники *Марго*: Ла Моль, Бюсси, Тюренн, Майенн, Клермон д'Амбуаз и т.д.-Интрига королевы с Шампольоном.-Отступление сына от двора и его арест.-Письмо Анри III своему брату.-Маргерита в роли жены.-Фуайт де Нерак.-Ее прибытие в Карлат.- Кадеты Гаскони и котельщики Оверни.- Занятия Маргариты в Карлате.- Обьяк и маркиз де Канильях.- Замок д'Уссон.- Ее тайны, согласно различным современным свидетельствам.- Кантор Помини.- Серебряный ящик.- Культ *Венеры Урании*.- Два ее слуги, Дюплеи и Брантом, в присутствии.-Развод Генриха IV.-Возвращение Маргариты в Париж.-Отель де Сенс.-Смерть *милой Даты*.-*Остров Цитерия* в Фобур Сен-Жермен.-Бажомон.-Последние вздохи галантности королевы Марго.-История тысячи и одной любовницы короля Наваррского.- Суждения о проступках этого принца.-Катерина дю Люк, демуазель де Монтегю, Тиньонвиль,

Марокен и т. д..-Мадам де Сове, Дайель, ла Фоссез и др. Графиня де Гиш, мадам де Гершевилль, аббатства Лоншан и Монмартр, Габриэль д'Эстре, ее любовные связи с королем и другими людьми, герцогиня де Верней, Ла Хей, Фануш, графиня де Море, ла Гланде и др. принцесса де Конде, сводники короля.

ГЛАВА XXXIX.

Sommaire.-Les annales de la cour sous Henri III et Henri IV.-La belle Châteauneuf.-Le souper des trois rois chez Nantouillet.-Le mariage de la maîtresse du roi.-L'assassinat de madame de Villequier par son mari.-Indignes violences de Henri III et de ses mignons.-La comédie du *Paradis d'amour*. -Библиотека мадам де Монпансье.-Манифест придворных дам.-Почетные дочери королевы.-Мальербэ и господин Ла Луэ.-Ла Сагонн и барон де Термес.-Индульгенция Генриха IV.-Зарождение галантности.-Последствия роскоши.-Платок за 19 000 экю.-Гобелен.-Тайны богов.

ГЛАВА XL.

Резюме - Развращение народа в конце XVI века.- Пагубное влияние Лиги на нравы.- Непристойные гравюры.- Проституция языка.- Процессии *обнаженных*. - Приходской священник Пигенат.- Сент-Бёв.-Портрет благородного лигура.-Насилия, совершенные солдатами войны.-Насилия над детьми в Париже.-Преступления скотоложства.-Супруг Жиле-Гулар.-Авторские мучения людей и животных.-Преступления содомии.-Медик де Сильва.-Прогресс порока.Преступления похищения и соблазнения - Штраф - Отказ в правосудии - Наказание за кровосмешение - Президент Жамбевиля - Безразличие судов к некоторым побуждениям к разврату -Les Amours des Dieux, de Tempeste.-Трактат Санчеса "*De Matrimonio*" конфискован и запрещен.-"*Сумма грехов*" П. Бенедикти, разрешена.-"*Средства достижения*" Бироальда де Вервиля.-Дочери-репатриантки.-Непорядки в женских монастырях во время Лиги.-Бродячие монахини.

ГЛАВА XLI.

Резюме.- *Терпимость* к местам разврата.- Недостатки этой системы охраны порядка.- Мнение Монтеня.- Министр Кайе становится адвокатом Бордо.- Его *рассуждения против публичных расторжений*. - Эти рассуждения попали в руки печатника Робера Эстьенна.- Кайе смещен консисторией.- Обвинения протестантов по поводу приписываемой ему книги.- Д'Обинье утверждает, что Кайе две позорные книги, а не одну.-Мнение Кайе, основанное на авторитете папы.-Королевский ордонанс 1588 года против кларета.-Протокольные ордонансы 1619 и 1635 годов для исполнения эдикта 1560 года.-*Руфины* Парижа в конце XVI века.-Консультант Жан Левуа и его любовница.-Капитан Ришелье.-Разборки полиции нравов в 1611 году.-Дом президента Харлея.

ГЛАВА XLII.

Краткое содержание.- Великий поэт проституции Матурин Регнье.- Его эпикурейская философия.- Его характер и нравственность.- *Добрый естественный закон*. - *Импотенция*. - Одно из его ночных приключений.- *Грот Мауве*. - *Разговор старого макереля*. - Маделон и Антуанетта.- Масетт.- Послание сеньору де Форкве.- Болезнь и смерть Регнье.

ГЛАВА XLIII.

Sommaire.-Les imitateurs de Regnier.-Le sieur d'Esternod et son *Espadon*. -Une bonne fortune de poète satirique.-Le paranymphe de la vieille dévote.-La *Belle Madeleine*. -Le sieur de Courval-Sonnet.-La *Censure des femmes*. -Consils à une courtisane.-Les *Exercices de ce temps*. -Бал.-

Променад.-Дебауше.-Процесс Теофиля Вио.-Книги сатирических стихов.-*Сатирический Парнас*.-Месть П. Гарасса и джезуитов.-Ответы против Теофиля.-Новая юриспруденция против скверных книг и непристойных разговоров.

ГЛАВА XLIV.

Резюме - Проституция в театре - История французского театра с точки зрения морали - Гистрионы, печально известные при Карле Великом - Основание Конфедерации Страстей - Постановка мистерий - Их непристойность - Чудо святой Женевиевы - Жизнь святой Варвары - Непристойность костюма и пантомимы. *Les Diables et les Anges* (Дьяволы и ангелы) - *Eclairage de la salle* (Освещение театра) - *Les Enfants-sans-souci et les Clercs de la Bazoche* (*Беззаботные дети* и клирики Базоша) - *Le Jeu des pois pilés* (*Игра в гороховое пюре*) - Censorship (Театральная цензура) - *Désordres des comédiens* (Беспорядок актеров) - В какой период женщины начали появляться на сцене - *Les Gelosi et les acteurs espagnols* (*Гелози* и испанские актеры) - *Les plus anciennes actrices françaises* (Старейшие французские актеры).- Парламент запрещает представление мистерий.- Фарсы XVI века.- Их грязь.- Большинство из них уничтожено.- Что от них осталось.- Лондренское собрание и собрание герцога де ла Вальера.- *Собрание многих фарсов, старинных и новых*.- Большое количество фарсов.- Толерантность гражданской власти к театру. Названия нескольких серьезных фарсов.- Первые комедианты Бургундского дома.- Турлюпен, Грос- Гийом, Готье Гаргиль.- Песни.- *Les Plaisantes imaginations de Bruscombille*.- Сельские театры и *jeux de raume*.- Театры Пон-Нёфа.- Табарин и барон де Грателар.

Заключение.

КОНЕЦ ТАБЛИЦЫ.

Подробное примечание к транскрипции:

Помимо исправления ошибок, явно допущенных печатником, исправлены следующие ошибки:

- На с. 42 после слов "bien tendus....." добавлена закрывающая перевернутая запятая;
- На с. 173 слово "engendait" исправлено на "engendrait" ("engendrait tant de femmes de joie");
- На с. 185 слово "pimpêche" исправлено на "pimbêche" ("Эта пимпочка и хитрая женщина");
- стр. 219, "rechés" исправлено на "réchés" ("Сумма грехов");
- стр. 234, после слов "Justice de Corbeil" добавлена закрывающая перевернутая запятая.
- стр. 281, "Mécènes" исправлено на "Mécène" ("Son Mécène, Philippe de Béthune");
- стр. 296, "dons" исправлено на "clous" ("De cent clous elle fut formée");
- стр. 299, 302, 328 и 375, "Violet" исправлено на "Viollet" ("Viollet-Leduc");
- стр. 343, "La" исправлено на "la" ("duc de la Vallière");
- с. 396, "Индюльгенции" исправлено на "Индюльгенции" ("Indulgence de Henri IV").